

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
Центр научной информации и документации

ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Серия В: «Общество и государство в Китае в ходе реформ»

Выпуск 31

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН
(Москва, 16 и 18 марта 2016 г.)

Москва
ИДВ РАН
2016

УДК 338.98

ББК 66.0.-1*65.2/4-65.9[5 Кит]

Пол 49

Редакционная коллегия

д.п.н. Виноградов А.В. (*отв. редактор*), к.ю.н. Бородич В.Ф.,
д.и.н. Горбунова С.А.

Оргкомитет конференции:

д.п.н. Виноградов А.В. (*председатель*),
к.ю.н. Бородич В.Ф., Демидо Н.Ю., к.ю.н. Трощинский П.В.

Пол 49

Политические процессы в условиях смены экономической модели. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 16 и 18 марта 2016 г.) – М.: ИДВ РАН, 2016. – 256 с.

ISBN 978-5-8381-0267-6

This volume contains articles prepared on the basis of reports submitted to the annual scientific conference of the **Center of Political Studies and Prognoses of the Institute of Far Eastern Studies** in March 2015. Articles analyze main trends of party political life, various aspects of domestic and foreign policy of China, the development of law, the effect of economic reforms on the socio-political processes in PRC.

В сборнике публикуются статьи, подготовленные на основании докладов, представленных на ежегодную научную конференцию Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока, состоявшуюся в марте 2016 г. Статьи посвящены анализу основных тенденций партийно-политической жизни, различным аспектам внутренней и внешней политики Китая, развитию права, влиянию экономических реформ на социально-политические процессы в КНР, национальной и религиозной политике.

УДК 338.98

ББК 66.0.-1*65.2/4-65.9[5 Кит]

ISBN 978-5-8381-0267-6

© ИДВ РАН

СОДЕРЖАНИЕ

1. Бородич В.Ф. Политическое развитие Китая в эпоху Си Цзиньпина	5
2. Виноградов А.В. Трансформация политического режима при Си Цзиньпине: промежуточные итоги	15
3. Горбунова С.А. Буддийский взгляд на современный терроризм.....	25
4. Афонина Л.А. Пятое поколение руководителей КНР и китайские верующие: конфликт интересов или поиск пути развития?	33
5. Гурулева Т.Л. Развитие национального образования в КНР: базовые положения ускорения	44
6. Грачева Ю.А. Современные тенденции в жизни народа наси	60
7. Лазарева Т.В. Проблема терроризма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе	67
8. Баженова Е.С. Роль Синьцзяна в развитии Экономического пояса Великого Шелкового пути	79
9. Сазонов С.Л. Диверсификация капиталовложений в транспортный комплекс КНР как новая модель стимулирования роста экономики	91
10. Мокрецкий А.Ч. Курс на создание сети партнерств или расширение круга друзей Пекина в новых условиях	103
11. Румянцев Е.Н. О внешнеполитической пропаганде и «мягкой силе» Китая.....	116

12. Журавлева Е.В.	
Система «мягкой силы» с китайской спецификой и ее особенности	140
13. Меркулов К.К.	
Некоторые особенности и перспективы отношений России и Китая в контексте проблем глобального мироустройства.....	152
14. Балакин В.И.	
Японские эксперты о политической стратегии руководства КНР по совершенствованию управления китайскими вооруженными силами	161
15. Картунова А.И.	
Решения Политбюро ЦК КПК на совещании в Лочуани (август 1937 г.): разработка стратегии, политики и тактики КПК и ее армии на период антияпонской войны.....	172
16. Анисимцев Н.В.	
Становление, структура, тенденции развития гражданско-правовой системы КНР на современном этапе.....	187
17. Базина О.О.	
Реформа органов исполнительной власти КНР	198
18. Трощинский П.В.	
Особенности законодательной политики КНР в 2015 г. ...	210
19. Соколова Н.В.	
Основные принципы гражданского процессуального права Китая	223
20. Захарова В.К.	
О некоторых особенностях стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе Китая и России ...	231
Annotations	239

Политическое развитие Китая в эпоху Си Цзиньпина

Аннотация: После 18 съезда КПК руководители компартии формируют свое представление о главных направлениях политического развития. Это представление обусловлено потребностью Китая в выработке и осуществлении новой стратегии развития, которая соответствовала бы характеру и сложности внутренних проблем и, одновременно, обретенному Китаем в результате проведения политики реформ и открытости могуществу, делающему его второй по влиянию державой мира.

Главным направлением современного внутривнутриполитического развития Китая определено развитие легальной системы политического управления, ключевую роль в которой играет правящая компартия, при одновременном ослаблении теневого контура власти за счет возвышения роли права в управлении страной и кампании борьбы с коррупцией.

Ключевые слова: политические изменения, политическое развитие, теневой контур власти, политическая организация, политическая самоорганизация, система политического управления.

Предварительные замечания

Факты и оценки экспертов не оставляют сомнений в том, что политика реформ и открытости привела к экономическому развитию Китая. Однако о том, какую оценку дать политическим изменениям в Китае периода реформ и открытости, единодушия в экспертном сообществе нет. Автор статьи ставит перед собой задачу сделать некоторые предварительные выводы о том, что можно оценивать как политические изменения в КНР с момента вступления Си Цзиньпина в должность высшего руководителя правящей партии и одновременно занятия им ряда высших государственных постов. В данной статье автор

рассуждает лишь о части политических проектов и инициатив, с которыми выступает нынешний руководитель КПК.

В течение всех лет реформ реализация уже сформулированных в решениях 3 пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) идей развития и появление новых идей происходили путем согласования интересов и позиций внутри правящей элиты КНР. Согласования временами принимали форму острой политической борьбы. Во многом благодаря этому перипетии разрешения проблем и снятия противоречий внутри правящей элиты, как и перипетии политической борьбы, выходили на передний план исследовательских и, в особенности, журналистских работ по Китаю, и давали их авторам основание относить некоторые политические новации в решениях руководящих органов компартии к числу деклараций, лишенных реального содержания и перспектив.

Конечно, не все новации были реализуемы в обозримой перспективе, но, по мере наращивания научного фундамента в процессе принятия стратегически важных политических решений, новации становились реальным вкладом в конструирование качественно новых характеристик политической организации и политического процесса в Китае.

О понятии «политическое развитие»

Рассуждая о политическом развитии, автор основывается на методологическом подходе, согласно которому: а) политическое развитие является составной частью социального развития, б) социальное развитие является составной частью социальных изменений.

Социальные изменения имеют двоякую природу:

во-первых, они, по Эмилю Дюркгейму, ограничены структурными условиями¹, каждая социальная целостность имеет своеобразный "коридор возможностей", в котором со временем могут происходить изменения. Социальные структуры, хотя и образованы действиями людей, тем не менее обладают собственными закономерностями, не сводимыми к этим действиям.

Для Китая с его многотысячелетней историей, фактор ограничения, детерминации социальных изменений целостностными свойствами исторически сложившейся социальной структуры, является важнейшим. Детерминированность социальных процессов закономерностями, прямо не зависящими от действий людей, придает социальному процессу в Китае такую инерционность, которая делает невозможными резкие социальные изменения, вызванные волевыми решениями субъектов политики. Так, «Большой скачок» как попытка Мао Цзэдуна осуществить масштабные социально-экономические преобразования, провалилась спустя несколько лет после его начала; «Культурная революция», также волонтаристский проект Мао Цзэдуна, была похоронена менее чем через полтора десятилетия и т.п.;

во-вторых, социальные изменения не детерминированы структурными условиями полностью и деятельность людей, спонтанная или целенаправленная, влияет и на темп социальных преобразований, и на их содержание. Степень влияния деятельности людей на социальные изменения зависит от многих факторов, которые делятся на факторы внешней и факторы внутренней среды. По мере ускорения исторического процесса в глобальных масштабах, влияние внешней среды на социальные изменения усиливается. Китай в начале XX века, после Октябрьской революции в России испытал сильнейшее внешнее влияние, одно из направлений которого, социалистическое, продолжает осваиваться в теории и практике КНР.

Влияние внешней среды зависит также от степени и характера включенности конкретного общества в такие процессы. Характер включенности определяется тем, какую роль то или иное государство играет в глобальных процессах – роль активного субъекта изменений или роль пассивного их реципиента. После того, как Китай прочно занял место второй экономической державы мира, качественно меняется его самооценка в мировом политическом пространстве, и после 18 съезда КПК Китай определенно позиционирует себя в качестве сверхдержавы,

активно претендующей на переформатирование миропорядка в соответствии со своими интересами и представлениями².

Кроме влияния среды на социальные изменения оказывают серьезное влияние действия субъектов социальных изменений. Для государства с авторитарным политическим режимом это, прежде всего, государственная политика реформ, если, конечно, такие реформы проводятся.

В современном Китае оба фактора – *среды и политики реформ* – являются факторами равновеликой важности, о чем говорит само название государственной политики Китая – «политики реформ и открытости».

Как составная часть социального развития *развитие политическое* представляет собой процесс качественных системных изменений, охватывающих и политическую организацию, т.е., вырабатываемую и реализуемую государством государственную политику, и политическую самоорганизацию общества.

Вопреки часто встречающимся, особенно, в журналистской аналитике, а также в источниках, транслирующих точку зрения сторонников западных представлений о политическом развитии³, оценкам политических изменений в Китае как имитационных, политическое развитие может отнюдь не выражаться только в смене политической системы государства. Оно может осуществляться и эволюционным путем, когда политическое руководство, избегая рисков непредсказуемых последствий кардинальных изменений, осуществляет поиск резервов повышения эффективности существующей политической системы. Политическое развитие в таком случае подчинено развитию страны в целом, а не приведению политической системы в соответствие с зарубежными шаблонами, считающимися в определенных кругах успешными. Именно таким путем следует современное политическое руководство КНР.

Изменения в политической организации и самоорганизации могут происходить и синхронно, и асинхронно, согласованно и несогласованно. В силу характера политической сис-

темы КНР, прежде всего, наличие института правящей партии, после событий 4 июня 1989 г., которые могли при ином ходе их развития привести к резкому усилению роли институтов политической самоорганизации, основные усилия руководство КПК прилагало к повышению эффективности политической организации. Первые годы нахождения на высших партийных и государственных должностях Си Цзиньпина не изменили этого положения, что не означает прекращения политического развития. Современный этап политических преобразований, условно названный «эпохой Си Цзиньпина», связывается в Китае с ожиданиями масштабных изменений качественного характера.

К числу субъективных признаков наступления «эпохи Си Цзиньпина» следует отнести, прежде всего, выход и популяризацию по всему миру книги «Си Цзиньпин о государственном управлении»⁴. Уже структура документов и материалов, собранных в ней, показывает, что для воплощения стратегической цели – осуществления «китайской мечты о великом возрождении китайской нации» – главной стратегической мерой провозглашено комплексное *развитие* страны, невозможное без *развития* политического.

В комментариях к книге Си Цзиньпина обращает на себя внимание акцент на влияние Китая на происходящие в мире процессы, на то, что позиции Китая как субъекта глобальных процессов не просто усиливаются, но усиливаются, превращаясь в новый важный источник его развития.

Китайская пропаганда охотно использует материалы зарубежных периодических изданий для демонстрации тезиса об усилении роли Китая в мировых делах за время после занятия Си Цзиньпином главных партийных и государственных должностей. В мае 2015 г. в китайской печати комментировался, например, материал из британской газеты The Daily Telegraph, в котором говорилось о глубоком влиянии Си Цзиньпина на глобальную политику. С особым удовольствием пересказыва-

лась мысль о том, что с момента вступления в должность главы китайского государства в 2012 г. Си Цзиньпин неоднократно создавал историю⁵.

Однако китайская печать не скрывает и субъективных усилий китайских властей по популяризации Си Цзиньпина, в частности, пишет о беспрецедентности решения опубликовать его книгу на 9 языках, результатом чего ее тираж на китайском и иностранных языках составил в январе 2016 г. 5,37 млн экз.⁶.

Что касается объективных признаков «эпохи Си Цзиньпина», то главным из них может рассматриваться потребность Китая в выработке и осуществлении **новой стратегии развития**, которая соответствовала бы обретенному Китаем в результате проведения политики реформ и открытости **могуществу**, делающему его второй по влиянию державой мира. Фактически, эпоха Си Цзиньпина – это эпоха перехода Китая от государства со статусом **второй экономической державы** мира, к государству, по совокупной национальной мощи являющемуся **второй сверхдержавой**. Из контекста выступлений Си Цзиньпина, включенных, в частности, в упомянутую книгу, можно заключить, что осуществление такого перехода он считает невозможным при сохранении в неизменном состоянии современной системы управления государством. Именно в ее недостатках он усматривает резерв политического развития, оставляя на потом вопросы политической самоорганизации.

О концепции политического развития Си Цзиньпина

Концепция политического развития как составная часть концепции развития страны, после занятия Си Цзиньпином высших должностей формируется им в соответствии с руководящими установками провозглашенными для современного этапа политики «реформ и открытости». В соответствии с ними реформы и открытость необходимо проводить: а) с использованием правильной методологии, б) в соответствии с реалиями страны, в) «им нужно непрерывно содействовать на практике»⁷. Установки включены в стартовые для современно-

го этапа проведения политики реформ и открытости *Предложения из пяти пунктов* (далее *Предложения – авт.*), которые Си Цзиньпин изложил вскоре после своего избрания на 18 съезде КПК Генеральным секретарем ЦК, на 2-й коллективной учебе Политбюро ЦК КПК по вопросам продвижения вперед реформ и открытости 31 декабря 2012 г. Суть *Предложений*:

- «во-первых, реформы и открытость должны продвигаться вперед по пути социализма с китайской спецификой;
- во-вторых, реформы и открытость необходимо проводить с использованием правильной методологии в соответствии с реалиями страны, и им нужно непрерывно содействовать на практике;
- в-третьих, политика реформ и открытости является системным проектом, который должен проводиться скоординированным образом, и он нуждается в мерах поддержки;
- в-четвертых, реформы и открытость должны быть проведены на основе предпосылки стабильности;
- в-пятых, эта политика должна быть осуществлена под руководством КПК и на основе уважения инновационного духа народа»⁸.

Всё последующее содержание деятельности Си Цзиньпина свидетельствует о том, что он стремится придерживаться озвученных в последний день 2012 г. принципов и установок, содержащихся в *Предложениях*.

Если обратить внимание на установку подходить с выверенными методами и познания, и практического реагирования, то она является новой редакцией принципа *раскрепощения сознания*. Но она конкретизирует этот принцип указанием на необходимость не ограничиваться общим призывом, а вырабатывать, апробировать и внедрять конкретные методы раскрепощения сознания, которые соответствовали бы социально-политическим, экономико-технологическим, геополитическим и экологическим изменениям, происходящим в стране и мире.

Во имя соответствия изменениям в мире руководство КПК с самого начала политики реформ проводит политику направления на учебу за рубеж молодежи. Простимулированное вначале объективной необходимостью компенсировать потери в производстве специалистов с высшим образованием, понесенные в годы «культурной революции», решение второго поколения китайского руководства о ежегодном направлении в зарубежные вузы трех тысяч человек, принятое в 1978 г.⁹, менялось лишь в сторону количественного увеличения, приняв, тем самым, стратегический и долговременный характер. К 2013 г., согласно данным министерства образования КНР, количество выезжавших на учебу за границу составило уже 3,058 млн человек¹⁰.

Известно, что многие из получивших в иностранных вузах образование и возвратившихся на родину граждан КНР стали авангардом научной интеллигенции, другие влились в руководящие ряды компартии и государства, третьи вошли в ядро бизнес-менеджмента. Во всех случаях, возвратившиеся из-за рубежа граждане КНР стали заметной частью образованных людей, принимающих активное участие в политике реформ и открытости.

Однако вместе с полученными за границей знаниями и приобретенными умениями и навыками в исследовательской и практической, в том числе управленческой, работе, получившие образование за рубежом китайские граждане привносят в общественное сознание мировоззренческие схемы, не присущие традиционной китайской ценностной модели. Именно на этот случай *Предложения*, кроме требований раскрепощения сознания в соответствии с изменениями, содержат критерий проверки на *соответствие реалиям страны*. Таким образом, *Предложения* ставят преграду механическому перенесению на китайскую почву и западных мировоззренческих моделей, и их производного – методов познания и практического реагирования. Одновременно *Предложения* фокусируют внимание чле-

нов компартии на углубленном изучении отечественных знаний, опыта и традиций.

Фактически, для раскрепощения сознания руководство КПК пятого поколения, во главе с Си Цзиньпином, очертило рамки возможного в познании и властном реагировании КПК как системообразующего института политической системы. Устанавливаемые рамки с очевидностью отвечают на важный тренд общественной жизни Китая – нарастающей включенности в глобальные процессы.

Всею познавательной и практической деятельности компартии по сопровождению изменяющейся в мире и стране обстановки Си Цзиньпин стремится обеспечивать политическое содействие. Суть его заключается в том, чтобы политическими мерами повысить эффективность реализации принимаемых стратегических решений, преодолевая инерцию, активное и пассивное сопротивление на различных уровнях партийной и государственной власти. Наиболее наглядно содействие выражается в подходе Си Цзиньпина и его единомышленников к борьбе с коррупцией. При Си Цзиньпине она возведена в степень систематического выправления всей системы власти, напоминающей конфуцианский принцип *чжэньминь*: слова и дела партийных работников и государственных чиновников должны соответствовать их предназначению, которое определяется высшей целью – «великого возрождения китайской нации» и идеологией социализма с китайской спецификой.

После *Предложений* из пяти пунктов Си Цзиньпин продолжает выступать с другими политическими инициативами, суть которых заключается в стремлении привести организацию и функционирование партийного и государственного аппарата в соответствие с нормами права и партийного устава. К очередной сдвоенной сессии ВСНП и ПК НПКСК (март 2015 г.), например, в концепции управления государством в «четыре стороны» («всестороннего построения общества среднего достатка, всестороннего углубления реформ, всесто-

ронного управления государством на основе законов и всестороннего проведения со всей серьезностью внутривластного управления») два последних аспекта реализуются в кампании борьбы с коррупцией, принявшей форму самоочищения всей системы партийного и государственного управления.

Масштабы выявленных в ходе этой кампании правонарушений на всех этажах власти свидетельствуют о том, что теневой контур власти до сих пор продолжает делить нормативное регулирование жизни компартии и страны с официальными государственными и нормативными документами – уставом КПК, Конституцией КНР и законами государства. По сути, решение задачи лишить теневой контур власти прежнего влияния на управление партией государством и является главным признаком политического развития «эпохи Си Цзиньпина».

Выводы

1) Политическое развитие эпохи Си Цзиньпина является продолжением политического развития предшествующих лет проведения политики реформ и открытости. При этом политическое развитие рассматривается как необходимое условие комплексного развития Китая.

2) Политическое развитие Китая рассматривается и как процесс внутреннего развития страны, и как процесс усиления влияния Китая на ход мировых дел. Оба направления политического развития подчинены интересам развития Китая.

3) Главным направлением внутривластного развития Китая определено развитие системы политического управления с сохранением за компартией ключевой роли в политической системе и с сокращением неконтролируемого руководством КПК и КНР сферы влияния на общественно-политические и экономические процессы в стране различных корпоративных интересов.

Тем самым китайское руководство реализует принцип реалистичного подхода к реформированию, при котором основой политического развития избрано развитие сложившейся систе-

мы институтов политического управления. Возвышение института права в системе нормативных институтов – важный акцент политического развития, акцент, с которым связаны расчеты избавиться от оков традиционных институтов политического управления, консервирующих отсталость и образующих теневой контур власти.

4) В отношениях с внешним миром, которые в данной работе отдельно не рассматривались, политическое развитие при Си Цзиньпине направлено на создание разветвленной инфраструктуры взаимообменов, которая должна обеспечить Китаю приращение его внутренних ресурсов за счет ресурсов зарубежных партнеров.

**2. Виноградов А.В.
ИДВ РАН**

Трансформация политического режима при Си Цзиньпине: промежуточные итоги

Аннотация. Утверждение пятого поколения китайских руководителей во главе с Си Цзиньпином во власти нарушило устоявшийся за годы реформ порядок преемственности и подвергло серьезному испытанию сложившийся политический механизм. Одним из результатов начавшейся досрочно смены поколений может стать появление новых вызовов политической системе КНР, в том числе со стороны идеологии. От успешного поиска ответов на них Си Цзиньпином зависят перспективы китайской модели развития.

Ключевые слова. Политическая реформа, Си Цзиньпин, кампания по борьбе с коррупцией в КНР, пятое и шестое поколения китайских руководителей, 19 съезд КПК.

Все современные политические системы появились в результате целенаправленных усилий по повышению эффективности власти. Не следует, однако, забывать, что главная функция политического как сферы общественной жизни – поддержа-

ние стабильности. Поддержание социально-политической стабильности и повышение эффективности власти, таким образом, составляют основной конфликт политического процесса. С этой точки зрения то, что сейчас происходит в Китае, можно назвать политическим кризисом, потому что в стремлении повысить эффективность государственной власти под угрозой оказалась политическая стабильность. Это не означает, что Китай неминуемо ждет потрясения, но это означает, что вероятность таких потрясений существенно выросла. В этом главный вызов политической системе, которая сложилась в КНР за последние десятилетия после окончания «культурной революции».

Считается, что причина превосходства современного западного мира кроется в либеральной экономике и соответствующих ей гуманитарных свободах. Поэтому политическое развитие за пределами Запада оценивается с точки зрения приближения к демократической политической системе. Такие представления обусловлены, прежде всего, эффективностью либеральной (рыночной) экономической модели. Однако, следуя этой логике – логике экономического детерминизма – успехи Китая в экономике могут привести к широкому распространению в мире и китайской политической модели. И тогда универсальную ценность демократии вполне может заменить превосходство просвещенного авторитаризма.

Есть ли перспективы у авторитаризма, в которых ему было отказано в развитом мире? Для доказательства этого авторитаризм должен постоянно подтверждать свою способность изменяться, «соответствовать времени» (*юй ши цзюй цзинь*). Третье и четвертое поколения китайских руководителей, возглавляемые Цзян Цзэминем и Ху Цзиньтао, продемонстрировали, что авторитаризм в Китае может совершенствоваться, меняясь эволюционно и оказывая минимальное воздействие на политическую стабильность. Деятельность Си Цзиньпина (в первую очередь его персональная, а не возглавляемого им ПК ПБ и

партийного руководства) свидетельствует о том, что политические изменения в современном Китае по-прежнему могут носить радикальный характер. В этом проявляется еще одна существенная черта китайского авторитаризма – радикализм в экономике и политике неразрывно связан с личностью лидера, тогда как эволюционный характер в большей степени с коллективной деятельностью руководства. Авторитаризм, таким образом, обладает широким арсеналом политических средств – от низко интенсивных, консенсусных, эволюционных до высоко интенсивных, несвойственных демократическим механизмам, по своей природе более инерционным и неконфликтным.

На момент прихода к власти пятого поколения моральное и физическое устаревание экономической модели, успешно действовавшей в Китае на протяжении 30 лет, обострило все существующие в обществе противоречия, выведя из тени проблемы социальной справедливости и разрывов в уровнях доходов, образовавшихся в ходе быстрого, но неравномерного развития. Однако в отличие от начала 1980-х гг., когда существовало общее понимание приоритетности высоких темпов, серьезно усложняющим принятие окончательного решения фактором является неопределенность параметров и целевых ориентиров новой модели, отсутствие ясной программы действий и идеологии реформ. Си Цзиньпину досталась задача не менее сложная, чем Дэн Сяопину на рубеже 1980-х – сменить модель развития, сохранив преемственность власти, но в абсолютно других условиях – отсутствия конкурентных преимуществ, ухудшения мировой экономической конъюнктуры, снижения темпов экономического роста и, как следствие, обострения социальных проблем, а также отсутствия общепризнанного национального лидера.

Осложняющим деятельность нового руководства фактором является и то, что даже успешное по историческим меркам решение стоящих перед Китаем социально-политических и экономических задач будет связано с неизбежным снижением

темпов экономического развития и роста уровня жизни и не принесет ему быстрого признания в партии и популярности в обществе. Си Цзиньпин будет первым за 25 лет китайским руководителем, успехи которого в силу неблагоприятной конъюнктуры будут оцениваться не чистым позитивом, а борьбой с негативом, сложной для восприятия современниками. Политические плоды успешных преобразований достанутся не ему, а следующим поколениям руководителей, в то время как ответственность за их провал будет его персональной. (В этом его тоже можно сравнить с Дэн Сяопином, боровшимся за утверждение рыночной экономики с оппонентами внутри КПК и взявшим на себя ответственность за побочные негативные последствия своего курса после выступлений на Тяньаньмэнь в 1989 г.). Вне зависимости от окончательных итогов его правление станет периодом борьбы и испытаний, а смена модели развития займет не одно десятилетие и превзойдет отпущенные ему временные рамки, что само по себе также является серьезным фактором неопределенности.

С точки зрения стабильности и сохранения политической системы есть глубокий смысл в том, что ответственность за возможные негативные последствия преобразований может быть возложена на одного человека. В то время как успех, по умолчанию, всегда будет успехом системы.

Для начала реформ новому руководству, прежде всего, нужно было завоевать авторитет в партии и обществе. Для Си Цзиньпина это оказалось нерядовой процедурой и потребовало как организационных решений на уровне ЦК (сокращение числа членов ПК ПБ, создание новых центральных органов и т.д.), так и экстраординарных мер по укреплению своего положения в качестве лидера партии и государства от него лично.

В значительной степени этим обусловлено то, что в отличие от предшественников, которые формулировали девизы своего правления ближе к середине (Ху Цзиньтао) или даже в конце своего срока (Цзян Цзэминь), Си Цзиньпин постарался

пройти процесс идеологической легитимизации всего через месяц после избрания на пост генерального секретаря. Провозглашение национальной идеи, подчеркивавшей его положение общенационального лидера, дало ему право напрямую обращаться к народу. Таким образом было реализовано еще одно из преимуществ авторитаризма – получила дополнительную стройность вертикальная схема политической организации общества, позволяющая быстро и эффективно, без промежуточных звеньев мобилизовать население. Обратившись напрямую к народу, Си Цзиньпин в существенно меньшей степени, чем его предшественники стал нуждаться в партийно-государственном аппарате и мог возложить на него вину за имеющиеся недостатки и проблемы. Подвергнув критике коррумпированных чиновников, он приступил к реорганизации органов государственного управления на персональном уровне. Смещение политической активности на уровень кадровых решений дало мощный рычаг для ограничения влияния и опеки предшественников, что, помимо отставок и уголовных дел, проявилось в призывах к «всеобъемлющему верховенству закона», «управлению государством в соответствии с законом», которым был посвящен 4-й пленум 2014 г. Аналогичный пленум Цзян Цзэминь проводил в конце срока своего правления, т.е., как и Дэн Сяопин, не для собственного использования, а для закрепления результатов своей деятельности. Си Цзиньпин и в этом аспекте нарушил алгоритм преемственности.

В результате ускоренного прохождения этапов утверждения во власти, Си прервал логику формирования и функционирования политического механизма. Итогом естественного прохождения этапов утверждения на высших постах была планомерная консолидация власти в процессе успешного решения социально-экономических задач. Теперь генеральному секретарю необходимо было заново выстраивать отношения с экономическими, политическими и региональными элитами, от которых зависит достижение стратегических целей в экономи-

ке, культуре, социальной сфере, межнациональных отношениях и т.д. Для выстраивания отношений с элитами и государственным аппаратом нужны и другие институты, основанные не на общих интересах и компромиссе, а на подчинении и дисциплине. Свидетельством этого стало усиление контрольных функций партийно-государственных органов, активизация деятельности ЦКПД и рост влияния Ван Цишаня.

До Си Цзиньпина борьба с коррупцией являлась инструментом разрушения родственных, клановых и земляческих связей и укрепления личных позиций за счет контрольных и репрессивных функций, поэтому всегда останавливалась, когда ее политические цели были достигнуты, и в правящем классе наступало единство. Но вот уже 4 года (с лета 2012 г.) непрекращающейся кампании по борьбе с коррупцией не только очищают, но и ослабляют существующий аппарат управления, а главное, разрушают привычные модели взаимоотношений власти и общества и внутри правящего класса.

Недооценивать негативные последствия разрушения традиционных социальных структур и отношений нельзя. Разрушая в годы «культурной революции» препятствия на пути преобразования китайского общества в современное, Мао Цзэдун одновременно уничтожил фундаментальные основания его единства, породив хаос, ликвидировать который смогли только длительные объединенные усилия военных и партии после смерти Мао Цзэдуна. Попытку привести в соответствие новые экономические реалии и методы государственного управления в 1990-х гг. предпринимал и Цзян Цзэминь, но тогда он подчеркивал, что наряду с управлением по закону, нужно править добродетелью, сохраняя тем самым пространство для традиционных отношений. Определить допустимый порог разрушения социальной ткани, точку невозврата для Си Цзиньпина будет очень сложно, но жизненно необходимо, поскольку ресурса прочности в виде благоприятной экономической и социально-политической ситуации, которая давала бы ему возможность

для самостоятельного исправления ошибок, у него нет.

Но, возможно, главный вызов политической системе в результате начатых преобразований исходит от идеологии. Идеологическая легитимизация преемников до самого последнего времени не противоречила идеологическим принципам предшественников. Главным приоритетом для Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао оставалось быстрое экономическое развитие, а возникающее в результате недовольство части населения неравномерностью и неравенством успешно гасилось высокими темпами роста. Сейчас они невозможны, новая нормальность предполагает изменения во всех сферах жизни. Лозунг Дэн Сяопина «обогащайтесь первыми» из источника экономического роста превратился в источник социального напряжения. Это создало предпосылки для усиления влияния идей социальной справедливости, в т.ч. радикальных. Китайские элиты уже считают, что Си нарушил правила. Он действительно их нарушил антикоррупционной кампанией, направленной в первую очередь против предпринимателей и чиновников, составлявших главную социальную базу реформ, но пока еще не сделал ничего заметного для того, чтобы привлечь на свою сторону другие социальные слои, большинство китайского общества.

Перед Си стоит задача не просто провести корректировку политики, «совершенствовать» и «гармонизировать», как это хотел сделать Ху Цзиньтао, а поменять идеологические принципы реформ и одновременно сохранить преемственность так, как до него это сделал Дэн Сяопин. Для социально неоднородного общества, каким стал Китай в результате реформ, такой объединяющей идеей могла быть только общенациональная идея возрождения, продолжившая вслед за идеей Ху Цзиньтао о гармоничном обществе поиски китайским руководством новой, неклассовой идеологии.

Но в идею возрождения может быть вложен разный социально-исторический потенциал, в любом случае она должна

ориентироваться, как и правящая партия, на определенные социальные слои. И в этом скрывается еще одна потенциальная угроза. Эволюции идеологической доктрины КПК будут способствовать происходящие изменения в партийном и государственном аппарате. Поколение технократов во главе с Цзян Цзэмином в интересах высоких темпов пошло на превращение классовой партии в общенародную, допустив в нее предпринимателей и представителей крупного бизнеса. Поколение западнообразованных экономистов и юристов, занимающих сейчас все более высокие посты в органах власти, может пойти еще дальше и подвергнуть глубокой ревизии идеологическую доктрину КПК в сторону отказа от классового характера и дальнейшего усиления национального компонента.

В этих условиях кадровая «чистка» может стать предварительным условием внесения принципиальных изменений в концепцию общественного развития. В Китае началась сейчас не просто смена поколений, кадровые решения неизбежно будет сопровождать смена мировоззрения элит, ускоряя процесс изменений. Существует высокая вероятность того, что ротация кадров высокого и среднего уровня уже к предстоящему 19 съезду КПК обеспечит большинство новому, шестому поколению, выросшему в период реформ. Следствием ускоренного обновления кадров может стать нарушение преемственности в высших органах власти, которая поддерживалась выбором старшим поколением своих преемников, и тогда исчезнет центральный элемент внутриэлитного конкурсного отбора, обязательного для преемственности. Такой ситуации со сменой кадров на всех уровнях не было с 1979–1981 гг. Теперь новое поколение само, с большей степенью свободы будет выбирать своих представителей, влиять на формирование партийных и государственных органов и формулировать идеологические принципы. Именно идеология может стать новым пространством реформ.

Таким образом, угрозы созданной за годы реформ новой

социально-экономической модели исходят не только от экономических, политических и социальных разрывов, таких как коррупция, регионализм и т.д., образовавшихся в процессе построения новой модели, но и от самих попыток реформирования, в процессе которых может быть нарушена система институционального авторитаризма и страна в критический момент потеряет единство руководства и невольно запустит механизм реформирования в других областях.

Поиск новой социально-экономической модели потребовал усиления роли авторитарного государства, ради этого пришлось вносить изменения в механизмы институционального авторитаризма, которые складывались на протяжении последних почти 40 лет и обеспечивали общественно-политическую и экономическую стабильность. Си Цзиньпин был вынужден определить для себя основные направления деятельности по повышению авторитета и практического подтверждения своей легитимности не в успешной экономической деятельности, а, прежде всего, в политической. Для этого он стал концентрировать власть в своих руках, разрушая тем самым сложившуюся политическую систему. Сегодня она уже фактически демонтирована.

Сможет ли Си, начав реформы, контролировать их ход и поймать момент, когда авторитет высшей партийно-государственной власти вырастет, а госаппарат еще не будет окончательно разрушен? В созданной до него системе его могли бы «поправить» ветераны, но их авторитет уже подорван, а влияние ослаблено. Армия, традиционной игравшая в КНР важную политическую роль, на предыдущем этапе также утратила значительную долю своей самостоятельности, и не вполне ясно, может ли ее вернуть. Без организационно оформленного центра корректирующее воздействие на новый курс невозможно перевести в практическую плоскость, а значит, вероятность воздействия внешних факторов невелика, и Си Цзиньпин останется в центре политических процессов.

Решение этой сложной задачи имеет не только практическое, но и теоретическое значение. Усилия, которые уже предпринял Си для концентрации властных полномочий, ведут к серьезной трансформации существующего политического механизма. Если ему удастся выполнить поставленные социально-экономические задачи, сохранив стабильность, значит, что у системы институционального авторитаризма есть запас прочности, если – нет, значит, в механизме есть существенные изъяны. Станут ли действия Си Цзиньпина эффективным ответом на возникшие вызовы или сами, в случае неудачи превратятся в угрозы, потому что существующий механизм будет демонтирован, а новый неэффективен, предстоит выяснить.

Одним из промежуточных показателей динамики политической ситуации станет конец 2016 г., когда начнется кампания по выборам делегатов на 19 съезд КПК, который подведет итоги антикоррупционной чистки. И тогда в соответствии с действующими механизмами определится круг преемников 5 членов нынешнего ПК ПБ, которые должны покинуть свои посты в 2017 г.

Литература:

- В.Ф. Бородич.* Внутриполитическая борьба как фактор политики реформ в современном Китае. // Новые аспекты социально-политического развития КНР. М., 2015. ИДВ РАН Информационные материалы. Серия Г. Выпуск 22. Часть 1, с. 37-48.
- А.В. Виноградов.* Политическая система КНР при Си Цзиньпине: новые вызовы и угрозы. // Новые аспекты социально-политического развития КНР. М., 2015. ИДВ РАН Информационные материалы. Серия Г. Выпуск 22. Часть 1, с. 5-16.
- Е.Н. Румянцев.* Внутренняя и внешняя политика Си Цзиньпина. М., 2016. 589 с. (China's Core Executive. Leadership styles, structures and process under Xi Jinping. /Ed. By S.Heilmann, M.Stepan. // Merics Paper on China. Berlin, 2016, N1. 100 p.)
- Си Цзиньпин.* О государственном управлении. Пекин, 2014, 630 с.

Буддийский взгляд на современный терроризм

Аннотация: Последователи различных мировых религий, в том числе буддизма, выступают с осуждением терроризма под знаменами исламского экстремизма. Их позиция четко и ясно очерчена – это не только неприемлемость участия верующих в террористических актах, но и отрицание любых форм насилия. В статье сравнивается отношение духовных лидеров китайского и тибетского буддизма: Председателя БАК, монаха Сюэчэна и Далай-ламы XIV к терроризму, освященному религией.

Ключевые слова: китайский, буддизм, ислам, современный терроризм.

Духовные лидеры, представляющие христианство, буддизм и ислам, неоднократно высказывались относительно таких сотрясающих современный мир явлений, как международный экстремизм и терроризм под религиозными лозунгами. Действительно, нарастает волна бесчеловечных преступлений, которые совершаются в шокирующих масштабах в разных странах мира, в том числе в КНР, и совершаются они, как правило, представителями наиболее радикальных сил ислама, одной из перечисленных мировых религий.

В феврале 2016 г. в совместном заявлении Папы Римского Франциска и Патриарха Кирилла – глав двух крупнейших христианских конфессий, содержался призыв к международному сообществу употребить «все возможные усилия, дабы покончить с терроризмом при помощи общих, совместных, скоординированных действий»¹¹. В свою очередь, они неоднократно подчеркивали, что террористические акты на Ближнем Востоке приобретают характер геноцида христиан. Патриарх Кирилл в связи с терактами в Брюсселе поднял вопрос об онтологической сущности этого явления. 23 марта 2016 г. он заявил: «Все те объяснения, которые сегодня присутствуют в политическом

дискуссе, идут по поверхности. Меня не покидает чувство, что никто по-настоящему не касается онтологических глубин проблемы. Откуда возникает такой радикализм? Что его питает? Какие внешние факторы влияют на возникновение мотивации к террористической деятельности? Думаю, терроризм нельзя отрывать от общего цивилизационного развития на нынешнем этапе исторического пути человечества. Что-то неправильно у нас идет, и терроризм – часть этой неправильности. А если рассматривать терроризм только как некое локальное явление, или даже глобальное, но связанное с весьма ограниченным идейным пространством, то это будет большой ошибкой. Думаю, необходимо и с богословской, и с культурологической точки зрения осмыслить это страшное явление и выявить его, как я уже сказал, онтологические причины»¹².

Стремление осмыслить современный терроризм через призму миролюбивой сути учения буддизма, морально-этических принципов и обетов этой религии наблюдается и среди его последователей, например китайских. Их позиция в отношении этого явления выражена предельно ясно – неприемлемость насилия, включая терроризм, в решении конфликтных ситуаций. Морально-этические принципы, которым следует каждый буддист как последователь религии, которую справедливо называют самой миролюбивой, не только исключают факт участия в террористических актах, но и предопределяют негативное отношение к ним. Суть буддийского учения составляет отрицание любых форм насилия человека над человеком, в том числе в такой изощренной его форме, как современный терроризм, освященный религиозными нормами. Председатель Буддийской ассоциации Китая мастер дхармы Сюэчэн в статье, заглавие которой «Буддизм выступает против религиозного экстремизма»¹³ (*Сюэчэн употребляет именно этот термин*) говорит само за себя, выразил позицию буддистов КНР относительно этого антигуманного явления, в стороне от которого не остался и Китай. Он обращает внимание на то, что

в буддийских идеях в течение более чем 2000-летней истории в соответствии с духом сострадательности и мира проповедовалась национальная и общественная гармония¹⁴. (Подобная трактовка соответствует новейшей идеологии КНР). В современных условиях буддийские идеи, считает Сюэчэн, могут сыграть важную роль во всестороннем выявлении религиозного экстремизма. Он, как мастер Дхармы – монах, достигший высокого духовного уровня, подкрепляет эту мысль ссылками на сутры и обеты буддизма. Далее Сюэчэн поясняет, что религиозный экстремизм – это экстремизм, использующий религиозные лозунги, провоцирующий межконфессиональные, межрелигиозные, межнациональные противоречия. Религиозный экстремизм наносит серьезный ущерб обществу. Он конкретизирует это высказывание применительно к его последователям в Синьцзяне, которые произвольно и в своих интересах истолковывая изречения из Корана, превратились в сторонников религиозных и политических теорий, пропагандирующих установление мусульманской власти во всем мире¹⁵. В этом Сюэчэн, прежде всего, видит угрозу для Китая. Как председатель патриотического религиозно-общественного объединения – Буддийской ассоциации Китая, монах Сюэчэн, являющийся и общественным деятелем, следуя позиции властей КНР в этом вопросе, охарактеризовал религиозный экстремизм как антиобщественное, антинаучное, антигуманное явление. Таким образом, для Сюэчэна характерна не только духовная, но и общественная оценка оказывающей негативное влияние на политические процессы в КНР идеологии терроризма, вольно интерпретирующей концепцию ислама с целью активизации радикально настроенных представителей синьцзянских мусульман из числа уйгур.

Выступая на открытии конференции под девизом «Буддизм и мировой кризис», проводившейся в День Весак¹⁶ 23 мая 2015 г., Сюэчэн отметил, что опаливший мир кризис, который он отнес к категории экологического кризиса, военного кризи-

са и, наконец, религиозного кризиса, обусловлены ничем иным, как нашими внутренними жадностью, ненавистью и невежеством. Он задается вопросом, как преодолеть эти кризисы. И в качестве ответа на него акцентирует, что только если мы будем апеллировать к состраданию, равенству и непротивлению, которым учил Будда, эти кризисы могут быть ослаблены и, в конце концов, разрешены. На этой же конференции Генсек ООН Пан Гимун заявил, что дух Весака может помочь поднять человечество на решение проблем современности. Он призвал членов и лидеров всех религиозных общин совместно с Организацией Объединенных Наций противодействовать такому опасному и дестабилизирующему явлению, как набирающий силу воинствующий экстремизм. Генсек ООН подчеркнул, что установка быть выше всяких разногласий составляет суть буддизма, а его предписание проявлять сострадание - неподвластно времени¹⁷.

Своеобразный буддийский взгляд на решение проблем терроризма под религиозными лозунгами содержится в интервью Далай-ламы XIV «Ради мира мы должны вести диалог даже с ИГИЛ», которое он дал итальянскому журналисту Паоло Крекки (газета «Ла Stampa») 8 декабря 2015 г. Это интервью было приурочено к проведению двумя днями раньше в Бангалоре Арабско-азиатской торгово-промышленной палатой конференции «Мир для экономики». Она проходила под очень актуальным девизом: «Терроризм и бизнес несовместимы». В связи с этим духовный глава тибетского буддизма признал, что развитие экономики с уважением к человеку и к окружающей среде является наилучшим противоядием от религиозного фундаментализма. Вот некоторые выдержки из этого интервью.

Журналист: «Вы говорите, что враг оказывается побежденным тогда, когда становится нашим другом».

Далай-лама: «Это правда! Истинная правда!»

Журналист: «Не могли бы Вы объяснить, как нам стать друзьями ИГИЛ?»

Далай-лама: «С помощью диалога. Нужно слушать, понимать, иметь, по крайней мере, уважение к другим. Другого пути не существует».

Журналист: «ИГИЛ отрезает головы. Когда нет головы – нет ушей, чтобы слушать».

Далай-лама: «Нужно делать это с помощью сердца. Быть сострадательным. Германия поступила великодушно, приняв беженцев, она кормит и одевает их. Теперь нужно, чтобы она обучила их».

Журналист: «Почему Европа должна принимать их?»

Далай-лама: «Потому что они могут вернуться назад. Если не они, то их дети. Они вернутся со знаниями и способностью изменить свою родную страну, чтобы не было новых эмигрантов и беженцев. Это единственное решение».

Журналист: «Европа боится даже мирного ислама. Она боится лишиться своих основополагающих ценностей – свободы, равноправия, равенства между мужчинами и женщинами. В один прекрасный день демократическим путем может быть применен Шариат, а он не признает эти ценности».

Далай-лама: «Каждый человек имеет свою религию и свою правду, но в любом обществе должно быть разнообразие религий и верований. Ислам – это религия мира, фанатики наносят вред собственной религии и своим собственным братьям»¹⁸.

В качестве комментария к этому интервью отметим, что Далай-лама проявляет образец буддийской веротерпимости в отношении международного терроризма религиозных экстремистов. Он предлагает супер толерантный буддийский подход к его представителям, полагая, что нет другого пути решения этой международной проблемы, как, проявляя сострадательность и уважение, превратить их в друзей с помощью диалога. Не нам сомневаться в глубине религиозного опыта Далай-ламы, вместе с тем задаешься вопросом, возможно ли, в учете современных реалий, проявляя толерантность, и путем только межрелигиозного диалога решить сложнейшую проблему экстре-

мизма и победить терроризм. Теракты в Брюсселе в марте 2016 г., которые совершали, уже родившиеся в Европе дети эмигрантов из числа мусульман, наглядно продемонстрировали, что ни воспитание, ни учеба в условиях европейской мультикультуры, которую они ненавидят настолько, что готовы надеть пояс смертника, не оказали никакого влияния на их мировоззрение. Хотелось бы надеяться, что Далай-лама, авторитет которого чрезвычайно высок в среде последователей тибетского буддизма во всем мире, публично заявляя о гипотетической возможности превращения боевиков ИГИЛ в друзей, заблуждается и не преследует политические цели, а руководствуется только религиозными чувствами. А именно: не прогнозирует ли он таким путем разыграть «тибетскую карту», заранее подружившись с ИГ и делая расчет на его расширение в сторону КНР? Однако подобные террористические организации уже продемонстрировали свое неприятие других религиозных и культурных традиций, например, уничтожив буддийские артефакты в Афганистане. Если сравнить высказывания Сюэчэна и Далай-ламы, то, на первый взгляд, их вероучительная подоплека совпадает, тогда как общественно-политический подтекст существенно отличается.

Действительно, суть буддийского учения заключается в отрицании любых форм насилия. «Гуманность и милосердие буддизма прямо противоречат мрачной и циничной человеконенавистнической психологии террористов¹⁹». Смысл главного буддийского обета – запрета на убийство всего живого – трактуется следующим образом: чем больше людей его соблюдает, тем безопасней жизнь общества и отдельного человека. К убийству относят самоубийство и побуждение другого человека к убийству, а также участие в групповом убийстве²⁰. К современным его проявлениям можно отнести и терроризм.

Но не только в буддизме, во всех мировых религиях, и в христианстве, и в исламе в числе базовых запретов – запрет на убийство. Вместе с тем, осуждение терроризма наиболее уме-

ренными и терпимыми последователями этой религии, свидетельствует о ее неоднородности. «Поэтому броский тезис “ислам против терроризма” вполне допустимо перефразировать в “ислам против ислама”»²¹. В свою очередь именно их деятельное участие в разоблачении идеологии ИГИЛ могло бы способствовать разоблачению превратного толкования исламских идей. В связи с этим некоторые ученые предлагают говорить о квазирелигиозной составляющей терроризма²². Нелишне остановиться на употреблении в научной и общественно-политической литературе различных терминов при его определении. На наш взгляд, терроризм, освященный религиозными нормами, или, на худой конец, религиозный экстремизм наиболее приемлемы, так как имеющий хождение термин религиозный терроризм – внутренне противоречив, поскольку основа религии, ее главная функция выражается в проповеди общечеловеческих гуманистических норм, отрицающих насилие и убийство. Расширить эту характеристику позволяет мнение Л.Н.Митрохина, высказанное в общетеоретической статье «Религия и терроризм» 2005 г.²³, о том, что «религия, которая давно считается архаической формой культуры, находится в центре драматических событий современного “информационного общества”, и ее язык по-прежнему органически вписывается в мироощущение большинства человечества». Вместе с тем он подчеркивает, что «усиливается процесс вестернизации жизни планеты, который, в свою очередь, встречает растущий протест со стороны большинства восточных культур». И далее, продолжает Митрохин, «в самых различных регионах именно религия выступает как неотъемлемый компонент межцивилизационных столкновений, во многом предопределяя их остроту и трудности преодоления»²⁴.

Суммируя сказанное выше, подчеркнем, что зачастую голоса последователей буддизма теряются в общем хоре политиков и идеологов, осуждающих терроризм, однако их позиция четко и ясно очерчена – это неприемлемость насилия в реше-

нии конфликтных ситуаций. Суть этого деструктивного явления пока до конца не проанализирована ни в религиозном, ни в научном, ни в политическом плане; не выработано его всеобщих, универсально-объективных характеристик; не предложено реального пути и рецепта решения этой глобальной проблемы, кроме силового, который, однако, тоже не дает должного долговременного эффекта.

¹ Социология развития: современные теории и проблемы (Материалы Первого всероссийского социологического конгресса).- СПб., Издательство С.-Петербургского университета, 2004. С. 34.

² О том, что руководство КПК берет на себя большую, чем ранее, ответственность за процессы, происходящие в мировой политике и экономике, говорилось в Докладе ЦК КПК XVIII съезду, с которым выступал Ху Цзиньтао: «Китай будет ...принимать более активное участие в международных делах, играть роль большой и ответственной страны, на совместных началах реагировать на бросаемые вызовы глобального характера».

URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-11/16/content_27138204_12.htm

³ Согласно представлениям сторонников западных версий теории модернизации, политическое развитие есть движение по пути строительства демократий западного типа. - *Прим. авт.*

⁴ Си Цзиньпин тань чжиго личжэн. – Бэйцзин: Вайвэнь чубаньшэ, 2014.

⁵ URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-07/03/content_35973168.htm.

⁶ URL: http://www.china.org.cn/chinese/2016-01/11/content_37547549.htm.

⁷ URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-01/02/content_27566137.htm.

⁸ Си Цзиньпин призвал к большей политической смелости и мудрости для углубления реформ. Пекин, 1 января 2013 г./Синьхуа/.

URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-01/02/content_27566137.htm.

⁹ *Шведова И.А.* Интернационализация высшего образования в Китае. – Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №1 (21). – С. 132.

¹⁰ URL: <http://www.epochtimes.ru/kitajskie-millionery-predpochitayut-obuchat-svoih-detej-za-granitsej-98955291/>.

¹¹ www.patriarchia.ru **13.02.2016.**

¹² [www.patriarchia /db/text/4412055.html/](http://www.patriarchia.ru/db/text/4412055.html/).

¹³ Сюэчэн. Фоцзяо фаньдуй цзунцзяо цзидуаньчжуй //Фа инь, 2014,№6.С.8-9.

¹⁴ Там же.С.8.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Весак - день полнолуния в мае месяце, самый священный день для буддистов, поскольку именно в этот день, согласно преданию, родился Будда, в

этот же день достиг просветления и в этот же день погрузился в нирвану.
Признание дня Весак в качестве международного праздника, включенного в календарь ООН, произошло 8 февраля 2000 г.

¹⁷ Un.org/ru/sg/messages/2015/vesakday.shtml/.

¹⁸ <http://inosmi.ru/social/20151208/234718791.html>.

¹⁹ Горбунова С.А. Отрицание любых форм насилия как суть буддийского учения//Терроризм и религия. Под. ред. Кудрявцева. М: Наука,2005.С.147.

²⁰ Там же.

²¹ Сюкияйнен Л.Р. Ислам и терроризм: союзники или противники? Шариат должен быть включен в борьбу с экстремизмом//Терроризм и религия.С.111.

²² Требин М.П.Терроризм в XXI в.Минск,2004.С.98.

²³ Митрохин Л.Н. Религия и терроризм.// Терроризм и религия. С.6.

²⁴ Там же .С.7.

**4. Афонина Л.А.
ИДВ РАН**

Пятое поколение руководителей КНР и китайские верующие: конфликт интересов или поиск пути развития?

Аннотация. Последние несколько лет характеризуются нарастанием разнородных конфликтов между региональными властями КНР и китайскими религиозными общинами (в первую очередь, относящимися к мировым религиям). Зачастую столкновения интересов правительства и верующих вступают в противоречие с важными понятиями государственной риторики «социальной гармонии» и «социальной стабильности», а также служат показателями неэффективности существующей системы управления религиозными общинами. При этом заметным изменением в религиозной политике КПК стало смягчившееся отношение к традиционным религиозным течениям, которые представляются властям имеющими наименьший потенциал оппозиционного политического влияния. Получили возможности для развития народные верования, ранее игнорировавшиеся властями, а теперь отождествляемые с «нематериальным культурным наследием» китайской цивилизации. Неизвестно, к каким последствиям приведет складывающаяся си-

туация. Анализ происходящего приводит к выводу о тенденции к переосмыслению проблем религиозной сферы и попыткам поиска путей их решения в целях сохранения власти правящего режима.

Ключевые слова: Си Цзиньпин, Чжэцзян, христианство, народные верования, хуэй, ислам, буддизм, Далай-лама.

Рост внутривнутрипартийной борьбы в КПК и усложнение международной обстановки вызвали усиление контроля во многих сферах общественной жизни КНР. Исключение не составляет и религиозная сфера, которую партийное руководство по-прежнему напрямую связывает с вопросами государственной безопасности, общественного порядка и политической стабильности.

Лидер пятого поколения китайских руководителей Си Цзиньпин уделяет немалое внимание религиозному фактору. Об этом свидетельствует, в том числе, проведение беспрецедентного количества встреч руководства страны с видными религиозными деятелями зарубежных стран. Значение религиозных проблем осознается Си Цзиньпином в том числе и в контексте партийной работы его отца Си Чжунсюня, который активно участвовал в работе Единого фронта, в том числе его религиозной составляющей.

После плановой смены власти в конце 2012 – начале 2013 г. Наблюдаются резкие изменения в религиозной политике страны. Си Цзиньпин, осознавая неискоренимость религиозного чувства как явления, стремится направить внимание людей в сторону тех религий, которые с точки зрения власти представляют наименьшую потенциальную угрозу оппозиционно-политического влияния.

Руководство КПК стало проявлять приоритетное отношение к традиционным религиозным течениям, подчеркивая, что они являются частью традиционной китайской культуры. К ним в первую очередь относятся даосизм и буддизм. В то же

время большую общественную значимость приобретают идеи конфуцианства, на официальном уровне пока не относимого к религиям.

Получили возможности для развития народные верования, ранее либо игнорировавшиеся властями, либо считавшиеся предрассудками и деятельностью, запрещенной законом. В своих выступлениях, затрагивающих религиозную тематику, Си Цзиньпин высказывался о том, что народные верования помогут восполнить нравственные изъяны общества, образовавшиеся вследствие стремительного экономического развития страны и всеобщей погони за материальным благополучием. В некоторых провинциях ранее отождествляемые с феодальными суевериями народные верования власти стали относить к разряду «нематериального культурного наследия». Открываются музеи для демонстрации этого культурного наследия, однако по факту такие музеи часто являются функционирующими храмами.

В конце 2014 г. Институтом мировых религий Академии общественных наук КНР был организован первый форум по изучению народных верований. Лекция профессора Народного университета У Чжэна «От суеверных предрассудков к нематериальному культурному наследию – процесс легализации народных верований сегодня» демонстрирует вектор изменения положения народных верований.

Эту тенденцию можно рассматривать и с точки зрения стремления власти замедлить христианскую евангелизацию сельского населения. Очевидно желание властей интегрировать Христа в пантеон местных богов, тем самым сохраняя сельское население политеистичным и синкретичным, что с политической точки зрения означает отсутствие единого значимого источника идеологического влияния на верующих. Перед местными властями стоит задача снижения влияния и степени распространения мировых религий в целом, в первую очередь, христианства во всех его формах и ислама.

В ряде регионов страны проводится кампания против распространения христианства. В качестве пилотного проекта по реализации антихристианской кампании была избрана провинция Чжэцзян, в которой в процентном соотношении проживает наибольшее количество последователей христианских церквей. В последние годы здесь под предлогом борьбы с незаконным строительством власти стали отдавать распоряжения о сносе храмов или крестов с храмовых зданий.

Жертвами кампании по демонтажу крестов в Чжэцзяне к началу 2016 г. стали около 2000 церквей. Демонтаж крестов, как правило, осуществляется силовыми методами – с применением спецтехники или путем сжигания. Общины предпринимали попытки переговоров с властями, устраивали мирные демонстрации, писали протестные письма. Новым в истории КНР стал тот факт, что конфликты с властями на этот раз возникли не только у действующих на нелегальной основе общин, но и официально зарегистрированных храмов, находящихся под контролем созданных государственной властью патриотических религиозных объединений.

В качестве обоснования подобных действий к апрелю 2015 г. был разработан проект документа «Нормативы для религиозных строений в провинции Чжэцзян», представляющий собой подробную инструкцию по устройству культовых зданий для пяти религий. В частности, устанавливается, что высота культовых зданий не должна превышать 24 метра, размещение крестов допускается только на фасаде здания, их высота не должна быть более 1/10 высоты фасада.

В июле 2014 г. католический епископ Вэньчжоу Чжу Вэйфан направил пастырское письмо верующим своего диоцеза. В нем он сравнивал методы проводимой кампании с использовавшимися во времена «культурной революции». Текст письма был опубликован на сайте диоцеза, который оказался недоступным через два дня после публикации.

В июне 2015 г. епископ Чжу вместе с 20 священниками

официальной церкви диоцеза Вэньчжоу провели демонстрацию протеста напротив здания городского правительства. В июле епископом было подготовлено очередное открытое письмо, а день спустя была опубликована декларация подпольных католиков диоцеза. Многие епархии, а также отдельные группы верующих в разных частях Китая издали декларации солидарности с протестующими. Группа протестантских пасторов также подготовила открытое письмо, связав в нем демонтаж крестов с отсутствием уважения к законам и чувствам верующих.

Отдельный интерес вызывает тот факт, что с протестным письмом против государственной кампании выступили Католическая патриотическая ассоциация, Католическая административная комиссия и Христианский совет провинции Чжэцзян. Все три перечисленные организации являются патриотическими религиозными объединениями, т.е. прогосударственными организациями, подотчетными партийным и государственным органам власти. При этом Христианский совет провинции Чжэцзян сделал громкое заявление о том, что не видит возможности исполнять роль связующего звена между верующими и правительством.

Тогда же в июле 2015 г. была сформирована группа правозащитников «Юристы в защиту Креста», которая стала предоставлять юридическую помощь протестантским конгрегациям в Чжэцзяне. В августе создатель движения Чжан Кай был арестован по обвинению в разглашении государственной тайны иностранным организациям. Арест произошел за сутки до запланированной им встречи с послом США по особым поручениям, занимающегося вопросами религиозных свобод, Дэвидом Саперштейном. В феврале 2016 г. Чжан Кай, вероятно, вынужденно, выступил с заявлением на телевидении о раскаянии и признался во вменяемых преступлениях. Он заявил, что осуществлял свою деятельность из-за желания славы и богатства.

Одним из результатов кампании стали аресты священнослужителей. В марте 2015 г. состоялось первое судебное разбирательство. В уезде Пинъян пастор Хуан Ицзы был приговорен к 1 году тюремного заключения по обвинению в организации массовых беспорядков. Арест Хуан Ицзы был связан с возглавленной им кампанией по защите креста имеющей официальную регистрацию протестантской церкви в поселке Шуйтоу (уезд Пинъян). В конфликте принимали участие около 500 полицейских и 300 верующих. Крест был демонтирован после почти месяца противостояния, тогда несколько десятков человек получили ранения.

Общественный резонанс вызвал снос храма Саньцзын уезда Юнцзя 28 апреля 2014 г. Община этого храма имела легальную регистрацию, а храм имел свидетельство о постановке на учет. В начале апреля община получила извещение о том, что здание не соответствует согласованному плану строительства, крест расположен слишком высоко, что создает угрозу безопасности.

Площадь храма действительно в несколько раз превышает указанную в плане. Строительство осуществлялось в течение 9 лет, а непосредственно крест был установлен 8 августа 2013 г. Однако уведомление о сносе последовало спустя более полугода после завершения строительства. 26 апреля 2014 г. более тысячи человек собрались перед зданием храма в надежде воспрепятствовать сносу. Участники протеста были разогнаны полицией, около 40 протестантских деятелей (как официальной, так и подпольной церковью) были арестованы.

Пастор Гу Юэсэ – служитель самой большой официально зарегистрированной протестантской церкви страны – Чуньи в городе Ханчжоу, был задержан и обвинен в нецелевом расходовании денежных средств храма. А пастор Бао Гохуа и его супруга Син Вэньсян были приговорены к 14 и 12 годам тюрьмы за коррупцию и организацию общественных беспорядков.

Все вышеперечисленные люди – протестантские деятели

официально зарегистрированных церквей, некоторые из них занимали посты в религиозных объединениях – как национальных, так и местных. Им были предъявлены разные обвинения, но всех их объединяет то, что они противостояли властям в реализации кампании по демонтажу крестов с церквей. Тревогу вызывают и появившиеся в СМИ факты исчезновения священников как официальных, так и неофициальных церквей.

С начала политики реформ и открытости власти страны уделяли особое внимание воспитанию нового поколения религиозных служителей – лояльных власти патриотов Китая, для которых приоритетом являются интересы государства, а религия носит характер профессиональной деятельности. Наиболее интересный вопрос, который выявила сложившаяся ситуация – насколько являются осовремененные служители официальной церкви «своими» людьми для правительства? Религиозным деятелям и общинам в рамках религиозных объединений по-прежнему предоставляется то количество свободы, которое определит государство. Факты противостояния действиям властей продемонстрировали, что пасторы могут перейти дозволенную границу, а государство – отреагировать соответствующим образом.

Возникает и другой вопрос – является ли арест пастырей прямой реакцией провинциальных властей на несанкционированные действия своих подчиненных или же решением органов центральной власти, указывающих на возможные изменения в политике в отношении признанных государством религиозных групп? Можно предположить, что даже в том случае, если кампания была запущена органами местной администрации, как минимум она должна была получить одобрение и поддержку из центра. Интересно, в какой мере действия правительства заставят христиан в Чжэцзяне переосмыслить свои отношения с властями и как это может отразиться в дальнейшем на судьбе христианства в Китае в целом. По результатам проведения кампании в рамках провинции схожие методы могут быть применены по всей стране.

В других регионах страны также предпринимаются усилия по ограничению христианизации населения. В периодической печати публикуются статьи, предостерегающие университеты от распространения христианства среди студентов. Подвергаются критике некоторые книги университетских издательств и диссертации, которые, по мнению чиновников, вышли за пределы научного изучения религий и имели теологическую направленность. Местные правительства издают запреты на мероприятия по празднованию христианских религиозных праздников в учебных заведениях.

Осознание невозможности устранить влияния христианства в стране привело власти к идее о необходимости «китаизации христианства». Партийные идеологи вновь обратилась к идеям о создании «китайского христианского богословия», о направлении китайского христианства по социалистическому пути. Интересно, что истоки этих идей восходят еще к теориям регулирования религий первых лет после образования КНР.

Идея китаизации используется не только в отношении христианства, но и в отношении других мировых религий, в частности ислама. За государственный счет оплачивается работа мусульман-теологов, которые ведут деятельность по выработке выгодной для власти трактовки текстов Корана, оправдывавших те или иные реформы в исламе.

В условиях обострения проблемы мирового терроризма, связанного с радикальным исламом, Власти стремятся противостоять террористической угрозе со стороны уйгурских сепаратистов. Однако зачастую усилия по борьбе за безопасность превращаются в борьбу с религиозной практикой. Власти страны продолжают накладывать запреты, связанные с традиционным укладом жизни мусульманских народов. В отдельных регионах не разрешается посещать мечеть людям определенных категорий – женщинам, детям, студентам, госслужащим, получающим пособия и чиновникам на пенсии.

В городе Карамай Синьцзян-Уйгурского автономного рай-

она на период проведения спортивных состязаний в августе 2014 г. людям в традиционной мусульманской одежде запретили пользоваться общественным транспортом. На сайте правительства СУАР публиковался запрет соблюдать пост госслужащим, преподавателям государственных учебных заведений и студентам. Ректор Синьцзянского педагогического университета заявлял о необходимости запрещать студентам посещать и носить одежду, определяющую религиозную идентичность. В ответ на реакцию со стороны западных СМИ представитель правительства СУАР объяснил, что «власти поощряют нормальное питание для работы и учебы, но не запрещают пост во время Рамадана». В январе 2015 г. СНП Синьцзяна запретило ношение паранджи в общественных местах в Урумчи, заявив, что она никогда не была частью традиционной одежды уйгурских женщин.

Надо отметить, что в других регионах Китая мусульманские народы не испытывают столь серьезных ограничений религиозной жизни. Например, хуэй активнее других мусульманских народностей взаимодействовали с государством и наиболее подверглись китаизации, они в наименьшей степени испытывают ущемление своих религиозных прав, поскольку демонстрируют лояльность власти. В отношении буддизма можно констатировать, что он был китаизирован в процессе его исторического присутствия, оказав сильное влияние на народные верования и даосизм, внося свой весомый вклад в становление китайского религиозного синкретизма.

Созданная государством марионеточная система управления верующими посредством патриотических религиозных организаций приводит к разного рода крайним явлениям. Так, сангха в настоящее время испытывает серьезные проблемы в связи с ростом коммерциализации. Наиболее шумевшим делом в китайском буддизме стал арест настоятеля Шаолиньского монастыря мастера дхармы Ши Юнсина, который летом 2015 г. был обвинен в разврате и коррупции.

Религиозная тематика стала использоваться предприимчивыми гражданами для извлечения прибыли. Местные администрации, компании и частные лица инвестируют средства в постройку храмов традиционных религий, нанимают подставных людей на роль монахов и извлекают прибыль от продажи входных билетов. Для искоренения подобных явлений власти ведут работу по составлению единой базы всех официально действующих объектов религиозной деятельности и их служителей. С целью остановить коммерциализацию религий было объявлено о запрете продажи акций храмов, поскольку стать акционерными обществами с обращением бумаг на фондовом рынке стремились такие объекты массовых паломничеств как монастыри Утай, Цзюхуа и Шаолинь, за что подверглись критике со стороны СМИ и общественности.

Достаточно напряженными остаются взаимоотношения власти и тибетских буддистов. Ряд тибетцев участвуют в акциях за отделение Тибета. Протесты выражаются в крайних формах, в частности, с 2009 по 2015 гг. 143 тибетца предали себя самоожжению.

Для решения этих проблем правительство решило пойти по пути проведения воспитательной работы среди монахов. Их призывают совершать ритуал отречения от Далай-ламы и признать власть Панчен-ламы Гьяйцэна Норбы. Комиссия по проверке дисциплины ЦК КПК выявляет среди чиновников, симпатизирующих Далай-ламе и сепаратистским настроениям. Руководитель инспекторской группы Е Дунсун отмечал, что «в тибетском регионе среди некоторых чиновников особо выражена проблема коррупции, многие не придерживаются четкой политической позиции».

Далай-лама неоднократно публично заявлял, что намерен прекратить со своей смертью линию перерождений Далай-лам, чтобы ограничить влияние китайского правительства на Тибет. В ответ на это председатель комитета национальностей и религий НПКСК Чжу Вэйцзюнь заявил, что «только центральное

правительство может принимать решения о сохранении или упразднении системы перерождения лам». Он также утверждал, что подобными заявлениями Далай-лама предаёт как свою Родину, так и свою веру. Правительство питает надежды, что после назначения следующего Далай-ламы проблема сепаратизма в Тибете разрешится, поэтому позволяет себе радикальное вмешательство в вероучительную доктрину и практику. В этом вопросе со стороны правительства можно скорее наблюдать желание контролировать тибетский буддизм, нежели попечение о сохранении религиозной аутентичности.

Панчен-лама в своем докладе, озвученном на сессии НПКСК в марте 2015 г., после восхваления национальной и религиозной политики партии в Тибете затронул проблему недостаточного числа монашествующих в Тибете, объяснив существование этой проблемы системой выделения квот на прием монахов в каждый монастырь.

В округе Нагчу Тибетского автономного района в сентябре 2015 г. глава местного правительства посетил один из монастырей и изгнал оттуда половину проживающих монахинь – около 100 человек, поскольку они проживали там без получения соответствующей квоты. Изгнанным монахиням было строго запрещено под угрозами последствий для членов их семей надевать монашескую одежду, уходить в другие монастыри. Местные власти в сентябре 2015 г. также приняли правила, согласно которым монахини в возрасте свыше 50 лет должны покидать монастыри и переселяться в дома престарелых.

В результате произошедших в процессе реформ изменений в китайском обществе и трансформации КПК из революционной партии в партию правящую, политические, социальные и экономические основания системы управления религиями претерпели большие изменения. Проект более чем шестидесяти-пятилетней давности уже не в состоянии отвечать сегодняшним проблемам религиозной сферы. Система, едва справлявшаяся с задачами в прошлом, потеряла свою рациональность в

настоящем. За прошедшие шестьдесят пять лет истории КНР китайское общество сильно изменилось, и система управления религиями посредством методов административного регулирования изжила себя. Попытки властей применять старую модель религиозной политики без пересмотра концепций присутствия религий в современном обществе скорее превращаются в сдерживающий фактор на пути достижения «социальной гармонии» и становятся источником внутренних конфликтов и роста социального напряжения.

Список литературы

- Лу Ян. Саньцзян цзюатан бэй данцзю цюаньбу чайхуэй (Местным правительством полностью снесен храм Саньцзян) // Meiguо чжишэн. 29.04.2016.
- Хэвэй Чжунго тэсэ шэньсюэ сысян? Дуй цзунцзю цзыю дэ цюцзе. (Что есть богословие с китайской спецификой? Неправильная интерпретация религиозной свободы) // Босюн синьвэн. 08.08.2014.
- Чжу Вэйфань. Буя о па, чжи гуань синь (Не нужно бояться, действенна только вера) // Тяньчжущэю. 02.08.2014.
- Цянчай ся дэ цзиньчжан гуаньси (Напряженные отношения в условиях принудительных сносов) // DW. 30.04.2014.
- News Update on Religion and Church in China // Religions & Christianity in Today's China 2015, No.3-4. с. 3-44.
- News Update on Religion and Church in China // Religions & Christianity in Today's China 2014, No.3. с. 3-11.

**5. Гурулева Т.Л.,
ИДВ РАН, Военный университет МО РФ**

Развитие национального образования в КНР: базовые положения ускорения

Аннотация. В статье рассмотрены основные проблемы национального образования в КНР. Описаны базовые положения ускорения его развития: ведущая идеология, принципы, цель и идеологическая основа. Ведущая идеология ускорения развития национального образования представлена теоретическими идеями китайских руководителей разных поколений, решениями 18 съезда ЦК КПК и 2, 3, 4-го Пленумов ЦК КПК 18-го созыва. В качестве ведущих выступают идеи гарантии права национальных меньшинств и населения национальных районов на образование, повышения научного и культурного уровня на-

селения национальных меньшинств, трансляции китайской традиционной культуры из поколения в поколение, развития ключевых ценностей социализма, упрочения национального единства и социальной стабильности. В основу реализации национального образования положена стратегия «Четырех всесторонних аспектов» и идея воспитания всесторонне развитых личностей, способных осуществить китайскую мечту и достичь цели «Два столетия». Основными принципами развития национального образования являются: принцип руководящей роли КПК, принцип уменьшения разницы в развитии, принцип соблюдения структуры и качества, принцип осуществления общественно полезной и специальной политики, принцип управления образованием в соответствии с законом. Основная цель национального образования в Китае заключается в сокращении к 2020 году разницы в предоставлении основных общественных образовательных услуг между национальными районами и другими материковыми районами. Идеологической основой ускорения развития национального образования в Китае выступает идея укрепления национального единства страны.

Ключевые слова: национальное образование в КНР, ведущая идеология национального образования, принципы и цель национального образования, идеологическая основа национального образования.

Под термином «национальное образование» (*миньцзуньцзяоюй*) в Китае понимается система образования национальных меньшинств, которая является составной частью всей системы образования Китая.

Его основная цель не только в том, чтобы интегрировать национальные меньшинства в жизнь страны и общества, но и в том, чтобы посредством образования воспитывать национальную интеллигенцию, с помощью которой можно проводить в национальных районах партийную линию и курс, распространять научно-технические знания, передавать по наследству на-

циональную культуру, и, таким образом, поддерживать стабильность приграничных территорий и сохранять национальное единство страны.

18 августа 2015 г. состоялась 6-я Всекитайская рабочая конференция по национальному образованию (5-я проходила 13 лет назад в 2001 г.). На ней были отмечены успехи в области национального образования. Было озвучено, что в 2014 г. общее количество обучающихся национальных меньшинств по всей стране достигло 25 млн 395 тыс. человек. Количество обучающихся во всеобщей начальной школе возросло с 9,46 (2002 г.) до 11,2% (2014 г.), во всеобщей средней школе с 7,4 до 10,27%, во всеобщей высшей школе – с 5,99 до 7,67% соответственно. В 2014 г. корпус преподавателей, занятых в системе национального образования составил 1 млн 289 тыс. человек. За период 12-й пятилетки 19 шефских провинций и городов реализовали 528 программ в СУАР на сумму 10 млрд 800 млн юаней, 17 шефских провинций и городов реализовали 148 программ в ТАР на сумму 600 млн юаней. Тем не менее, было отмечено, что по историческим, природным и другим причинам, национальное образование по-прежнему сталкивается с трудностями и заметными проблемами, разница в уровне развития образования в национальных районах и по всей стране по-прежнему велика¹.

Анализ исследований в данной области показал, что современная система образования в национальных районах Китая характеризуется следующими особенностями:

- неравномерное развитие системы образования;
- небольшое количество учебных заведений;
- отсутствие единых подходов в управлении системой образования;
- различие в формах управления учебными заведениями, образовательных моделях, в перечне изучаемых дисциплин и языке обучения;
- низкий коэффициент поступления в начальную школу;

- недостаток кадрового потенциала;
- недостаток финансирования, отсталые экономические условия национальных районов, большой процент неграмотного населения, влияние традиционных и религиозных факторов и т.д.

В свете вышесказанного очевидно, что основная проблема национального образования заключается в отставании уровня его развития от средних показателей по стране.

Китайские исследователи уделяют серьезное внимание проблеме развития национального образования. Анализ исследований, проведенных за последние 20 лет в этой области, показывает, что китайские ученые в основном выделяют и изучают в названной области следующие аспекты.

1. Эффективность применения общих подходов и методов образования в национальных районах. С одной стороны, национальное образование – часть общей системы образования Китая, с другой, разрабатывая общую стратегию его развития и конкретные педагогические методы, нельзя не учитывать его специфики. Например, Цюйби Чжанцзя и Лу Ваньфа говорят о недостатках применения общей модели набора абитуриентов в национальных районах². Они подчеркивают, что модель платного высшего образования не может быть эффективной в условиях национальных районов. Хуа Дин отмечает, что применение единых подходов, существующих в системе образования Китая, не будет эффективным для развития образования в национальных районах³. Использование единых учебных материалов также не является эффективным, поскольку они не отражают реальной ситуации в национальных районах. Система ЕГЭ и зачисления в вуз по проходному баллу негативно сказывается на развитии образования в национальных районах. С другой стороны, исследователи говорят о том, что применение специальной политики, специальных методов и подходов в национальном образовании является эффективным⁴. Таким образом, среди ученых в основном преобладает мнение о недостаточной эффективности применения общих подходов в образо-

вательной политике в национальных районах и необходимости разработки и применения специальных подходов и методов.

2. Эффективность использования льготной политики в обеспечении равноправия и автономии в национальном образовании. Исследователи говорят о необходимости осуществления льготной политики в отношении национальных меньшинств, так как последние имеют меньший доступ к образовательным ресурсам, и о необходимости равноправия образования национальных меньшинств и национальности хань. Эту проблему исследуют Ли Юэ⁵, Бао Юйчжу⁶, Чжан Шаньсинь, Лю Сюдун⁷, Дин Юэя⁸, Лан Вэйвэй⁹ и др.

3. Эффективность реализации закона об обязательном образовании в национальных районах. По мнению исследователей, закон вовсе не гарантирует повышения качества национального образования. Так, Цзя Чжаоцай в своем исследовании показывает, что коэффициент учащихся, бросивших школу (辍学率), снижается достаточно медленно и по-прежнему остается высоким¹⁰. Ли Си¹¹ и Хуа Дин¹² называют экономические причины откладывания начального обучения в национальных районах на более поздние сроки, что ведет к снижению коэффициента поступления (入学率), коэффициента прочности (巩固率)¹³ и коэффициента перехода на следующую ступень образования (升学率). Таким образом, многие исследователи полагают, что популяризация обязательного образования не решает проблем образования в национальных районах, а в реализации этого закона необходимо использовать педагогические подходы, соответствующие условиям и ситуации в национальных районах. Кроме того, в содержание обучения необходимо включать практические знания и навыки (напр., сельскохозяйственные и др.).

4. Выявление эффективных подходов реализации двуязычного образования, реформы учебных программ, внедрения информационных технологий и современных средств обучения. Проблемы двуязычного образования рассматриваются с позиций совершенствования образовательной модели, разработки

образовательных материалов, подготовки педагогических кадров и специфики двуязычного обучения учащихся и др. Исследователи подчеркивают необходимость интегрировать в содержание обучения реальную ситуацию региона, иначе учащиеся национальных районов не смогут или не захотят отвечать на вопросы учителя на китайском языке¹⁴.

5. Развитие законодательства в области национального образования. В этом аспекте много сравнительных исследований. Китайскими учеными изучается опыт законодательного регулирования национального образования зарубежных стран. Исследователи пишут о необходимости совершенствования законодательной базы двуязычного обучения¹⁵, общего законодательства в области национального образования¹⁶ и т.д.

Законодательная база является одной из самых сложных проблем национального образования. Если рассматривать процесс развития национального образования Китая за последние несколько десятков лет, то можно отметить, что законодательная база значительно отстает от потребностей развития образования. Отсутствует закон о национальном образовании, других нормативно-правовых актов, в том числе административных регламентов очень мало. В 2002 г. была начата исследовательская работа в целях подготовки проекта документа «Регламент образования национальных меньшинств», которую планировалось завершить в течение 10-й пятилетки. Однако разработка самого Регламента до сих пор не начата, несмотря на то, что он рассматривался как одно из необходимых условий подготовки «Закона об образовании национальных меньшинств».

В сложившейся ситуации 11 августа 2015 г. Госсовет КНР принял Постановление об ускорении развития национального образования, в котором обозначил базовые положения ускорения его развития¹⁷. Были определены ведущая идеология, принципы, цель и идеологическая основа национального образования в Китае на современном этапе.

Ведущей идеологией развития национального образования были названы решения 18 съезда ЦК КПК, 2, 3, 4-го Пленумов ЦК КПК 18-го созыва, а также идеи выступлений и докладов генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина, претворяемые в жизнь под флагом социализма с китайской спецификой на базе теории Дэн Сяопина, основных идей «тройного представительства» и концепции научного развития. Было подчеркнуто, что реализацию партийного курса в области образования и национальной политики партии, а также решений ЦК КПК и Госсовета КНР в данных областях необходимо осуществлять на основе стратегии «Четырех всесторонних аспектов». Руководствуясь задачей воспитания высокоморальных людей, улучшения качества жизни народа и его сплочения, необходимо гарантировать право национальных меньшинств и населения национальных районов на образование, повысить научный и культурный уровень населения национальных меньшинств, передавать по наследству выдающуюся китайскую традиционную культуру, всеми силами культивировать и развивать ключевые ценности социализма, упрочить национальное единство и социальную стабильность. Для достижения цели «Два столетия» и китайской мечты о возрождении величия китайской нации необходимо воспитывать всесторонне развитых и отвечающих социалистическим требованиям создателей и их последователей.

Основными принципами развития национального образования были обозначены следующие:

- твердо придерживаться руководящей роли КПК;
- упорно уменьшать разницу в развитии;
- уделять серьезное внимание и структуре, и качеству;
- твёрдо придерживаться осуществления общественно полезной и специальной политики в образовании;
- твёрдо придерживаться управления образованием в соответствии с законом.

В Постановлении Госсовета КНР обозначены следующие

цели развития национального образования.

К 2020 г. уровень развития образования в национальных районах и его основные показатели должны приблизиться или достичь среднего уровня по всей стране, необходимо постепенно осуществить выравнивание предоставления основных общественных образовательных услуг¹⁸.

Коэффициент получающих 2-х и 3-х летнее дошкольное образование должен составить 80 и 70% соответственно.

Необходимо в основном стандартизировать условия управления обязательным образованием. Коэффициент прочности девятилетнего обязательного образования необходимо довести до 95%, ликвидировать такое явление, когда ученики бросают учебу, в основном реализовать сбалансированное развитие национального образования на территории уездов.

Необходимо всесторонне популяризировать обучение в средней школе высшей ступени. Соотношение обучающихся во всеобщей средней школе высшей ступени (普通高中) и профессиональной средней школе высшей ступени (职业高中) должно быть примерно равным. Необходимо в основном осуществлять бесплатное среднее профессиональное образование.

Необходимо увеличить возможность поступления в высшие учебные заведения, повысить коэффициент зачисления¹⁹, оптимизировать структуру специальностей высшего образования, усилить возможности подготовки кадров, обладающих практическими, комплексными и техническими навыками.

Этап дошкольного образования в районах со слабой базой преподавания государственного общеупотребительного языка и письменности в основном должен быть представлен двухлетним двуязычным образованием. Этап девятилетнего обязательного образования должен полностью быть двуязычным.

Средние сроки получения образования прирастающей рабочей силой²⁰ должны приблизиться или достичь среднего уровня по стране, средний срок получения образования основным населением трудоспособного возраста²¹ должен быть зна-

чительно увеличен, ежегодный коэффициент рабочих и служащих, получающих непрерывное образование, должен достичь 50%.

Необходимо повысить качество образования всех видов и уровней, повысить способность людей служить делу всестороннего построения общества среднего достатка в национальных районах.

Для осуществления названных целей разработана идеологическая база укрепления национального единства участников образовательного процесса разных национальностей, содержащая следующие положения.

1. Активно развивать и претворять в жизнь ключевые ценности социализма.

С целью реализации этого положения необходимо:

- поддерживать пропагандистское образование, направленное на развитие социализма с китайской спецификой и достижение китайской мечты; усилить у учащихся разных национальностей уверенность в правильности пути социализма с китайской спецификой, уверенность в его теории и в существующем строе, сформировать правильный взгляд на государство, национальный вопрос, религию, историю и культуру;

- углубить у участников образовательного процесса в национальных районах понимание того, что Китай – страна, которую совместно создал ее многонациональный народ, культура Китая – это общая культура 56 национальностей страны, китайская цивилизация – это цивилизация, совместно созданная всеми национальностями Китая, а китайская нация – это общая семья народов всех национальностей;

- развивать правовое и гражданское воспитание, включить правовое воспитание в систему народного образования; укреплять у учащихся разных национальностей правосознание в сфере защиты национального единства и единства страны;

- разработать новые носители информации и педагогические методы, развивать многообразие форм практической ра-

боты по воспитанию базовых ценностей социализма, повысить эффективность идейно-политического воспитания;

- экспериментально проверить условия реализации образования, пропагандирующего марксистский взгляд на религию, партийную политику и курс партийной работы в области религии, изучающего нормативно-правовые акты в отношении религии; направлять педагогов и обучающихся всех национальностей в правильном осознании религиозных вопросов;

- усилить воспитание психологических качеств обучающихся.

2. Создать упорядоченный механизм воспитания национального единства.

Выполнение этого положения подразумевает следующие меры:

- развивать патриотическое воспитание и воспитание национального единства, укреплять в сознании учащихся разных национальностей идею «*сань гэ ли бу кай*»²² о неразрывной связи национальности хань и национальных меньшинств, а национальных меньшинств между собой; усилить признание обучающимися своей великой Родины, китайской нации, китайской культуры, КПК и социализма с китайской спецификой;

- в начальной школе старшей ступени и в средней школе первой ступени учредить спецкурс по воспитанию национального единства; в идейно-политических дисциплинах всеобщей средней школы высшей ступени усилить содержание, направленное на воспитание национального единства; во всеобщих высших учебных заведениях (普通高校), профессиональных учебных заведениях (职业院校) [включая высшие профессиональные училища (高等职业学校) и средние профессиональные училища (中等职业学校)] ввести партийный курс национальной теории и национальной политики;

- административным органам образования Госсовета КНР разработать указания по написанию учебных материалов для средней и начальной школ, направленных на воспитание на-

ционального единства; для этапа обязательного образования в сельских районах эти материалы включить в лимиты бесплатных учебников; в других регионах их можно отнести к региональным дополнительным материалам;

- стимулировать теоретические исследования марксизма, разработать учебные материалы по этнологии и осуществлять их единое использование на всех соответствующих специальностях вузов страны; увеличить руководящую силу партийной национальной теории и национальной политики в педагогических исследованиях в области этнографии;

- использовать современные информационные технологии и другие средства, разрабатывать различные образовательные ресурсы по воспитанию национального единства;

- в педагогических и национальных университетах учредить педагогическую специальность «Марксистская национальная теория и политика», в рамках которой готовить преподавателей дисциплин по воспитанию национального единства и повышать их квалификацию;

- осуществлять контроль и оценку работы по воспитанию национального единства.

3. Содействовать общению учащихся разных национальностей.

В рамках этого положения предусмотрено:

- в национальных районах, имеющих соответствующие условия, активно поддерживать учебные заведения, осуществляющие совместное обучение ханьцев и других национальностей; активно развивать физическую активность, художественную деятельность и товарищеское взаимодействие учащихся разных национальностей, содействовать их совместному обучению и развитию;

- между национальными районами и шефскими провинциями и городами создавать платформы для общения обучающихся разных национальностей; путем проведения мероприятий «Рука об руку, сердца бьются в унисон», летних лагерей и взаимной проверки учебы укреплять взаимопонимание, взаим-

ное обучение и взаимопомощь;

- в национальных группах материковых районов²³ развивать систему «цзоу бань чжи»²⁴ и другие управленческие организаторские модели; содействовать обучению в смешанных группах, а также проживанию в совместных общежитиях; воодушевлять обучающихся национальных меньшинств на участие в общественных организациях, культурной и спортивной работе учебных заведений; между местными учащимися и учащимися национальных групп материковых районов организовывать и развивать деятельность по взаимопомощи и взаимному обучению, дружеское взаимодействие; содействовать тому, чтобы учащиеся национальных групп материковых районов страны как можно быстрее интегрировались в учебу и жизнь.

4. Развивать новые идеи взаимопроникновения национальных культур.

Это положение подразумевает выполнение следующих шагов:

- поддерживать направляющую роль передовой социалистической культуры, передавать по наследству и создавать китайскую культуру, являющуюся совместной культурой народов всех национальностей, наследовать и развивать выдающуюся традиционную культуру национальных меньшинств, строить совместный духовный очаг всех народов;

- полностью раскрыть базовую роль образования в развитии новых идей взаимопроникновения культур разных национальностей; интегрировать выдающуюся традиционную культуру китайской нации в содержание учебных пособий для младшей и средней школ и в процесс аудиторного обучения; в учебных заведениях национальных районов учредить факультативные занятия по национальному прикладному искусству и национальным видам спорта; развивать деятельность по трансляции выдающейся национальной традиционной культуры;

- поощрять и укреплять сотрудничество всеобщих высших учебных заведений, профессиональных учебных заведений с

предприятиями и организациями культуры; включить выдающуюся культуру национальностей Китая в перечень специальностей вузов, развивать ее преподавание и исследования; выявлять новые ресурсы выдающейся культуры разных национальностей; оказывать помощь в охране и передаче нематериального культурного наследия из поколения в поколение;

- научными методами защищать язык и письменность каждой нации.

В докладе 5-го пленума ЦК КПК 18 созыва было отмечено, что необходимо повысить качество образования; осуществить равномерное развитие обязательного образования; популяризировать обучение в высшей ступени средней школы; постепенно систематизировать и развивать льготы на обучение (и разные административные сборы) в среднем профессиональном образовании; осуществлять льготное обучение во всеобщей средней школе высшей ступени для учащихся, чьи семьи находятся в трудной экономической ситуации; оказывать материальную помощь, полностью покрывающую расходы на обучение учащимся, чьи семьи находятся в тяжелых экономических условиях²⁵. Все эти пункты напрямую касаются и применимы к образовательной ситуации национальных районов.

Итак, ведущей идеологией ускорения развития национального образования являются теоретические идеи китайских руководителей разных поколений, решения 18 съезда ЦК КПК и 2, 3, 4-го пленумов ЦК КПК 18-го созыва. В качестве ведущих выступают идеи гарантии права национальных меньшинств и населения национальных районов на образование, повышения научного и культурного уровня населения национальных меньшинств, трансляции китайской традиционной культуры из поколения в поколение, развития ключевых ценностей социализма, упрочения национального единства и социальной стабильности. В основу реализации национального образования положена стратегия «Четырех всесторонних аспектов» и идея воспитания всесторонне развитых личностей, способных осу-

ществить китайскую мечту и достичь цели «Два столетия». Основными принципами развития национального образования Китая названы: принцип руководящей роли КПК, принцип уменьшения разницы в развитии, принцип соблюдения структуры и качества, принцип осуществления общественно полезной и специальной политики, принцип управления образованием в соответствии с законом. Основная цель национального образования Китая заключается в выравнивании предоставления основных общественных образовательных услуг к 2020 г. Идеологическую основу ускорения развития национального образования Китая представляет идея укрепления национального единства страны. Названные базовые положения определяют комплекс мер по повышению уровня управления учебными заведениями всех видов и уровней в национальных районах, повышению качества подготовки кадров национальных меньшинств, укреплению слабых звеньев национального образования, созданию долгосрочного механизма подготовки педагогического состава для работы в национальных районах, гарантии условий развития национального образования, укреплению организационного руководства национальным образованием.

¹ Цзяюйбу миньцзусы сычжан сянцие ди лю цы цюаньго миньцзу цзяюй гунцзо хуэйи (Начальник национального управления Министерства образования подробно рассказал о 6-й Всекитайской рабочей конференции по национальному образованию) [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

² http://xuan.news.cn/cloudnews/jy/20150828/2531133_c.html.

³ *Цюйби Чжанцзя, Лу Ваньфа*. Гаосяо чжаошэн бингуй цзян хуэй гэи миньцзу цзяюй дайлай шэнма (Что принесет унификация набора абитуриентов национальному образованию) // Чжунго миньцзу цзяюй. 1997. №4.

⁴ *Хуа Дин*. Цяньтань миньцзу цзяюй (Краткий анализ национального образования) // Гуйчжоу миньцзу яньцзю. 1998. №1.

⁵ *Цзян Вэйчжу*. Шилунь «саньбао» цзяюй чжэнцэ дэ ли юй би цзи ци гайгэ дуйцэ (О плюсах и минусах образовательной политики Саньбао и альтернативах ее реформы) // Сицзан яньцзю. 1996. № 1.

Ли Юэ. Гаодэн цзяюй чжаошэн дэ миньцзу чжэнцэ юй шаошу миньцзу цзяюй пиндэн (Национальная политика набора абитуриентов в вузы и равноправие образования национальных меньшинств) // Гуанси миньцзу дасюэ

-
- 6 сюэбао. 2008. № 6.
- 7 *Бао Юйчжу*. Лунь шаошу миньцзу дэ цзяоюй пиндэнцюань юй цзычжуцюань (О правах на равноправие и автономию образования национальных меньшинств) // Миньцзу цзяоюй яньцзю. 2001. № 3.
- 8 *Чжан Шаньсинь, Лю Сюйдун*. Шаошу миньцзу цзяоюй гунпин вэньти таньси (Анализ вопроса справедливости в образовании национальных меньшинств) // Дантай цзяоюй юй вэньхуа. 2010. № 1.
- 9 *Дин Юэя*. Шаошу миньцзу цзяоюй пиндэн вэньти цзи чжэнфу дэ цзяоюй чжэнцэ сюаньцзэ (Проблема равноправия образования национальных меньшинств и выбор правительством образовательной политики) // Миньцзу цзяоюй яньцзю. 2005. № 1.
- 10 *Лан Вэйвэй*. Гаокао чжаошэн лүцюй дэ миньцзу чжэнцэ юй шаошу миньцзу цзяоюй цюаньли пиндэн (Национальная политика зачисления в вузы и равноправие образования национальных меньшинств) // Синань миньцзу дасюэ сюэбао. 2008. № 5.
- 11 *Цзя Чжао*. Шаошу миньцзу дицюй сюэшэн чосюэ вэньти чутань (Исследование оставления школы учениками национальных районов) // Чжунго миньцзу цзяоюй. 1994. № 4.
- 12 *Ли Си*. Пинькунь дицюй миньцзу цзяоюй дэ фачжань сыкао (Размышления о развитии национального образования в бедных районах) // Миньцзу яньцзю. 1994. № 3.
- 13 *Хуа Дин*. Цяньтань миньцзу цзяоюй (Краткий анализ национального образования) // Гуйчжоу миньцзу яньцзю. 1998. № 1.
- 14 *Оу Цюньхуэй, Пэн Син*. «Цзинци кэтан» («Безмолвный урок») // Гуанси шифань дасюэ сюэбао. 2010. № 4.
- 15 *Цянь Сяофан, Ма Минь*. Чжунвай миньцзу цзяоюй лифа чжун шуанюй цзяоюй гуйдин чжи бицзюэ (Сравнительный анализ регламента двуязычного образования в законодательстве национального образования Китая и зарубежных стран) // Шэкэ цзунхэн. 2005. № 6.
- 16 *Бай Цзин, Чжан Бо*. Дуй во го шаошу миньцзу цзяоюй лифа дэ сыкао (Размышления о законодательстве национального образования нашей страны) // Цяньянь. 2008. № 2.
- 17 *Гоюань гуаньюй цзякуай фачжань миньцзу цзяоюй дэ цзюэдин* (Постановление Госсовета КНР об ускорении развития национального образования) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/moe_1777/moe_1778/201508/t20150817_200418.html.

-
- ¹⁸ Основные общественные образовательные услуги (基本公共教育服务) – основные общественные услуги в области образования, которые имеют общественный, социально полезный, базовый и развивающий характер. В основном предоставляются правительством. Это общественные образовательные услуги, тесно связанные с самыми насущными, непосредственными, реальными интересами народных масс, это основная перспектива и база реализации развития человека на протяжении всей жизни.
- ¹⁹ Коэффициент зачисления (录取率) – процентное соотношение количества зачисленных студентов к количеству абитуриентов, участвующих в поступлении.
- ²⁰ В Китае – население старше 16 лет, впервые поступившее на рынок рабочей силы.
- ²¹ В Китае – трудоспособное население от 20 до 59 лет.
- ²² «Сань гэ ли бу кай» (三个离不开, «три неотделимости»): национальность хань неотделима от национальных меньшинств, национальные меньшинства неотделимы от национальности хань, национальные меньшинства также неотделимы друг от друга.
- ²³ Национальные группы материковых районов (内地民族班) – сокр. «группы материковых районов», отдельно созданные в учебных учреждениях различных видов и уровней учебные группы для обучающихся национальных меньшинств. Включают группы (классы) всеобщей средней школы (обеих ступеней), средней специальной школы, всеобщей высшей школы, партийной и комсомольской школ. Обучающиеся проживают в национальных районах, но круглый год учатся в других районах Китая (не приграничных, за исключением Сянгана и Аомыня).
- ²⁴ «Цзоу бань чжи» (走班制) – система выбора дисциплин для изучения и преподавателей для посещения занятий в высшей школе, система создания «временных групп». Студенты на основе своей подготовки, интересов и желания выбирают учебную группу определенного уровня, соответствующего уровню индивидуального развития. В группах разного уровня содержание обучения и степень требований различны, степень сложности учебных заданий и экзаменов также различна.
- ²⁵ Ши ба цзе у чжунчуаньхуэй баогао цюаньвэнь (Доклад 5-го пленума ЦК КПК 18 созыва (полный текст))[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yjby.com/news/389856.html>

**6. Грачева Ю.А.
аспирант ИДВ РАН**

Современные тенденции в жизни народа наси

Аннотация: В последние три десятилетия многие факторы оказывают влияние на жизнь малочисленных народов Китая, среди которых наиболее сильную роль играет национальная политика государства. «Культурная революция» нанесла непоправимый ущерб этнической культуре народа наси, однако в последующие десятилетия положение этого народа и его традиционной культуры стало меняться в лучшую сторону. Данная статья посвящена осмыслению основных тенденций в жизни тибето-бирманского народа наси в Китае в XXI столетии, которые, в свою очередь, являются результатом национальной политики государства с начала политики реформ и открытости.

Ключевые слова: наси, национальная политика Китая, национальные меньшинства Китая.

С 1980-х гг. Китай вступил в эпоху реформ и открытости, которая принесла немало перемен, затронувших экономические, общественные, культурные и другие сферы жизни населяющих его народов. Китай – полиэтничная страна с непростой национальной ситуацией, поэтому тенденции в изменении современной структуры общества национальных меньшинств, трансформация их экономического уклада и перемены в отношении к традиционной культуре в настоящее время не могут не привлекать внимание как китайских, так и зарубежных исследователей.

Одним из самых этнически сложных и разнообразных регионов Китая является провинция Юньнань, населенная 25 малочисленными народами, одним из которых являются наси. Этот тибето-бирманский народ численностью более 326 тысяч человек, прошёл сложный путь исторического развития. Расцвет традиционной культуры наси пришёлся на XVII–XIX вв., тогда как в 60–70-е гг. XX столетия она была практически

полностью утеряна. За последние три десятилетия народу наси, при поддержке правительства страны, удалось достичь позитивных результатов в сохранении и восстановлении своей национальной культуры и традиций, кроме того, произошли качественные изменения в экономическом развитии районов, населенных представителями этого народа.

В настоящее время можно выделить несколько тенденций в современной жизни народа наси. В первую очередь, сохраняется неравномерное экономическое развитие в местах проживания наси, уровни материального благосостояния представителей этого народа сильно различаются. Острая разница в экономическом развитии наблюдается между деревнями и городскими поселениями. Центром экономического и культурного развития наси в настоящее время продолжает быть городской округ Лицзян¹, куда стекается всё большее количество наси. Согласно переписи 2010 г. около 75% всех наси Китая проживали на тот момент в этом районе. Одновременно стоит отметить, что процент урбанизации наси хотя и постепенно увеличивается, но всё же продолжает оставаться довольно низким. Согласно переписи 2010 г. около 80% наси является сельским населением. Для сравнения, по переписи 1952 г.² сельское население наси составляло 91,43%. Основным источником доходов наси, а также важнейшим сектором экономического развития городского округа Лицзян с середины 1990-х гг. является этнический туризм. Данная отрасль продолжает активно развиваться в последние несколько лет и затрагивает всё более отдалённые районы проживания наси, в том числе совсем небольшие сельские поселения, постепенно вовлекая жителей деревень в экономическую жизнь региона. По статистике средний доход в год на человека в таких деревнях вырос в среднем с 500 юаней в год в 2006 г. до 5000 юаней в год в 2012 г.³

Второй заслуживающей внимание тенденцией стала реализация проектов «этноэкологии», которые осуществляются путём создания правовой системы защиты окружающей среды,

что, в случае наси, неразрывно связано с традиционной материальной и духовной культурой этого народа, а также развитием сельского туризма в соответствии с идеей сохранения и развития народных традиций и обычаев. Особенно заметно данная тенденция стала проявляться после 18 съезда КПК, на котором была поднята проблема формирования экологической культуры. По итогам данного съезда в его документы было включено положение о продвижении «экоцивилизованного строительства» в соответствии с общим курсом на социализм с китайской спецификой⁴. В настоящее время правительство Лицзяна активно способствует реализации данной установки в местах проживания наси. В связи с новой политикой руководства стала набирать силу популяризация исследований взаимоотношений человека и окружающей среды в традиционном мировоззрении наси в контексте экономического развития районов, населенных этим народом. В этой сфере исследований можно выделить работы Чжоу Цзина, Хэ Кэчуня и Ян Фуцюаня. Общим положением этноэкологии наси в исследованиях этих китайских ученых является наличие экосознания у этого народа ещё с древних времен. По мнению исследователей, базой для национального экосознания наси служат верования и культура дунба⁵. Поскольку в основе культуры дунба лежат взаимоотношения человека и природы, то она может и должна стать стержнем развития нового общества в Юйлун-Насийском автономном уезде в современное время⁶. Исследователь Хэ Кэчунь, наси по происхождению, также предлагает и экотеорию языка своего народа. В своих работах Хэ Кэчунь указывает на необходимость сохранения языковой среды наси, которая находится в прямой зависимости от экосреды. Уничтожение экологической среды Лицзяна оказывает негативное влияние на сохранение и развитие языка наси, а значит и на самосознание этого народа, – говорит Хэ Кэчунь⁷.

В качестве третьего блока можно выделить некоторые новые тенденции в сфере традиционной материальной и духов-

ной культуры народа наси, появившиеся в последние годы. Сюда можно отнести не только задачи по сохранению фольклорных, религиозных и прочих памятников культуры дунба, но и вопросы языка и образования. В первую очередь, местное правительство и общественные организации активно способствуют популяризации изучения родного языка среди наси не только в общеобразовательных учреждениях, но и в ВУЗах.

С 1999 г. Лицзян-Насийский автономный уезд начал принимать участие в экспериментальной программе по популяризации в школах культур нацменьшинств провинции Юньнань. В этот проект вовлечены в основном школы начальной ступени. Учителя и студенты занимаются сбором народных сказаний, изучением манускриптов дунба, разучивают национальную музыку и танцы наси. Проект ставит перед собою цель передачи и сохранения культурного наследия, стараясь вызвать интерес к традициям своего народа у подрастающего поколения⁸.

В 2002 г. в Юньнаньском университете национальностей состоялся первый набор студентов на спецкурс языка наси, который ежегодно спонсируется правительством городского округа Лицзяна. Однако, несмотря на все усилия, количество молодых наси, владеющих родным языком, продолжает сокращаться⁹.

Сегодня, гуляя на улицах Старого города Лицзяна, можно видеть довольно много наси, одетых в традиционные одежды. Эти люди, как правило, пожилые женщины наси, среди которых даже мало кто может говорить на путунхуа. Основная масса жителей Лицзяна, задействованных в торговле и туризме, это местные и приезжие хань, из бесед с которыми выясняется, что настоящих наси в самом городе практически не осталось. Они говорят, что тому, кто хочет увидеть подлинных наси, услышать их настоящий язык, необходимо уезжать из Лицзяна на север и северо-запад, в более отдалённые горные районы.

Действительно, жители более далёких от городских центров деревень на сегодняшний день являются уникальными хранителями исконной культуры народа наси. Конечно, роль

тех мер, которые принимаются правительством КНР для охраны и развития традиций дунба, огромна, но нельзя забывать, что с развитием новых технологий, туризма, усиливающих процессы интеграции и глобализации, появляются не только новые позитивные, но и отрицательные моменты.

Позитивный момент заключается в ускорении коммуникационного обмена между представителями титульной нации и нацменьшинств, что способствует распространению интереса к традиционной жизни наси, культуре дунба, а значит, влияет на сохранение самобытности этого народа. В то же самое время, в этих процессах кроется и отрицательный момент, связанный с тем, что те же самые средства и механизмы глобальной коммуникации способствуют процессам «космополитической» модернизации пространства в самом широком смысле этого слова. С этой точки зрения, данные процессы несут разрушительные действия для традиционной культуры наси.

В 2009 г. сотрудниками Пекинского университета почты и телекоммуникаций, а также Школы гуманитарных наук, права и экономики был проведён соцопрос среди молодёжи наси. Результаты опроса показали, что хотя все опрошиваемые владеют устным родным языком, однако пользуются им только внутри своей семьи, и меньше чем 1/3 говорят на языке наси в учебных заведениях или на работе. В ходе этого соцопроса также был задан вопрос, по каким критериям можно ассоциировать культурную идентичность наси. Большинство молодых людей наси выбрали традиционную одежду в качестве критерия идентификации народа – 30 человек, второе место делят образ жизни и религия дунба – по 25 человек, далее следуют язык – 23, традиционные праздники – 19, музыка и живопись – 18 человек¹⁰. Как объясняют исследователи, результат данного опроса связан, вероятно, с отношением в Китае к национальному костюму: одежда – это наиболее типичный способ, используя который национальные меньшинства могут показать свою культуру внешнему миру, в том числе ханьцам.

В последние три десятилетия традиционная культура наси привлекла большое внимание как китайских, так и зарубежных исследователей. С 1980-х гг. местное правительство приложило целый ряд усилий по восстановлению уникальной культуры дунба, сильно пострадавшей во время «культурной революции». Однако практический аспект поддержания обычаев и традиций духовной культуры наси стал набирать силу лишь в последние несколько лет – широкая организация традиционных празднований, а также проведение религиозных обрядов дунба десять лет назад были всё ещё очень редки. Например, в 2015 г. в деревне Чжулинь городского округа Лицзян впервые была проведена крупнейшая церемония почитания Неба, являющаяся важнейшей частью празднования Нового года в культуре дунба.

Следует также добавить, что материальная культура наси в настоящее время имеет тенденцию не только к сохранению и восстановлению своих традиций, но и приобретает новые формы. Данный процесс связан не только с очевидной коммерциализацией народного творчества наси в связи с развитием экономики и туризма, но и с повышением общего уровня образования среди наси – в настоящее время известен ряд художников, писателей и представителей прочих творческих профессий этого народа, которые, опираясь на народные мотивы, создают совершенно новые произведения, продвигая, тем самым, национальное искусство наси на новый уровень. Одним из примеров данной тенденции можно назвать насийского художника Хэ Сяндуну (和向东), чья выставка (живопись маслом) была проведена в Германии в 2014 г.

В целом, следует отметить, что тенденции, проявляющиеся в жизни наси в последние несколько лет, с одной стороны, обусловлены продолжением развития направления национальной государственной политики, берущей начало в 1980-х годах, и, с другой стороны, реакцией на изменения и вызовы современного времени, с которыми сталкивается большинство ма-

лых народов не только Китая, но и других стран.

- ¹ Всё население Лицзяна по переписи 2010 г. составляет около 1,2 млн. чел.
- ² Среди них ханьцев – 42,7%, наси – 20,51, и 18,68%.
- ³ Численность наси на 1952 г. – 178 412 человек.
Статистика приведена по деревне Хайцунь китайским исследователем современной жизни наси Бу Вэньху (наси по национальности). См.: Юань Сююнь, Гу Хунхай. Люйю кайфа дуй чуаньтун миньцзу вэньхуа дэ инсян – и наси цзу вэйли. 旅游开发对传统民族文化的影响– 以纳西族为例. (Влияние развития туризма на традиционную национальную культуру – на примере народа наси) // Ганао цзинци, Чжухай, 2014 №23, С.19-20.
- ⁴ В частности в Уставе КПК, принятом с частичными поправками 18-м Всекитайским съездом КПК, говорится: «Коммунистическая партия Китая ведет за собой народ на создание экологической культуры социализма <...> Специально занимаясь созданием ресурсоэкономящего общества, дружелюбного по отношению к окружающей среде, формирует ту пространственную конфигурацию, а также те производственные структуры, формы производства и образ жизни, которые позволяют экономить ресурсы и охранять окружающую среду, а тем самым создает для народа благоприятную производственно-бытовую среду и обеспечивает вечное развитие китайской нации». См. в: Полный текст Устава КПК, принятого с частичными поправками 18-м Всекитайским съездом КПК. <http://russian.people.com.cn/31521/8023847.html>.
- ⁵ Чжоу Цзин. Наси цзу чуаньтун шэнтай гуань цзай сяньдай шэнтай вэньмин цзяньшэ чжун дэ цзици цзоюн 纳西族传统生态观在现代生态文明建设中的积极作用. (Активная роль традиционного воззрения на экологию народа наси в строительстве экокультуры) // Лицзян шифань гаодэн чжуанькэ сюэсяо сюэбао. Лицзян, 2015. №2. С.36-41
- ⁶ Ян Фуцюань. Люэлунь наси цзу дэ шэнтай лунылигуань. 略论纳西族的生态伦理观 (Коротко об экологической этике народа наси) // Юньнань миньцзу дасюэ сюэбао. 2008. №1. С.38-40.
- ⁷ Хэ Кэчунь. Шоуху наси цзу юйянь шэнтай лунь. 守护纳西族语言生态论 (К вопросу о защите экологии языка народа наси) // Лицзян шифань гаодэн чжуанькэ сюэсяо сюэбао. Лицзян, 2015. №2, С. 27-30
- ⁸ Чжань Минган. Насицзу чуаньтун вэньхуа дэ сюэсяо цзяоюй чуаньчэн. 纳西族传统文化的学校教育传承 (Передача будущим поколениям традиционной культуры наси в школьном образовании. 2008).
<http://epc.swu.edu.cn/article.php?aid=3816&rid=4>.
- ⁹ Ван Фа. Наси юй чжуань цзинь гаосяо 纳西语专业进高校 (Специальность язык наси входит в ВУЗы. 2006)
http://paper.yunnan.cn/html/20060602/news_89_214527.html.
- ¹⁰ Хэ Баолин. Юаньгу люлай дэ шэнцюань – дунба вэньхуа юй насицзу. 远古流来的圣泉 — 东巴文化与纳西族 (Святыни древности: культура дунба и народ наси). Куньмин, 2004. С. 7-9.

Проблема терроризма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе

Аннотация. За последние годы в Синьцзян-Уйгурском автономном районе значительно увеличилось число террористических актов, в результате которых имеются многочисленные жертвы. Террористические акты сопровождаются поджогами, убийствами, разрушением административных зданий, нападением на правоохранительные органы. Совершенные теракты в основном спровоцированы и проводятся террористической группировкой «Исламское движение Восточного Туркестана». Положение усугубляется общей ситуацией в мире, где терроризм становится нормой жизни. Происходит «смычка» синьцзянских сепаратистов с запрещенными во всем мире террористическими организациями, такими как «Аль-Каида», ИГИЛ и т.п.

Ключевые слова. Террористические акты, Синьцзян-Уйгурский автономный район, террористическая группировка «Исламское движение Восточный Туркестан», уйгуры, религия, межэтнические отношения, ханьцы, переселение ханьцев в СУАР.

В октябре 2015 г. в Китае отмечалась 60-я годовщина образования самой большой территориально-административной единицы Синьцзян-Уйгурского автономного района. Район имеет самую протяженную сухопутную пограничную линию с 8 государствами – Россией, Монголией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Афганистаном, Пакистаном и Индией (Кашмир). По оценкам местного правительства, в данном регионе содержится 30% запасов нефти на суше, 34% запасов газа на суше и 40% угля Китая.

Коренным населением Синьцзяна являются тюркоязычные уйгуры, исповедующие ислам. Местами проживания уйгуров являются главным образом районы Южного Синьцзяна: Каши,

Хотан, Аксу, а также г. Урумчи и Илийский округ в Северном Синьцзяне. По данным переписи населения 1988 г., численность уйгуров Синьцзяне составляет 8,1394 млн человек, 47,45% всего населения Синьцзяна: в сельских районах удельный вес уйгуров – 84,47%, в волостных городских поселках – 6,98%, в городах 8,55%¹.

С момента образования Синьцзян-Уйгурского автономного района началось заселение его этническими китайцами (ханьцами). В настоящее время их число достигло свыше 40% населения региона, а по некоторым данным составляет более 50%, согласно переписи населения 1953 г. эта цифра равнялась менее 1%².

К важным факторам, влияющим на дестабилизацию обстановки в Синьцзяне, помимо увеличения численности ханьцев в регионе относятся межнациональные отношения и религиозные мотивы. Несмотря на позитивные направления в национальной политике, характерен постоянный значительный приток в автономный район ханьского населения. Коренное некитайское население края видит в этом угрозу сохранения собственной самобытности, культуры и традиций, испытывает ущемление своих жизненных интересов, в т.ч. в сфере землепользования. Большая разница наблюдается и в менталитете ханьцев и уйгуров. Уйгуры – рьяные поборники мусульманских традиций и своей веры. В настоящее время ислам уйгуров все больше подпадает под влияние радикалов, питательной почвой для чего служит рост численности ханьцев в регионе, ставший результатом политики властей по размыванию уйгурской этнокультурной идентичности.

К этому надо добавить крайне низкий уровень жизни уйгурского населения. Настроения уйгурского населения подогреваются, как отмечается в китайской прессе, сепаратистской деятельностью из-за рубежа, в частности, из США. Большое влияние в районе оказывают действующие на территории Китая и за его пределами террористические силы «Восточного Туркестана», которые выступают за отделение Синьцзяна от

Китай, стремятся создать независимое государство Восточный Туркестан, инспирируют, организуют и проводят теракты, расширяют сферы своего влияния на уйгурское население Синьцзяна.

По мнению специалистов, существуют две крупные группировки, которые борются против Пекина. Первая – Уйгурский национальный центр, расположенный в Нью-Йорке. Представительство этой организации есть и в Турции. Вторая группировка – это террористическая организация «Исламское движение Восточного Туркестана», центр которой находится в Пакистане. Кроме того, на Ближнем Востоке в рядах ИГ воюет батальон, состоящий из 1000 уйгуров³. В китайской печати сообщалось о действиях на протяжении длительного периода времени различных подпольных сепаратистских организаций, выступающих за отделение района от КНР и создание независимого государства «Восточный Туркестан». По сообщению обозревателей, только в Урумчи существует более 10 радикальных уйгурских организаций⁴. В 2004 г. с момента своего создания к ним присоединилась организация «Всемирного уйгурского конгресса» со штаб-квартирой в Германии.

Экстремистскую организацию «Исламское движение Восточного Туркестана» китайские власти причисляют к разряду террористических. Заместитель руководителя антитеррористического бюро министерства общественной безопасности КНР Чжао Юнчэнь отметил, что террористические, сепаратистские и экстремистские силы, приверженные идее «Восточного Туркестана», стали составной частью международных террористических сил, поддерживают тесные связи с движением «Талибан» и организацией «Аль-Каида» или являются их союзниками, а в настоящее время и с террористической организацией Исламское государство. Кроме того, в СУАР действует исламское экстремистское формирование «Освободительный фронт Восточного Туркестана», которое также находится в тесных связях с «Талибан» и «Аль-Каидой». На территории Синьцзяна

действуют и другие формирования под исламистским флагом⁵, число которых не уточняется. Боевики уйгурского происхождения были замечены во многих горячих точках, включая Афганистан и Чечню. Недавно китайская печать выступила с утверждением, что синьцзянские сепаратисты воюют в Сирии на стороне антиправительственных войск.

В 2013 г. китайские власти открыто объявили о причастности сирийских террористов к организации насилия в самом Китае. Это – первый случай, когда была обнародована подобная информация⁶. Речь идет о столкновениях в городе Хотан, когда 200 человек сделали попытку атаковать торговый район, но были разогнаны полицией. В результате столкновений погибли 35 человек. Как сообщает китайское государственное издание Global Times, сирийские боевики «оставили явные следы своей деятельности». Министерство иностранных дел Китая заявило, что уйгурские боевики, прибывающие в Турцию через страны Юго-Восточной Азии, проходят подготовку на базах исламистов в Ираке и Сирии с последующим перенесением джихада на территорию КНР.

Сотрудник Государственного управления КНР по борьбе с терроризмом Ли Цзюнь на 13-м региональном форуме АСЕАН по борьбе с терроризмом и транснациональной преступностью (май 2015 г.) сообщил, что подпавшие под влияние пропаганды терроризма экстремисты незаконно покидают пределы Китая через провинции Юньнань, Гуанси и другие приграничные районы, где их снабжают фальшивыми документами, а затем переправляют в Сирию, Ирак и другие страны для участия в вооруженных формированиях на стороне боевиков. По имеющимся данным, около 300 китайских наемников воюют в Сирии. Большинство из них относятся к сирийскому филиалу «Исламского движения Восточного Туркестана», а некоторые входят в другие террористические экстремистские организации⁷.

Интенсификацию террористической деятельности, охватывающей Синьцзян-Уйгурский автономный район, Куньмин и

Пекин, подтверждают многие политологи. В частности, директор Китайского института международных отношений Фэн Чжунпин, обратил внимание, что насильственные террористические атаки набирают силу по сравнению с несколькими годами ранее и стали крупнейшей угрозой безопасности СУАР⁸. Он пришел к выводу, что способы враждебных западных сил по проникновению религиозного экстремизма в Китай стали более разнообразны, пределы значительно расширены, методы разнообразны. Проникновение религиозных течений из-за рубежа, по его мнению, уже распространилось во все сферы китайского общества, обретая все большую интенсивность.

В кулуарах 3-й сессии ВСНП 12-го созыва (март 2015 г.) секретарь партийного комитета СУАР Чжан Чуньсянь сообщил, что коэффициент гибели полицейских Синьцзяна в 5,4 раза больше по сравнению с аналогичным показателем по стране. Только в 2014 г. их число превысило 230 человек¹⁰.

Ситуация в Синьцзян-Уйгурском автономном районе за последние годы заметно осложнилась. Район буквально захлестнула серия насильственно-террористических актов, спланированных организованными уйгурскими сепаратистами.

По официальным и открытым данным, в 2013 г. на территории Китая произошло 10 террористических актов. В Докладе по итогам исследования госбезопасности Китая (2014 г.) подчеркнуто, что поскольку некоторые террористические нападения имеют глубокие международные корни, достаточно сложно эффективно сдерживать терроризм, опираясь лишь на отдельные силовые ведомства страны. Созданный в Китае Комитет национальной безопасности является межведомственным высшим органом по принятию мер и координации действий.

О динамике совершения терактов свидетельствуют приведенные ниже сведения. В частности, силами «Восточного Туркестана» был организован и совершен ряд терактов против проведения Пекинской Олимпиады-2008. Самыми крупными и кровопролитными акциями явились события 5 июля 2009 г. в

административном центре СУАР Урумчи, где произошли массовые столкновения на межэтнической почве между уйгурами и ханьцами. Протесты были спровоцированы событиями на фабрике игрушек в Гуандуне, где в ходе драки погибли 2 уйгура и 14 были серьезно ранены. Уйгурская молодежь в знак протеста вышла на улицы с требованием расследовать обстоятельства драки. Мирная демонстрация переросла в кровопролитное столкновение. Акции насилия сопровождались убийствами, избиениями, разрушениями, грабежами и поджогами. По одним данным в массовых этнических столкновениях погибло 140 человек, более 800 человек получили ранения¹¹, по другим – число погибших составило около 200 человек и более 1600 получили ранения¹².

Сообщается об уйгурских нападениях на ханьцев на железнодорожных и автобусных вокзалах Синьцзяна. В результате этих нападений были убиты десятки человек.

Недовольство уйгуров вызывают своего рода ограничения на религиозную деятельность, среди которых явились запреты на ношение пожилыми уйгурами бороды, а женщинами – паранджи и накидок в общественных местах, посещение мечети детям, не достигшим 18-летнего возраста, ограничения посещения мечетей под угрозой увольнения для мусульман, работающих на государственных предприятиях, и студентам Синьцзян-Уйгурского автономного района соблюдать пост. Широкий резонанс вызвало введение ограничений на соблюдение поста во время Рамадана. Уйгурам было запрещено во время этого священного для мусульман месяца «поститься, совершать религиозные паломничества, проводить религиозные обряды». Запрет на соблюдение поста спровоцировал вспышку недовольства и привел к кровавым событиям в округе Боле СУАР¹³.

В то же время, в китайских средствах массовой информации, выступлениях руководителей страны постоянно подчеркивается право на свободу совести, религии и вероисповедания, запрещение вмешательства со стороны учреждений, орга-

низаций или частных лиц в религиозную сферу.

Подобные несоответствия свидетельствуют о том, что проводимая политика ассимиляции уйгуров в последние годы столкнулась с проблемой радикального исламизма и исламского терроризма. Китайское руководство отдает себе отчет в том, что укрепление ислама может привести к серьезным проблемам внутри страны, и ищет пути преодоления возникшей ситуации.

Еще один жестокий теракт был совершен на вокзале в административном центре Куньминь провинции Юньнань – многонациональном этническом регионе, в котором национальность *хань* составляет более 60% местных жителей. В результате ножевых ранений погибло 33 человека, более 130 получили ранения. Теракт уйгурских экстремистов стал полной неожиданностью для китайских правоохранителей. Это был первый теракт на юго-западе многомиллионного Китая. Ранее теракты в основном проходили в Синьцзяне, Тибете, автономном районе Внутренняя Монголия¹⁴.

За период 2011–2014 гг. были совершены теракты в г. Хотань, несколько терактов в округе Кашгар, уезде Пишань (Гума), уезде Ечэн округа Кашгар, округе Яченг недалеко от Кашгара, на рынке Кашгара, г. Корла, в уезде Бачу, округе Аксу, г. Лукэцинъчжэнь уезда Шаньшань округа Турфан, г. Лукцунь округа Турфан, г. Лугунь, городах Хотан, Урумчи, г. Серикбуя уезда Бачу, в округе Тайюань, уезде Шуфу округа Каши (Кашгар), несколько терактов в уезде Шачэ округа Кашгар, в уезде Синьхэ округа Аксу, вокзале Куньмина, Кашгаре, на рынке Урумчи, уезде Турфан, уезде Хотан, уезде Луньтай, уезде Бугур Баянгол-Монгольского автономного округа, уезде Байчэн района Аксу.

Все теракты были совершены религиозными экстремистами, среди которых находились боевики, прошедшие подготовку перед прибытием в Синьцзян в зарубежных террористических лагерях группировки «Исламское движение Восточного

Туркестана» в Пакистане. Было также установлено, что во главе террористических группировок стояли в основном уйгуры, среди них Мэмтиели Тиливалди (*Memtieli Tiliwaldi*), Турсун Хасан (*Turson Hasan*), Иблаян Эли (*Yiblayan Eli*), Ахматнияз Сидик (*Ahmatniyaz Sidiq*), Муса Хесен, Рехман Хупур, Абдурехим Курбан, Исмаил Юсуп (*Ismail Yusup*), Садердин Савут (*Saderdin Sawut*), Меметабудула Ете (*Memetabudula Ete*), Аблиз Давут (*Abliz Dawut*), Ибрагим Кахар и другие¹⁵.

Многие инциденты были предотвращены силами безопасности, ликвидированы экстремистские группировки, уничтожены склады оружия, конфискована террористическая литература. В частности, с мая 2014 г. по апрель 2015 г. в регионе была ликвидирована 181 террористическая группировка, 96,2% были уничтожены на этапе организации терактов, 112 беглых преступников добровольно сдались властям¹⁶.

25 января 2016 г. Председатель КНР Си Цзиньпин призвал применять «комплексную стратегию борьбы с терроризмом», которая позволит не только искоренить это зло, но и ликвидировать порождающие его причины. На рабочем совещании по вопросам юстиции и общественной безопасности лидер китайского руководства призвал правоохранительные органы просчитывать риски терактов, повышать уровень возможностей по защите национальной безопасности и обеспечению социальной стабильности, не допуская их распространения на другие районы¹⁷.

Всерьез обеспокоенное все возрастающей динамикой совершения террористических актов китайское руководство приняло целый комплекс мер профилактического характера по защите безопасности, оповещению, передаче населению необходимых знаний об антитерроре.

С этой целью на улицах усиливается патрульная служба полиции с привлечением широких слоев населения к антитеррористической работе. Ведется работа по пресечению подготовки террористов за рубежом через контроль выезжающих за границу граждан, предпринимаются попытки предотвратить

проникновение религиозного экстремизма в страну. Китай также продолжает проводить взаимодействие с другими странами по данным вопросам.

Кроме того, судебным органам рекомендуется «выносить суровые приговоры» за террористическую и сепаратистскую деятельность. В борьбе с терроризмом судьям предложено руководствоваться недавно принятым новым антитеррористическим законом.

Опасаясь рецидивов в годовщину событий 5 июля 2009 г. Урумчи был оснащен видеокамерами наблюдения на транспорте, в магазинах, в учебных, административных зданиях. Государственное управление по борьбе с терроризмом выпустило бесплатное «Руководство по борьбе с терроризмом среди населения», распространенное в Пекине, Синьцзяне, Шанхае, Гуандуне, Хэнани и других городах и провинциях Китая¹⁸. Были введены повышенные меры безопасности в общественном транспорте – метро, наземном рельсовом транспорте, для чего задействован персонал всех транспортных станций. Подобные меры усилены в общественных автобусах, местах прибытия пассажиров дальнего следования, на автовокзалах. Привлечены силы военной полиции, полиции особого назначения, освободительная армия, проведены учения правоохранительных органов по применению оружия в условиях охранных мероприятий. Созданы специальные антитеррористические группы, среди которых «Сюэбао» (Снежный барс), «Летающие тигры», «Гепарды», первый женский патруль в г. Турфан. Выпущен Циркуляр о награждении информаторов за предоставление сведений о террористической деятельности. Согласно этому документу, сумма вознаграждения зависит от предоставленной информации и финансовой ситуации на местах. В частности, в августе 2014 г. в уезде Синьхэ округа Аксу Синьцзян-Уйгурского автономного района вручены премии на общую сумму 750 тыс. юаней за борьбу с террористической преступностью. Награжденные активно предоставляли сведения о тер-

рористической активности, что создало благоприятные условия для оперативного раскрытия дел. В АРВМ сумма вознаграждения достигла 500 тыс. юаней, в провинции Юньнань – 200 тыс. юаней, а в экономически развитом и густонаселенном городе Шэньчжэнь (Южный Китай) сумма вознаграждения вообще не имеет верхнего предела. Начиная с марта 2014 г. денежные вознаграждения на общую сумму свыше 600 тыс. юаней получили уже более 500 человек¹⁹.

При помощи местного населения только за один год в СУАР было обезврежено 32 террористические группировки и задержаны 380 подозреваемых в терроризме, конфисковано 264 взрывных устройств, 3,15 т сырья для изготовления взрывчатки, 357 комплектов оружия. При этом полиция получила от людей более 400 сообщений, которые помогли в уничтожении 11 террористических группировок и одной религиозно-экстремистской организации, а также в задержании 80 предполагаемых террористов.

На 18-й сессии ПК ВСНП 12-го созыва (декабрь 2015 г.) был принят Закон о борьбе с терроризмом. Закон гласит, что Китай выступает против терроризма в любых его формах, будет преследовать организации, занимающиеся террористической деятельностью, а также привлекать к ответственности за организацию, планирование, подготовку, осуществление террористических актов, за пропаганду, подстрекательство к осуществлению террористической деятельности, за организацию, руководство и участие в террористических группировках, а также предоставление помощи в осуществлении террористической деятельности²⁰.

По стране прошли кампании по нанесению удара по террористам, разоблачению действующих группировок, для чего создана руководящая рабочая группа по антитеррору Китая²¹ во главе с членом Госсовета, министром общественной безопасности Го Шэнкуня. Аналогичные группы во главе местных секретарей политико-юридического комитета ЦК КПК сфор-

мированы в Цзянсу, Шаньси, Гуандун, Гуйчжоу, Шэньси, Шаньдуне.

Тревожным сигналом прозвучало сообщение главы комиссии КПК по проверке дисциплины Синьцзян-Уйгурского автономного района Сюй Хайжуна о том, что «некоторые члены компартии принимают участие в террористической деятельности», проявляя двуличие по вопросам борьбы с сепаратизмом, этнического и национального единения²².

Выступая на заседании, посвященном развитию Синьцзяна (май 2014 г.), председатель КНР Си Цзиньпин призвал все этнические группы, проживающие в автономном районе, проявить уважение, толерантность и понимание в отношениях друг с другом для того, чтобы способствовать единству этнических групп в регионе. На заседании была зафиксирована новая стратегия, согласно которой главный упор будет делаться не на насильственном подавлении исламского экстремизма, а на социально-экономическом развитии региона, где в последние месяцы происходят стычки населения с полицией²³.

Однако, с учетом международной ситуации, когда уйгурское население имеет поддержку из-за рубежа, активизируется деятельность организации Восточного Туркестана, остановить этот процесс крайне трудно. Влияют на общую ситуацию и взаимоотношения с Турцией. Турецкое государство активно вмешивается в уйгурскую проблему, на территории которой проживает более 350 тыс. уйгуров, оказывает им поддержку, снабжает их документами. Заявление турецких властей о постоянном открытии границ для этнических уйгуров, страдающих от притеснений, вызвало оправданное недовольство китайского правительства, которое потребовало от турецкой стороны разъяснений по поводу указанных сообщений. Учитывая вышеизложенное, в обозримой перспективе ситуация в регионе кардинально не изменится.

¹ <http://www.abirus.ru/content/564/623/624/639/11455/11458.html> - Публикуется по книге Межконтинентального издательства Китая "Синьцзян: Этнографический очерк".

-
- ческий очерк", автор Сюэ Цзунчжэн, 2001 г. - «Уйгуры – самая многочислен-
ная национальность Синьцзяна.
- ² Уйгуры и Россия - http://wrioint.my1.ru/news/ujgury_i_rossija/2010-06-23.
- ³ Турция пытается давить на «уйгурскую проблему» Китая. –
<http://vz.ru/world/2015/7/6/754627.html>.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Агентство Синьхуа, 7 сентября 2005 г.
- ⁶ Источник – «Китай обвинил сирийскую оппозицию в подготовке боевиков в Синьцзяне» - <http://jvatnews.ru/novosti/china/>; <http://politikus.ru/events/5157-kitay-obvinil-siriyskuuyu-oppoziciyu-v-podgotovke-boevikov-v-sinczyane.html>.
- ⁷ Управление по борьбе с терроризмом: Около 300 экстремистов из Китая участвуют в сирийской войне - <<Жэньминь жибао>> онлайн, 19 мая 2015 г.
- ⁸ Синяя книга по государственной безопасности Китая: Правительственные учреждения, военные объекты и полиция становятся главной целью атак террористов - russian.china.org.cn 14-05-2014.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ <<Жэньминь жибао>> онлайн, 11 марта 2015 г.
- ¹¹ <http://forum.inosmi.ru/showthread.php?t=53750>.
- ¹² [Russian.people.com.cn/31521/7838764.html](http://www.bbc.co.uk/russian/international/2011/07/110731_china_xinjiang_15_dead.shtml);
http://www.bbc.co.uk/russian/international/2011/07/110731_china_xinjiang_15_dead.shtml.
- ¹³ Рамадан, который уйгуры не забудут никогда – 16 июля 2015 г.- Мир - <http://rus.azattyq.org/content/nasilie-v-suar-kitai-borba-s-terrorizmom/26515160.html>.
- ¹⁴ Подробнее см.: «Российская газета» - Федеральный выпуск № 6321 (49) от 3 марта 2014 г.
- ¹⁵ Агентство Синьхуа, 30 июня 2013 г.
- ¹⁶ За один год в Синьцзяне была уничтожена 181 террористическая группировка - <<Жэньминь жибао>> онлайн, 22 мая 2015 г.
- ¹⁷ russian.china.org.cn - 23.01.2016.
- ¹⁸ Жэньминь жибао>> он-лайн, 23 июля 2014 г. -
<http://russian.people.com.cn/n/2014/0723/c31516-8759632-8.html>.
- ¹⁹ Полиция Пекина наградила трех человек за информацию о террористических угрозах - Агентство Синьхуа, 25/11/2015
- ²⁰ Агентство Синьхуа, 27 декабря 2015 г.
- ²¹ Агентство Синьхуа, 30 мая 2014 г.
- ²² СМИ: некоторые члены компартии Китая причастны к террористической деятельности в Синьцзяне - 25 ноября 2015 г. Сообщение корреспондента ТАСС Андрея Кириллова
- ²³ Си Цзиньпин призвал этнические группы Синьцзян-Уйгурского АР к единству – Агентство Синьхуа, 30 мая 2014 г.

Роль Синьцзяна в развитии Экономического пояса Великого Шелкового пути

Аннотация. Роль Синьцзяна в развитии ЭПШП велика, поскольку он в силу своего географического положения становится главным звеном в создании инфраструктуры внешнеэкономических связей КНР со странами Европы и Западной Азии, обеспечивающей необходимые коммуникации между Китаем и его многочисленными партнерами. Реализация проекта ЭПШП позволит также дать толчок экономическому развитию всего Северо-Запада Китая и особенно Синьцзяна, что позволит в перспективе сократить разрыв по уровню социально-экономического развития между развитыми приморскими районами и отстающими западными районами Китая.

Ключевые слова: экономический пояс, Великий Шелковый путь, главное звено, инфраструктура

Из территории КНР в 9,6 млн кв. км Синьцзян занимает шестую часть. Из всех провинций Китая СУАР имеет самую протяженную границу и граничит с наибольшим числом стран – с восемью государствами. Это Монголия, Российская Федерация, Республика Казахстан, Киргизская Республика, Республика Таджикистан, Афганистан, Исламская Республика Пакистан (фактически контролирующая спорную территорию Индии и Пакистана) и Республика Индия.

СУАР – это огромная земля, находящаяся в глубине Евразии, самая удаленная от морей и океанов. Ее просторы богаты разнообразными ресурсами. Недра пустынь скрывают огромные запасы нефти и газа, есть уголь, множество видов минералов – здесь представлена почти вся таблица Менделеева. Это является залогом и стимулом мощного развития Синьцзяна в будущем, предрекает ему роль локомотива в освоении Запада Китая и успех в достижении амбициозных целей – приблизить-

ся по уровню социально-экономического развития к восточным провинциям, стать ключевым звеном в проекте «Экономического пояса Шелкового пути».

Сам Шелковый путь начинался от древней столицы династии Хань – Чанъань (ныне Сиань), шел по реке Вэйхэ и коридору Хэси в провинции Ганьсу, далее шел через Синьцзян, Памир, Центральную Азию, Пакистан, Афганистан, Иран, Ирак, Сирию, соприкасался с Индийским океаном, Персидским заливом и доходил до берега Средиземного моря. Протяженность Шелкового пути составляла около 7000 км, из которых на Синьцзян приходилось около 2000 км.

В 2013 г. во время государственного визита в страны Центральной Азии председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул стратегическую концепцию совместного создания «Экономического пояса Шелкового пути» (*«Сычоу чжилу цзинцзи дай»*, ЭПШП). В марте 2015 г. в Китае был разработан и обнародован документ «Концепция и план действий совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века», где были раскрыты особенности и региональные преимущества Синьцзяна как окна на Запад и центрального сегмента «Экономического пояса Шелкового пути». Для реализации взаимовыгодного сотрудничества со странами ЭПШП был сформирован план использования исторического шанса для ускорения развития Синьцзяна в качестве «центрального звена ЭПШП, регионального центра торговли и коммуникаций, финансового центра, транспортно-логистического центра, культурного, образовательного и научного центра, центра медицинского обслуживания. Этот план дает обоснование всемерного использования географических, природных, экономических и культурных преимуществ и особенностей Синьцзяна, активизации всесторонней открытости для того, чтобы совместно с другими странами и регионами «Экономического пояса Шелкового пути» в будущем обеспечить возрождение древнего Шелкового пути на современной основе.

Находясь в центре Евразийского континента, Синьцзян – ключевое звено новых евразийских экономических коридоров «Китай – Центральная Азия – Западная Азия – Европа», «Китай – Пакистан», «Китай – Монголия – Россия». СУАР является стратегическим регионом на северо-западе Китая, это важный район в рамках реализации программы освоения западных территорий, ключ к открытию всего западного направления. Правительство КНР приняло решение о создании совместно с ведущими китайскими коммерческими банками Фонда в размере 40 млрд долл. для развития инфраструктуры вдоль маршрутов ЭПШП, размер которого в будущем может возрасти. Инвестиции в первую очередь будут направлены на улучшение транспортной сети СУАР, по которому пройдет маршрут ЭПШП, а также на развитие инфраструктуры стран Центральной Азии и части европейских стран, по территории которых будут проходить транзитные евроазиатский и паназиатский маршруты. Главным центром сосредоточения всех евразийских транзитных маршрутов КНР через территорию стран ЦА является СУАР. Автономный район имеет 29 КПП, включая 17 КПП первой категории и 12 КПП второй категории.¹

Для развития Синьцзяна как важной зоны инфраструктурного развития внешнеэкономических связей проекта «Экономического пояса Шелкового пути» были выделены три зоны – Урумчи – столица СУАР, Кашгар на западе Синьцзяна и Хоргос на севере на границе с Казахстаном.

В 2013 г. объем внешней торговли автономного района составил 27,56 млрд долл. При этом объем торговли со странами Центральной Азии достиг 19 млрд долл., что составляет 70% всего внешнеторгового оборота СУАР².

В период 12-й пятилетки правительство КНР в целях улучшения положения с региональными перевозками, повышения транзитного потенциала ключевого транспортного узла Западного Китая приступило к активному развитию транспортной системы СУАР. Основная задача руководства Китая

заключается в превращении в 2016 г. автономного района в национальный и международный транспортный хаб и формировании веерной транспортной сети из 8 транспортных коридоров. На северо-восточном направлении: Урумчи-Иу-Эрджин-Хух-Хото-Пекин, Тяньцзинь-Таншань; на восточном направлении: Урумчи-Хами-Ланьчжоу-Сиань-Шанхай; на юго-восточном направлении: Урумчи-Курля-Кашгар-Исламабад; на юго-западном направлении: Урумчи-Курля-Кашгар-Чэнду-Андиган-Ташкент-Тегеран; на западном направлении: Урумчи-Хоргос-Алматы-Атырау; на северо-западном направлении: Урумчи-Тачэн-Астана; на северном направлении: Урумчи-Канас (китайско-российская граница)-Новосибирск. (СУАР объединяет 8 центрально-азиатских коридоров и становится центром транспортного узла на Шелковом пути³).

Вся территория Южного Синьцзяна связана между собой автомобильными и железными дорогами, которые проложены как раз по маршруту Великого Шелкового пути от Урумчи до Кашгара.

В 2013 г. в автономном районе было 170 тыс. км автомобильных дорог, 5 тыс. км железнодорожных линий, 16 региональных аэропортов. В 2014 г. правительство КНР выделило 20 млрд юаней (3 млрд долл.) на осуществление 23 ключевых инфраструктурных проектов в СУАР, включая прокладку 5 железных дорог, 14 автомобильных шоссе (пять из которых должны быть введены в эксплуатацию в 2015 г.) и строительство трех региональных аэропортов. В СУАР будут функционировать более 20 логистических центров в городах Урумчи, Каши (Кашгар), КПП Хоргос, Хами, Курля, Куйтунь, Инин. Их задача – облегчить процедуру формирования грузопотоков в страны Центральной Азии и Европы в рамках ЭПШП, их общая площадь составит 2,2 млн кв. м.⁴ В 2014 г. через СУАР проходило 45 авиационных маршрутов, которые охватывали все страны Центральной и Западной Азии, самыми протяженными стали рейсы до Москвы, Новосибирска и Стамбула.

В настоящее время Синьцзян становится международным логистическим центром, откуда расходятся три маршрута ЕТМ в страны Европы, Центральной Азии и Пакистан. Северный маршрут (10 837 км) из стран АТР формируется в китайском порту Ляньюнган и по маршруту Ляньюнган-Урумчи-Алашанькоу (КНР) – Достык (Казахстан) – Актюбинск-Москва-Брест (Белоруссия) – Польша-Германия через 20 дней оканчивается в Роттердаме (Нидерланды). Второй континентальный транзитный поток (11 179 км) начинается в г. Чунцин и заканчивается в Дуйсбурге (Германия). Это самые короткие и экономичные транспортные коридоры между Азией и Европой для обслуживания ЭШП. Китай уже приступил к строительству двух других альтернативных континентальных евроазиатских транзитных маршрутов, которые будут пролегать южнее Транссиба. Центральный маршрут позволяет Китаю оптимизировать перевозки грузов в страны Ближнего и Среднего Востока, обеспечив прямой выход на Туркмению-Иран-Турцию и далее в Европу, а также страны Персидского залива. Южный маршрут соединит железной и автомобильной дорогами длиной 2 тыс. км СУАР (через Кашгар) и пакистанский порт Гвадар.

До образования КНР народное хозяйство Синьцзяна представляло собой натуральную экономику, где основными субъектами были сельское хозяйство и скотоводство, промышленность была крайне отсталой. За годы реформ произошли значительные изменения в экономике Синьцзяна. Если раньше практически вся территория Синьцзяна находилась полностью на дотациях от центрального бюджета, то после освоения богатых месторождений нефти и природного газа в Синьцзяне появились округа, которые стали донорами не только местного, но и центрального бюджета. Прежде всего, это основной нефтедобывающий район Карамай, а также районы Турфана, Хами и Курля, где интенсивно ведется добыча нефти и природного газа.

В рамках принятой в 2000 г. Программы развития западных районов Китая в Синьцзяне активно развиваются различ-

ные инфраструктурные проекты и добывающая промышленность, являющиеся главной движущей силой экономики автономного района, который активно включается как одно из основных звеньев в Экономический пояс Шелкового пути. В Синьцзяне огромные запасы энергоресурсов, в настоящее время он становится важной энергетической базой Китая. Общий объем энергетических ресурсов в СУАР оценивается в 2,2 трлн тонн или 40% от общего объема в Китае. По прогнозам, доля запасов нефти составляет 30% запасов всей страны, доля природного газа – 34%, а доля каменного угля – примерно 40%. В последние годы по добыче природного газа Синьцзян уже вышел на 2-е место в стране (после Шэньси), по добыче нефти – на 4-е место.

Освоение богатейших природных ресурсов западных районов Китая – не единственная задача устойчивого и сбалансированного развития этого региона в целях продвижения программы ЭПШП. Не менее важны укрепление государственной целостности, сохранение социальной стабильности, преодоление сепаратистских тенденций в границах этого края. Успех национальной политики, проводимой в КНР, будет во многом зависеть от реализации возможностей экономической, социальной и культурной жизни населения этих обширных территорий, а также от реализации проекта «1 пояс – 1 путь».

Занимая весьма обширную территорию, Синьцзян является одним из самых редконаселенных регионов страны. Число его жителей составляло 22,6 млн человек в 2013 г. (50,87% мужчин и 49,13% женщин), это всего 1,5% общей численности населения КНР, но увеличилось втрое по сравнению с данными переписи 1964 г. – тогда было 7,27 млн человек, и существенно – сравнительно с итогами переписи 1982 г. – было 13,08 млн человек. Коэффициент естественного прироста населения – 10,92⁵.

Плотность составляет здесь всего 13 человек на 1 кв. км, что являет собой резкий контраст по сравнению с восточными

провинциями Китая и десятикратный разрыв даже со средним показателем по Китаю – 140 человек на 1 кв. км. Но в 1960-е и 1980-е гг. плотность населения была еще меньше: 5 человек на 1 кв. км по итогам переписи населения 1964 г. и 8 человек по данным переписи 1982 г.⁶

С началом проведения в жизнь программы освоения западных районов и изменением модели экономического роста в СУАР все более отчетливо проявляется тенденция ускорения темпов развития и повышения значимости региона для экономики КНР в целом и для осуществления проекта ЭПШП. В 2010 и в 2014 гг. в Пекине состоялись центральные рабочие совещания по развитию СУАР, созванные ЦК КПК и Госсоветом КНР, где руководство Китая изложило план развития Синьцзяна в новой обстановке, определялась стратегия развития региона на предстоящие годы в новых условиях, согласно которой будет дан новый импульс развитию Синьцзяна. Будет создана система научно-технических инноваций, расширено строительство инфраструктурных объектов, будут развиваться отрасли новых и высоких технологий и туризма.

За этот период экономика СУАР совершила существенный скачок вперед. С ежегодными темпами прироста 11,5% общий объем ВРП увеличился более чем вдвое – с 428 до 920 млрд юаней. Среднегодовой прирост ВВП достигает 100 млрд юаней. Среди своих западных соседей Синьцзян заметно выделяется по такому показателю экономического развития как размер ВВП в расчете на душу населения. По этому показателю Синьцзян-Уйгурский автономный район занимает одно из первых мест среди провинций и автономных районов западных районов Китая. Прирастая на 10% в год, показатель ВВП на душу населения вырос с 20 до 38 тыс. юаней за период 2010–2014 гг.⁷

В 2014 г. реальный располагаемый доход городского и сельского населения достиг 23 тыс. юаней на душу населения, что в 1,8 раза больше показателя 2009 г. Средний чистый доход сельских жителей достиг 8724 юаней на душу населения,

увеличившись в 1,7 раза по сравнению с 2009 г. Коэффициент безработицы снизился с 3,8% в 2009 г. до 3,2% в 2014 г.⁸

19 провинций и городов по всему Китаю участвуют своими инвестициями в развитии СУАР. В 2014 г. эти внешние инвестиции составили 10,7 млрд юаней, а число проектов по оказанию помощи Синьцзяну превысило 1 тысячу. Начиная с 2010 г. внешние инвестиции достигли суммы в 46 млрд юаней.

Предполагается, что по мере наращивания транспортной инфраструктуры и современных средств связи Синьцзян станет не только крупнейшей хлопководческой, нефтедобывающей и нефтехимической базой страны, но и международным центром торговли Китая со странами Центральной Азии в рамках программы ЭПШП.

Анализ итогов экономического развития СУАР за 15 лет с 1999 г. по 2014 г. позволяет сделать следующие обобщения:

1) Среднегодовые темпы экономического роста автономного района на рубеже тысячелетия составляли 8,2–8,7%, в последующий период возросли до 11%. ВВП на душу населения за это время увеличился в пять раз – с 7,4 до 38 тыс. юаней на одного человека в год и является одним из самых высоких среди 12 провинций и автономных районов Западного Китая. Быстро растет объем привлеченных внутренних и иностранных инвестиций.

2) В настоящее время Синьцзян представляет собой динамично развивающийся регион с огромными разведанными запасами нефти, руд цветных металлов, марганца, графита, слюды, ртути, урана, что в условиях растущих потребностей Китая в природных ресурсах повышает общегосударственное значение региона. Его доля в общекитайской добыче нефти увеличилась почти втрое с 1990 г. по настоящее время. В 2014 г. СУАР занимал 4-е место в КНР по показателю добычи нефти – 29 млн т и добычи угля – 145 млн т и 2-е место по добыче природного газа – 30 млрд куб. м⁹.

3) Быстрыми темпами развивается инфраструктура – неф-

те- и газопроводы, автомобильные и железные дороги, что создает предпосылки для стабильного экономического роста и выполнения задач развития ЭПШП.

4) Высокие темпы экономического развития сопровождаются созданием новых рабочих мест, что способствует улучшению социальной ситуации в регионе.

Несмотря на высокую динамику роста объема ВВП, ВВП на душу населения, внутренних и иностранных инвестиций, достигнутые высокие показатели последних десятилетий, и занимаемое одно из первых мест по уровню экономического развития среди западных регионов КНР, Синьцзян пока еще уступает приморским провинциям. Чтобы приблизиться к их уровню, Синьцзяну необходимо длительное время и немалые инвестиции не только из центрального и местного бюджетов, но и из-за рубежа, которые придут сюда на втором этапе осуществления программы освоения Запада КНР. Синьцзян еще только на пути к будущему, когда он будет во главе экономики Западного Китая и Центральной Азии и ключевым звеном проекта «1 пояс – 1 путь».

Создание транспортного коридора Европа – Западный Китай подразумевает возрождение Шелкового пути. Новая трасса, этот трансконтинентальный проект играет огромную роль в интеграционных проектах между государствами – участниками Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС). Шелковый путь – это быстрая доставка грузов из Китая в Европу через Казахстан и Россию и обратно.

В столице СУАР созданы и успешно функционируют зоны освоения и зоны новых и высоких технологий государственного значения. Хорошо развита городская и транспортная инфраструктура.

На северо-западе Урумчи расположена Урумчийская зона технико-экономического освоения – район Тоутуньхэ. В восточной его части построен комплексный транспортный узел Урумчийской скоростной железной дороги, на севере он при-

мыкает к международному аэропорту Урумчи. Здесь же находится крупнейший железнодорожный сортировочный терминал и крупнейшая станция для хранения грузов в СУАР, строится центральная контейнерная станция. Таким образом, подготовлена инфраструктурная зона для включения в проект ЭПШП. В управлении района – территория площадью 280 кв. км, площадь самой зоны составляет 135 кв. км. В 71 населенном пункте здесь проживает 320 тыс. человек¹⁰.

Район освоения Тоутуньхэ интегрирует центр административного управления (местное правительство и СПСК), центр экспортной обработки товаров на государственном уровне, транспортный узел скоростной железной дороги, торговую зону Байняоху, Синьцзянскую зону программного обеспечения, Тяньшаньский парк компьютерной индустрии, университетскую научно-техническую зону, международный туристический центр, международную железнодорожную логистическую зону и другие центры.

В районе Тоутуньхэ зарегистрировано 588 крупных предприятий, в том числе 116 крупных промышленных предприятий, 40 предприятий с участием иностранного капитала, 46 предприятий новых и высоких технологий, 55 научно-исследовательских институтов; на 54 предприятиях объем валовой промышленной продукции превышает 100 млн юаней; в районе находится 31 государственное предприятие, чистые активы которых превышают 8,4 млрд юаней.

Еще одним важным кластером новых и высоких технологий в области сельского хозяйства является округ Чанцзи (что в переводе с китайского означает «процветающий, благодатный»), уютно расположенный на северном склоне горы Тяньшань у южной границы Джунгарской впадины.

Округ Чанцзи основан в 1954 г., занимает территорию 74 тыс. кв. км с населением 1,6 млн человек. В границах округа расположены три зоны развития государственного значения: Государственная зона промышленного развития и новых и вы-

соких технологий Чанци, Синьцзянская Государственная зона экономического и технологического развития Чжундун и Государственная сельскохозяйственная зона научных технологий Чанци.

В ходе 12-й пятилетки округ Чанци достиг достаточно высоких целей: 1) объем ВВП превысил 100 млрд юаней при ежегодном приросте 16% и ВВП на душу населения достиг среднего уровня для западных районов страны; 2) доходная часть бюджета превысила 10 млрд. юаней при среднегодовом приросте 25%; 3) накопленный объем инвестиций достиг 300 млрд юаней в течение пяти лет, возрастая ежегодно на 30%. В 2015 г. чистый доход жителей сельских районов достиг 15 тыс. юаней на душу населения. Располагаемый доход на душу населения городских жителей превысил 23 тыс. юаней при росте на 11% в год.

В целях создания в Чанци современной промышленной системы были поставлены три задачи: 1) кластерное развитие ключевых отраслей, включая современные угольную и химическую промышленность, выплавку и прокат цветных металлов, современное машиностроение, добыча и глубокая переработка нефти и газа, переработка местной сельскохозяйственной продукции, производство новых материалов; 2) глубокая модернизация сельскохозяйственного производства; 3) ускоренное развитие современных отраслей сферы обслуживания, прежде всего туризма и логистики.

Открыв карту Азии, можно увидеть Памирское нагорье, горы Куньлуня и Тянь-Шаня и еще – горы Алтынтаг, Гималаи, Тангула, Алтай и осознать, что с географической точки зрения Синьцзян – центр Азии. Если использовать его географические преимущества и природные богатства, можно представить будущее его экономики – в скором времени он станет новой точкой экономического роста на западе страны, крупным промышленным, финансовым и информационным центром на Великом Шелковом пути.

В рамках новой стратегии освоения и развития западных районов Китая из 12 провинций Синьцзян – главное звено, как когда-то во главу угла были поставлены экономика Шэньчжэня и развитие района Пудун. С одной стороны, велика роль Синьцзяна в развитии ЭПШП, поскольку он в силу своего географического положения становится главным звеном в создании инфраструктуры внешнеэкономических связей КНР со странами Европы и Западной Азии, обеспечивающей необходимые коммуникации между Китаем и его многочисленными партнерами. С другой стороны, реализация проекта ЭПШП позволит дать толчок экономическому развитию всего Северо-Запада Китая и особенно Синьцзяна, что позволит в перспективе сократить разрыв по уровню социально-экономического развития между развитыми приморскими районами и отстающими районами на Северо-Западе Китая. Это позволяет верить в будущее Синьцзяна, который локомотивом потянет за собой Запад, а Запад не только догонит Восток, но и станет не только географическим центром, но точкой роста всей Центральной Азии; огромную роль в быстром росте Запада сыграют инфраструктурные проекты ЭПШП.

Стратегия развития Китая: сначала развивается Восток, потом Запад, который догоняет Восток. И если Шэньчжэнь и Шанхай – символы развития восточного побережья, то Синьцзян – опора роста западных регионов, он будет мостом между Азией и Европой, караван-сараем на современных маршрутах нового Шелкового пути.

¹ *Баженова Елена, Островский Андрей.* Синьцзян – новый облик древнего Шелкового пути. Алматы: ТОО «Достык копири», 2012. С.320

² *The Facts and Figures on Xinjiang, China.* 2014. Beijing: China Intercontinental Press, 2014. P. 101-102.

³ СУАР объединяет 8 центральноазиатских коридоров и становится центром транспортного узла на Шелковом пути.

URL://http://Russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-12/27/content_31024785/htm.

⁴ Цит. по: КНР: экономика регионов. М. ИДВ РАН. МБА. 2015. С.332.

Там же.

-
- ⁵ The Facts and Figures on Xinjiang, China. 2014. Beijing: China Intercontinental Press. 2014. P. 32.
- ⁶ Чжунго жэнькоу няньцзянь-2011 [“Almanac of China’s Population”]. Чжунго шэжуэй кэсюэюань жэнькоу юй лаодун цзинци яньцзюсо [Institute of Population and Labor economics, CASS]. Пекин: 2011. С. 348; Китай. Факты и цифры. 2005. Пекин: 2005. С.13-14; Чжунго тунци няньцзянь-2006. [Китайский статистический ежегодник]. Пекин: 2006. С. 101.
- ⁷ Форум по развитию Синьцзяна, КНР. 2015. Урумчи: 2015. С. 15.
- ⁸ Форум по развитию Синьцзяна, КНР. 2015. Урумчи: 2015. С. 15.
- ⁹ The Facts and Figures on Xinjiang, China. 2014. Beijing: China Intercontinental Press. 2014. P. 94.
- ¹⁰ Экономическое и социальное развитие Урумчийской зоны технико-экономического освоения района Тютуньхэ. Урумчи: 2015. С.1.

**9. Сазонов С.Л.
ЧэньСяо, ИДВ РАН**

Диверсификация капиталовложений в транспортный комплекс КНР как новая модель стимулирования роста экономики

Аннотация: Как и мировой финансовый кризис, так и замедление темпов роста ВВП ставят перед руководством КНР вопрос о том, как минимизировать их негативное влияние на экономику страны. В обоих случаях Госсовет КНР использовал проверенное средство в виде увеличения объемов инвестиций в расширение инфраструктурного строительства. Эти капиталовложения позволяют создавать мультипликативный эффект в сопряженных отраслях промышленности и увеличивают рост занятости. Как это ни парадоксально, меры по предотвращению возможного замедления темпов экономического роста превращают транспортный комплекс в «антикризисного помощника», стимулирующего развитие национальной экономики.

Ключевые слова: финансовый кризис, ВВП, инвестиции, транспортный комплекс КНР, мультипликативный эффект, национальная экономика, частный капитал.

Стремительное развитие транспортного комплекса КНР с начала XXI в., обеспечивалось в основном за счет бюджетных

инвестиций, а их объем за 15 лет превысил объем капиталовложений в отрасль за период 1949–2000 гг.¹ С начала реформы отрасли ежегодный объем капиталовложений, учитывая различные источники финансирования развития транспортного комплекса КНР, стал превышать 5% ВВП и превысил 8,1% ВВП в период 12-й пятилетки (2010–2015 гг.), что явилось самым высоким показателем в мире.

Значительная часть инвестиций в развитие транспортной инфраструктуры, особенно в период после мирового финансового кризиса, стала формироваться на провинциальном уровне. Для стимулирования экономического роста и увеличения числа рабочих мест провинциальные власти в условиях относительной нехватки местных и бюджетных средств полагались в основном на привлечение значительных объемов заемных средств и эмиссию облигаций и ценных бумаг. В начале 2014 г. совокупный объем долга местных правительств всех уровней по сравнению с 2010 г. вырос на 67% и составил около 19 трлн юаней (3 трлн долл.)². Около 70% объема этой задолженности или 13,5 трлн юаней было образовано за счет инвестиций в развитие региональной транспортной инфраструктуры³. Подавляющая часть инфраструктурного долга местных правительств (более 9 трлн юаней) сформировалась за счет строительства в период 2010–2014 гг. 2,1 км высокоскоростных автомобильных дорог и другой региональной инфраструктуры. Только за период 2009–2014 гг. темпы роста инвестиций в основные фонды транспорта в 19 из 31 провинции Китая превысили 25%, в то время как этот показатель по стране в среднем составил 20,6%⁴. В 2014 г. наступило время погашения 42%, а в 2015 г. – остатка этих кредитов. Ежегодные платежи по процентам составляли от 700 до 800 млрд юаней⁵. В Китае отмечают, что подобная практика стимулирования экономического роста за счет капиталоемкого инфраструктурного строительства с длительными сроками фондотдачи приводит к негативным последствиям и чрезмерной нагрузке на местные бюджеты⁶.

Быстрое развитие транспортного комплекса КНР обеспечивалось как за счет роста государственных инвестиций в развитие отрасли, так и, в значительной мере, путем широкомаштабного кредитования со стороны крупнейших государственных и коммерческих банков КНР. Это привело к формированию устойчивой кредитной задолженности отраслевых предприятий транспортного комплекса. Отношение объема долговых обязательств к стоимости основных фондов Китайской железнодорожной корпорации (КЖК) увеличилось с 63,9% в конце 2013 г. до 64,8% в начале 2015 г.⁷ Учитывая провозглашенную Госсоветом КНР приоритетность развития этой крайне капиталоемкой отрасли, это соотношение в будущем будет только возрастать. Схожая проблема свойственна компаниям Главного Управления гражданской авиации Китая (ГУГАК) и Министерства транспорта КНР.

Поскольку возможности бюджетов различных уровней по сокращению «предыдущего» недофинансирования транспортной отрасли были весьма ограничены, то обеспечение необходимого уровня государственных инвестиций в крайне капиталоемкую инфраструктурную отрасль являлось непростой задачей. В этих условиях в целях ускорения коренной модернизации отрасли руководство КНР приступило к диверсификации источников капиталовложений – привлечению прямых иностранных инвестиций (ПИИ), которые позволяли создавать совместные предприятия (СП) с зарубежными технологическими лидерами.

После перехода к политике «выхода за рубеж» (*«цзочуцуй»*) с начала XXI в. постепенно были ослаблены ограничения на зарубежное инвестирование капитала, Государственный комитет по реформам и развитию (ГКРР) приступил к разработке мер по либерализации выхода предприятий на мировой рынок. Эти меры включали снятие ограничений на приобретение иностранной валюты; ускорение разрешительных процедур; повышение объема вывозимых инвестиций, не требующих санкций централь-

ных ведомств; предоставление финансовых льгот и т.п.. С 2010 г. коммерческим банкам КНР было разрешено финансирование сделок китайских компаний в форме M&As (слияние и поглощение) за рубежом. В конце 2014 г. Госсовет КНР радикально сократил перечень зарубежных проектов в форме M&As, требующих санкции правительства страны⁸.

В 2015 г. Китай занял третье место в мире (после США и Японии) и первое место среди развивающихся стран по объему вложенных ПЗИ. Общий объем китайских ПЗИ⁹ составил 127,6 млрд долл. (инвестиции в 6128 иностранных компаний в 156 стран мира)¹⁰. Выступая на ежегодном Боаоском форуме в 2014 г., премьер Госсовета КНР Ли Кэцян заявил, что, «учитывая высокую конкурентоспособность компаний транспортного комплекса КНР, следует поощрять инвестиции в развитие инфраструктуры не только развивающихся, но и развитых западных стран». Он поставил цель в течение ближайших пяти лет довести объем китайских ПЗИ до 500 млрд долл., а на 22-м саммите АТЭС (Пекин, 2014 г.) добавил, что в ближайшие 10 лет этот объем возрастет до 1,25 трлн долл.¹¹. Одной из особенностей китайских ПЗИ является ощутимая доля инвестиций в форме M&As, которые позволяют внедрить приобретаемые инновационные технологии в экономику КНР, повышать конкурентоспособность продукции, укреплять отечественные бренды и снижать транзакционные издержки. Валютные резервы КНР в декабре 2015 г. составляли 3,44 трлн долл.¹², и китайское руководство полагает, что страна может использовать около 1 трлн долл. для приобретения акций и активов иностранных компаний для абсорбции самых современных технологий с целью резкого повышения способности китайских производителей к самостоятельным инновациям. Наиболее перспективным направлением для китайских ПЗИ является Европа, где объем этих ПЗИ в 2015 г. составил почти треть всего объема китайских ПЗИ (31,3 долл.), а количество сделок в форме M&As выросло с 34 в 2004 г. до 136.¹³ Из них на долю

европейских автомобильных компаний пришлось 13% общего объема китайских ПЗИ¹⁴. Частный китайский капитал, обладающий высокой инвестиционной активностью, сегодня превратился в явного лидера в области заключения сделок в форме M&As за рубежом: в 2008 г. доля частных компаний КНР в общем объеме сделок в форме M&As составляла 14%¹⁵, а в 2015 г. она выросла до 76,8%¹⁶.

Глобальный финансовый кризис 2008 г. стал серьезным экзаменом на прочность для экономики КНР. 5 ноября 2008 г. Госсовет КНР принял первый в истории крупномасштабный антикризисный инвестиционный проект в размере 4 трлн юаней (586 млрд долл.), дополняющий запланированные бюджетом ассигнования на развитие народнохозяйственного комплекса и соразмерный с 15% ВВП КНР¹⁷. В нем важнейшая роль отводилась транспортному комплексу страны – на его долю пришлась почти половина ассигнований или 1,8 трлн юаней. Из них Министерству транспорта Китая было выделено более 1,2 трлн юаней на развитие автодорожной инфраструктуры, реконструкцию портового хозяйства и реконструкцию аэропортов, 600 млрд юаней были адресованы МЖД КНР для расширения сети. На фоне падения темпов роста экономики, сокращения объема экспорта и роста безработицы строительство железнодорожной инфраструктуры превратилось в важный стимул расширения внутреннего спроса, создавало значительный положительный мультипликативный эффект. Развитие инфраструктуры нуждалось в увеличении числа рабочих мест, стимулировало развитие смежных отраслей экономики. Увеличение объема финансирования способствовало созданию в 2009 г. 4-х млн, а в 2010 г. еще 2-х млн новых рабочих мест, формированию спроса на 40 млн т стали и 110 млн т цемента, росту объемов производства технического оборудования¹⁸.

Правительство КНР использовало расширение масштабов инвестиций в инфраструктурное строительство не только в критические периоды спада мировой экономики вследствие

глобальных финансовых кризисов. Замедление темпов роста экономики побуждало руководство страны увеличивать количества новых проектов в области развития транспортного комплекса КНР. На состоявшемся 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва (2013 г.) было отмечено, что «приоритетной задачей стабилизации экономического развития является реализация крупных инфраструктурных проектов, намеченных планом 12-й пятилетки. Следует активизировать прокладку новых железнодорожных магистралей, приступить к расширению инфраструктуры в сельских районах, центральных и западных регионах страны. Обладающее значительным мультипликативным эффектом, это строительство позволит активизировать экономическое развитие КНР»¹⁹.

Китайское руководство использовало инвестиционную экспансию в новое железнодорожное строительство в качестве главного средства стимулирования экономического роста на фоне снижения темпов роста ВВП (2014, 2015 гг.)²⁰. Самые большие объемы инвестиций в основные фонды железнодорожного транспорта пришлось на 2010 и 2014–2015 гг., когда их объемы составили 842,7, 809 и 810 млрд юаней соответственно²¹. В начале 2013 г. ГКРР одобрил план расширения сети железных дорог, метрополитена и линий городского наземного железнодорожного транспорта в 28 городах страны (Пекин, Шанхай, Чанчжоу, Дунгуань, Сучжоу, Куньмин, Ханчжоу, Ухань, Наньчан, Наньнин и др.) общей протяженностью 2710 км. В конце 2013 г. ГКРР увеличил количество городов до 36 с одновременным ростом общей протяженности новой железнодорожной сети до 5790 км. Руководство КНР полагает, что, «эти проекты, рассчитанные на срок от 3 до 8 лет, призваны придать новый импульс замедляющемуся экономическому развитию страны и значительно улучшить инвестиционный климат. Они позволят стимулировать производство стали, цемента, электроники, активизировать рынок недвижимости и активизировать внутренний спрос»²². По оценкам китайских экономи-

стов, реализация этих проектов позволила обеспечить увеличение спроса на производство стали в КНР на 3%, цемента – на 3,5%²³. Дополнительные инвестиции в развитие всего транспортного комплекса КНР повысят этот спрос до 4,1%²⁴. Это позволит ослабить напряженность в сопряженных отраслях промышленности КНР, вызванную перепроизводством продукции²⁵.

В 2013 г. Госсовет КНР утвердил план мер, направленных на стимулирование внутреннего спроса. В частности, правительство выделило 36,3 млрд юаней (34,5 млн долл.) на субсидирование приобретения автомобилей, использующих альтернативные источники энергии, и энергосберегающую бытовую технику²⁶. По оценкам китайских аналитиков, эти меры привели к увеличению потребительского спроса в стране в 2014 г. до 450 млрд юаней (\$71,6 млн)²⁷. Развитие мощностей морских портов КНР способствовало созданию большого числа новых рабочих мест. Согласно оценкам Министерства транспорта КНР, увеличение мощностей по обработке груза среднего порта до 100 млн т в год способно создать дополнительно 200 тыс. рабочих мест, а каждая обработанная тонна груза формирует 100 юаней общественного дохода²⁸. Строительство терминала в китайском аэропорту создает не менее 20 тыс. рабочих мест²⁹, прокладка и эксплуатация трех веток газопровода «Запад-Восток» из стран Центральной Азии в КНР позволило китайской компании Китайской национальной нефтегазовой корпорации привлечь более 50 тыс. дополнительных рабочих. Китайские экономисты утверждают, что прирост резерва инфраструктурных мощностей страны на 1% стимулирует рост ВВП КНР на 1%³⁰.

По итогам 2014 г. темпы роста инвестиции в основные фонды промышленности в КНР составили 15,3% и в основном были обеспечены за счет увеличения капиталовложений в развитие инфраструктуры – 21,5%³¹. В 2015 г. на фоне снижения темпов роста инвестиций в основные фонды промышленности

до 8,1% темпы роста капиталовложений в основные фонды транспортной отрасли возросли на 17,2%³². Руководство Китая признает, стабильный рост экономики в период 12-й пятилетки в пределах 8–9% был обеспечен благодаря росту инвестиций в развитие транспортного комплекса.

В 2014 г. премьер Госсовета КНР Ли Кэцян подчеркнул, что «на фоне снижения темпов роста ВВП Китая ниже запланированных 7,5% мы должны увеличить инвестиции в расширение железнодорожной сети Китая для придания нового импульса к экономическому росту»³³. Ли Кэцян провел два совещания с депутатами Госсовета КНР, которые касались *«увеличения финансирования развития транспортного комплекса КНР в качестве основного средства оживления экономической активности»*³⁴. В середине 2014 г. Госсовет КНР объявил о запуске 80 новых инфраструктурных проектов в области расширения железнодорожной инфраструктуры³⁵ и развития морских портов³⁶. Правительство подчеркнуло, что будет активизировать роль ГЧП и создавать наиболее благоприятные условия для привлечения «в излишне монополизированные государственные корпорации» зарубежного и национального частного капитала³⁷. В частности, в 2015 г. правительство КНР планирует продать железнодорожные финансовые облигации на сумму 250 млрд юаней³⁸ и рассчитывает, что в ближайшее время Фонд железнодорожного развития сможет ежегодно привлекать 200 – 300 млрд юаней частных инвестиций³⁹. По заявлению Госсовета КНР, строительство аэропортов и прокладка трубопроводов станут следующими инфраструктурными сферами, в развитие которых будут активно привлекаться иностранные и китайские частные инвесторы⁴⁰.

Согласно данным Государственного статистического управления КНР, в октябре 2014 г. индекс цен производителей (PPI), отражающий изменения цен корзины товаров и услуг и являющийся ранним инфляционным индикатором, снизился на 2,2% по сравнению с показателем октября 2013 г. Сохраняя

отрицательное значение 32-й месяц подряд этот макроэкономический индикатор стал отчетливо свидетельствовать о замедлении темпов экономического роста КНР. С целью изменения негативных тенденций в октябре 2014 г. ГКРР одобрил выделение 700 млрд юаней (114,3 млрд долл.)⁴¹ на строительство в западных провинциях и СВК пяти аэропортов (5,49 млрд юаней/896 млн долл.)⁴² и одиннадцати железных дорог, которые «позволят подстегнуть рост капиталовложений в основные фонды транспортного комплекса и стимулировать экономический рост»⁴³. В ноябре 2014 г. ГКРР утвердил план строительства еще пяти⁴⁴ железных дорог общей стоимостью 152,7 млрд юаней (25 млрд долл.)⁴⁵, а в начале декабря 2014 г. ГКРР в третий раз принял решение о выделении 66,24 млрд юаней (10,8 млрд долл.) на прокладку четырех железнодорожных магистралей в провинциях Цзилинь, Шэньси, Чунцине и АРВМ⁴⁶.

Цифры официальной статистики 2015 г. подтверждают нацеленность китайского руководства на развитие транспортной отрасли в качестве средства стабилизации темпов роста экономики. При выборе приоритетности направления государственных капиталовложений в отрасли промышленности предпочтение отдается развитию транспортной инфраструктуры. В 2015 г. темпы роста объема валовой добавленной стоимости в машиностроительной отрасли по сравнению с 2014 г. сократились на 4,5% и составили 5,5% и были меньше темпов роста объема валовой добавленной стоимости промышленности – 6,1%. На этом фоне темпы роста объема валовой добавленной стоимости транспортного машиностроения составляли не проценты, а разы. Особенно значительный рост наблюдался в производстве автомобилей, использующих альтернативные источники энергии, и подвижного состава для ВСЖД⁴⁷.

Замедление темпов роста ВВП КНР и внешней торговли, обвал на рынке недвижимости и кризис перепроизводства во многих отраслях промышленности заставили руководство КНР определить новые драйверы будущего экономического разви-

тия страны. Китай вступает в новую фазу развития, в которой основными источниками станут экспорт капитала, инновационное развитие и внутреннее потребление⁴⁸. Масштабные китайские ПЗИ и низкая себестоимость прокладки железнодорожной сети позволяют компаниям в рамках реализации стратегии «одного пояса и одного пути», занимающимся инфраструктурным строительством, выходить на мировые рынки строительства железных дорог. Эта стратегия продуцирует мультипликативный эффект в сопряженных отраслях промышленности КНР, создает новые рабочие места, стимулирует развитие китайской внешней торговли. Инновационный прорыв в отраслях производства подвижного состава и транспортных средств позволяет значительно нарастить объемы продаж высокотехнологичного продукта с высокой добавленной стоимостью (высокоскоростной железнодорожный подвижной состав, контейнеры и сухогрузы, а в перспективе – автомобили, использующие альтернативные источники энергии и магистральные авиалайнеры). ***Инвестиции в развитие транспортной инфраструктуры, наряду с инновационным развитием транспортной отрасли, по-прежнему будут одним из главных источников обеспечения экономического роста Китая и создания новых рабочих мест.***

¹Цзяотун юньшу юй гоин цзинци, 2014, № 1, С. 12.

²NDRC approves new projects URL:

³http://en.ce.cn/main/latest/201411/12/t20141112_3886245.shtml.

⁴*Zhou Xiaoyan*. Bringing Debt Down. A nationwide audit raises alarms over risks from local government debts URL: http://www.bjreview.com.cn/print/txt/2014-01/13/content_590493.htm; Local govt debt excluded from asset securitization URL: <http://www.globaltimes.cn/content/20141216/897102.Shtml>; Eyes on the East URL: http://www.bjreview.com.cn/business/txt/2015-01/26/content_665293.htm.

⁴Debt alert for local authorities URL: http://www.china.org.cn/business/2014-10/05/content_7888050.htm.

⁵Govt strives to stop spread of financial risks URL:

http://www.china.org.cn/business/2013-02/20/content_28006607.htm; Regions commence railway construction URL:

-
- ⁶ http://en.ce.cn/Industries/Transport/201407/07/t20140707_3110828.shtml.
Lan Lan (China Daily). Measures will keep local debt burdens in check URL:
⁷ http://www.chinadaily.com.cn/business/2014-11/06/content_18876630.htm.
National rail investment target fulfilled in 2014 URL: http://en.ce.cn/main/latest/201501/30/t2015_0130_4478606.shtml.
⁸ Nation boosts outbound investment URL: http://en.ce.cn/main/latest/201411/19/t20141119_3937150.shtml.
⁹ В конце 2014 г. общий объем накопленных китайских ПЗИ составил 646,3 млрд долл., что составляло 1/10 общего объема накопленных ПЗИ США, 1/2 – Японии и 1/3 – Германии (*Zhou Xiaoyan*. World Factory to World Investor URL: http://www.bjreview.com.cn/quotes/txt/2015-02/16/content_668848_2.htm).
¹⁰ Full text: Li Yuanchao's address at WEF annual meeting URL:
¹¹ http://www.china.org.cn/chinese/2016-02/15/content_37791512.htm.
China's overseas investment to hit 1.25 trillion USD in next decade URL:
¹² <http://english.people.com.cn/n/2014/1109/c90883-8806598.html>.
Market Watch NO. 51, 2015 URL:
¹³ http://www.bjreview.com.cn/Business/201512/t20151214_800044720.html.
China's outbound M&A hit US\$111.9b in 2015 URL:
¹⁴ http://www.china.org.cn/business/2016-01/13/content_37568072.htm.
Chinese prefer buying German, British firms URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2015-02/01/content_17267119.htm.
¹⁵ China's private sector is accelerating its overseas investment URL:
¹⁶ <http://en.people.com.cn/n/2015/0203/c98649-8845105.html>.
Record year in sight for overseas mergers and acquisitions URL:
¹⁷ http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-03/05/content_23747700.htm.
NDRC approves new projects URL: http://en.ce.cn/main/latest/201411/12/t20141112_3886245.shtml.
¹⁸ *Ху Аньган*. Чжунгодэ вэйчжи (Место Китая в мире). // Шанхай. Дунфан чубань чжунсинь. 2012. С. 102.
¹⁹ Facts & Figures: Bright spots in China's economy 2013 URL:
²⁰ http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-01/28/c_133081057.htm.
Deng Yaqing. Mini-Stimulus, Maximum Effect. URL:
²¹ http://www.bjreview.com/quotes/txt/2014-10/09/content_642756.htm.
China to spend \$438b on rail network in the next five years URL:
²² http://www.chinadaily.com.cn/business/2015-11/27/content_22523573.htm.
Rail projects to spur economy URL: http://www.china.org.cn/business/2013-09/06/content_26442713.htm.
²³ Rail projects will boost steel demand by 3%: Citygroup URL:
²⁴ http://europe.chinadaily.com.cn/business/2012-09/21/content_1577364.htm.
Demand for steel to rise 4,1% next year
²⁵ http://europe.chinadaily.com.cn/business/2013-11/28/content_15966091.htm.
Pei Changhong. China still has 10 year advantages in manufacturing URL:

-
- ²⁶ http://www.china.org.cn/opinion/2013-02/25/content_28049447.htm.
Xu Xiao (China Daily). Low charge in new-energy initiative URL:
²⁷ <http://english.peopledaily.com.cn/102774/8198747.html>.
Ed Zhang (China Daily Europe). Economy needs pruning for growth URL:
²⁸ http://europe.chinadaily.com.cn/epaper/2014-10/17/content_18759894.htm.
²⁸ China's northern-most port rises URL: http://www.china.org.cn/business/2013-12/28/content_31030128.htm.
²⁹ Airports take off as commercial hubs URL: <http://en.ce.cn/main/latest/201502/16/t201502164610970.shtml>.
³⁰ *Лю Ин*. Новая движущая сила экономического роста Азии. Строительство взаимосвязанной инфраструктуры // Китай. Октябрь 2014, № 10 (108). С. 32.
³¹ China's economic and social development in 2014 URL:
³² <http://en.people.cn/business/n/2015/0226/c90778-8854287.html>.
³² *Liang Fei*. Growth in fixed-assets investment at 15-year low URL:
³³ <http://www.globaltimes.cn/content/964534.shtml>.
³³ China to spend more on railways in 2014 URL:
³⁴ http://www.chinadaily.com.cn/china/2014-04/09/content_17420901.htm.
³⁴ Key meeting to open railway construction to private capital URL:
³⁵ <http://english.people.com.cn/business/8593467.html>.
³⁵ В частности, Китайская железнодорожная корпорация (КЖКО запланировала инвестировать около 300 млрд юаней (48,3 млрд долл.) в развитие железных дорог в провинциях Хэйлунцзян, Ляонин, Шэньси, Ганьсу, Юньнань, Гуйчжоу, СУАР (Regions commence railway construction URL:
http://en.ce.cn/Industries/Transport/201407/07/t20140707_3110828.shtml).
³⁶ Projects «should not be seen as stimulus» URL:
³⁷ <http://english.people.com.cn/business/8609179.html>.
³⁷ News Analysis: Massive China economic stimulus unlikely URL:
³⁸ <http://english.people.com.cn/business/8584666.html>.
³⁸ China lures private investment into infrastructure URL:
<http://english.people.com.cn/business/n/2014/0521/c90778-8730637.html>; Chinese premier courts private investment in railways URL:
³⁹ http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-08/24/c_133580121_1.htm.
³⁹ Infrastructure projects set to boost growth. Private investment to play bigger role in rail, harbor, energy sectors URL:
<http://english.people.com.cn/business/8607797.html>.
⁴⁰ Private Capital URL: http://www.bjreview.com.cn/This_Week/2014-04/28/content_615822.htm.
⁴¹ Construction Projects URL: http://www.bjreview.com.cn/print/txt/2014-10/27/content_647212_3.htm.
⁴² Аэропорты Сунъюан (Цзилинь), Голо (Цинхай), Чжаланьтунь (АРВМ),
⁴³ Ланьцан (Юньнань) и Жэньхуай (Гуйчжоу).
⁴³ China approves 8 railway, airport projects URL:

-
- ⁴⁴ http://www.china.org.cn/business/2014-10/22/content_33845237.htm.
1,8 тыс. км железная дорога Ордос (АРВМ)–Цзиань (Цзянси), 137-км линия Датун (Шаньси)–Чжанцзякоу (Хэбэй), 402-км дорога Лхаса–Нинчи (ТАР), которая станет второй железнодорожной магистралью (после железной дороги Цинхай–Тибет), которая свяжет ТАР с другими районами КНР. А также железные дороги Юси–Мохань и Дали–Жуйли (Юньнань) и железнодорожная магистраль порт Цзинчжоу (Ляонин)–Байиньхуа (АРВМ).
- ⁴⁵ China launches intensive infrastructure projects to boost economy URL: http://en.ce.cn/main/latest/201411/09/t20141109_3874140.shtml.
- ⁴⁶ China approves more railway projects URL: http://www.china.org.cn/business/2014-11/26/content_34157949.htm.
- ⁴⁷ China's machinery industry cools in 2015 URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-02/20/content_23569665.htm.
- ⁴⁸ Consumption becomes key driver of China's economy URL: <http://en.people.cn/business/n/2015/0227/c90778-8854310.html>.

**10. Мокрецкий А.Ч.,
ИДВ РАН**

Курс на создание сети партнерств или расширение круга друзей Пекина в новых условиях

Аннотация: Краеугольным камнем внешнеполитического курса Пекина оставался принцип «трех не», в том числе неприсоединение к союзам. После проведения 18 съезда КПК в китайском лексиконе появляется новый термин – создание сети партнерств. В дальнейшем он получает название дипломатия партнерств (*цзебань вайцзяо*) посредством расширения круга друзей. В докладе автор пытается дать трактование этому новому термину.

Ключевые слова: Китай, партнерская дипломатия, невступление в союзы, глобальная сеть партнерства.

Как отмечают китайские политологи, с момента окончания «холодной войны» стала стремительно развиваться глобализация, меняется соотношение сил, очевиднее становится тенденция к многополярности, международный порядок носит децен-

трализованный характер, структура международных отношений больше не разделяется по принципу «свой – чужой» (или «мы – враги»), вместо этого формируется полицентричное управление.

В то время как ускоряется спираль исторического развития и продолжает расширяться пространство на международной арене, Китай все более соглашается вести международные отношения методами «дипломатии создания партнерств» («партнерская дипломатия»). Данная стратегия становится надежным внешнеполитическим инструментом. Преподаватель Социально-политического института Аньхойского университета, Дай Вэйлай утверждает, что Пекин идет новым путем – путем формирования не союзов, а партнерств (*«цзебань эр буцземэн»*)¹. В этом и состоит новое мышление и новые тренды современной китайской внешней политики. Таким образом, КНР постепенно адаптируется к настоящим реалиям и формирует международную систему, благоприятную для собственного развития.

Краеугольным камнем внешнеполитического курса Пекина оставался принцип «трех не», в том числе неприсоединение к союзам. После проведения 18 съезда КПК в китайском лексиконе появляется новый термин – создание сети партнерств. В дальнейшем он получает название дипломатия партнерств (*«цзебань вайцзяо»*) посредством расширения круга друзей. В докладе автор пытается дать трактование этому термину через четыре аспекта: политику, безопасность, экономику и культуру.

Политическое содержание

Окончание «холодной войны» не только провозгласило конец старой эпохи, фактически открылась новая глава в истории китайской дипломатии – появилось концептуальное понятие «партнерские отношения». В 90-е гг. XX в. Пекин посредством координации и сотрудничества укреплял и развивал связи с крупными странами, и практически со всеми важными государствами установил «отношения дружеского партнерства» (*«юхао хобань гуаньси»*). Так начала формироваться специ-

фичная китайская стратегия дипломатии партнерств.

В 1993 г. Пекин создал первые «отношения стратегического сотрудничества и партнерства» («*чжаньлюэ хэцзо хобань гуаньси*») с Бразилией. К началу 2015 г. Китай установил семьдесят видов связей, различающихся по форме и глубине кооперации, с семьюдесятью пятью государствами и пятью районами или региональными организациями.

Кроме того, КНР открыла площадки многостороннего диалога: Китай-Африка, Китай-Латинская Америка, Китай-Европа, Китай-Арабские страны и др. Пекин покрыл сеть кооперации практически все главные страны и важные регионы, сформировал глобальную сеть партнерства или новую дипломатическую конфигурацию «*цзебань буцземэн*».

Дай Вэйлай называет три особенности «партнерской дипломатии» Пекина. Во-первых, **многоярусность или многослойность**. Существует три слоя. Высший слой отличает высокая степень политического взаимодоверия, тесное взаимодействие в области безопасности, стабильность стратегических связей. Кроме того, здесь наблюдается всесторонняя поддержка и взаимная помощь по вопросам, касающимся ключевых интересов, в том числе государственного суверенитета, безопасности, территориальной целостности, развития; тесная кооперация в области военных технологий, единство в целом ряде важных международных и региональных проблем. Средний слой, прежде всего, характеризуется приоритетом на торгово-экономические связи, в немалой степени уделяет внимание политическому взаимодоверию и стратегическому сотрудничеству. Сегодня основные партнеры Китая принадлежат к среднему слою. И последний слой – низший – в основном сосредотачивается на экономике. Это двусторонние отношения сотрудничества и партнерства.

Во-вторых, **разнообразие** («*доянсин*»). В зависимости от уровня (слоя) сотрудничества и степени близости, различают более десяти видов партнерских связей, в том числе «всепо-

годные» («*цюаньтяньхоу*»), «всеохватывающие» («*цюаньфанвэй*»), всесторонние («*цюаньмянь*»), «важное сотрудничество» («*чжуньяо хэцзо*»), «дружеское сотрудничество» («*юхао хэцзо*») и др. Китайские руководители, используя собственные визиты или визиты зарубежных политиков, продвигают партнерские связи: так более двадцати пар отношений были повышены на определенный уровень. Например, ФРГ (от «стратегического партнерства» до «всеохватывающего стратегического партнерства») в марте 2014 г.

В-третьих, **плюрализм** («*доюаньсин*»). Формула «друзья повсюду в Поднебесной» («*пэнью бянь тянься*») – это долгосрочное стремление китайской дипломатии. Китайские руководители убеждены, что чем больше партнеров, тем богаче стратегические ресурсы³. Именно поэтому Пекин в процессе создания сети партнерства преодолел идеологические оковы, и, руководствуясь принципом «национальный интерес в корне» («*гоцзя лии вэй гэнбэнь*»), непрерывно расширял «круг друзей» («*пэньюцюань*»). В этот круг вошли влиятельные крупные страны как Россия, Великобритания, Франция, ФРГ, Индия и др., так и слабые государства – Фиджи, Ямайка, Тринидад и Тобаго, как многонаселенные развивающиеся страны, так и коалиция американских союзников на Западе⁴.

Таким образом, «партнерская дипломатия» в целом отражает способы адаптации Китая к миру и служения пути мирного развития.

Компонент безопасности

Китайские эксперты видят необходимость в совершенствовании сети партнерских связей. На практике этот тезис воплощается в решимости постоянно улучшать отношения согласно принципу «хорошее – враг лучшему». Пользуясь термином ИТ, делать новый апгрейд по форме и содержанию, расширять области кооперации, повышать эффективность и качество взаимодействия. Основанные на торговле и экономике отношения экстраполировать на другие области взаимодейст-

вия – политику, безопасность, социальную и гуманитарную сферы, экологию и др. В общем, всеми силами содействовать углублению сотрудничества со странами-партнерами, продвигая собственные инициативы и проекты в таких областях, как финансы, торговля, информационные технологии, инвестиции в инфраструктуру и т.д.

Во-вторых, они подчеркивают необходимость дифференцировано продвигать строительство партнерств. В соответствии с конкретной обстановкой и реальными требованиями, углублять развитие связей различных типов, например, предлагается следующая классификация: дружественные партнеры («*юхаосин хобань*»), партнеры по сотрудничеству («*хэцзосин хобань*»), соседи-партнеры («*линлусин хобань*»), партнеры-конкуренты («*дуйшоусин хобань*»), партнеры-крупные страны («*даго хобань*»), партнеры-новые экономики («*синьсин гоцзя хобань*»), партнеры-развивающиеся страны («*фачжаньчжун хобань*») и др.⁵

В-третьих, китайские теоретики считают, что требуется активное строительство стратегических точек опоры («*pivot*» или «*чжаньлюэ чжидянь*»). Другими словами, необходимо сосредоточенно развивать стратегические отношения с ключевыми странами на более высоком уровне (вглубь и ширину), превратить геополитически значимые и экономически ценные государства в стратегические узлы партнерской сети, в глобальном масштабе разворачивать и защищать национальные интересы Пекина. В частности, отмечаются ФРГ, Бразилия, Республика Корея, Индонезия, Казахстан, Австралия, Индия, ЮАР, Турция, Мексика, Аргентина. В продвижении «одного пояса, одного пути» необходимо уделить внимание на страны, которые способны играть роль моста как Шри-Ланка, Мьянма, Пакистан, Таиланд и др. Хотя совокупная мощь этих государств невелика, их значение в качестве зарубежных узлов и особенно крупных морских портов («китайских нитей жемчуга») трудно переоценить. Речь идет о портах Гвадар (Паки-

стан), Хамбантота (Шри-Ланка) и Кяокпю (Мьянма).

В-четвертых, китайские аналитики говорят о необходимости стабилизировать конкуренцию и кооперацию с крупными странами. Очевидно, что самой большой переменной величиной среди таких государств являются США. Китайско-американские интересы глубоко переплелись: «потянешь за волосок – отзовется во всем теле». Следовательно, необходимо своевременно продвигать политику двух взаимных обязанностей (*two reciprocal shares* или «*лянзэ фэньдань*»), т.е. «США пользуются властью, Китай разделяет ответственность». Другими словами, Вашингтон и Пекин должны развернуть более конструктивное и функциональное сотрудничество. С одной стороны, Китай может помочь США в разделении международной ответственности, активно нести бремя, соразмерное совокупной мощи и статусу, стать ответственной крупной страной. С другой – Вашингтон должен поделиться с Пекином частью международной власти, предоставить ему больше пространства на мировой арене. Вместе с тем всестороннее углубление российско-китайского стратегического взаимодействия способствует защите стратегического тыла КНР, а китайско-российские стратегические отношения уравнивают давление со стороны США. В последнюю очередь называется ЕС как один из самых важных стратегических партнеров Китая⁶.

Отдельное внимание в китайских экспертных кругах уделяется «стратегии клина» («*wedge strategy*» или «*сецзы чжаньлюэ*»). Ее называют «антисоюзной» стратегией, направленной на недопущение появления враждебного союза или сдерживание, разделение, разрушение уже существующего. В этом процессе активно используются все имеющиеся ресурсы – политические, экономические, военные и др. Данная стратегия характеризуется своей долгосрочностью, опосредованностью, осторожностью в применении искусства войны, превентивностью и гибкостью⁷.

Финансово-экономическое наполнение

Китай продвигает партнерские отношения со всеми странами мира. Это глубоко увязывается со стремительным развитием КНР и ее растущими глобальными интересами. Образно говоря, «аппетит приходит во время еды»: чем больше Китай принимает участие в международных делах, тем шире и разнообразнее его интересы.

Как отмечают эксперты Китайской академии современных международных отношений Фэн Чжунпин и Хуан Цзин, различные формы партнерства были созданы для того, чтобы защищать коренные интересы Китая (защитная логика) и конструировать лучшее окружение для китайского подъема («*assertive logic*» или самоуверенная логика)⁸. Таким образом, методология создания сети партнерств помогает лучше понимать экономические и политические интересы Пекина, защищать его экономический рост и непрерывно растущую глобальную роль с тем, чтобы Китай становился более гибким и прагматичным, а статус в международных отношениях – более весомым. Таким образом, «партнерская дипломатия» служит гарантией достигнутых экономических успехов КНР.

Существует несколько важных причин, почему Китай решил на стратегию создания партнерств. Во-первых, внутреннее развитие требует мирного международного окружения. Отсюда возникает потребность заводить широкий круг друзей и по возможности минимизировать рост врагов. Сегодня внешняя обстановка серьезно осложнена: объявленное США «возвращение в Азию», рост нестабильности по периметру границ, и в особенности усилившееся напряжение в морских акваториях (имеется в виду ситуация в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях). Очевидно, что в этих условиях неотложной задачей для Пекина становится попытка создать и улучшить положение в благоприятную для себя сторону. Дай Вэйлай обращает внимание на четыре важных аспекта:

1. Факт принятия мирного возвышения⁹ Китая зависит от

его практики взаимоотношения с Миром. Здесь подразумевается мягкое сглаживание негативных эффектов от подъема КНР со всеми странами, и особенно сопредельными государствами, строительство партнерских связей более высокого качества.

2. Избегание усиления внешнего давления на внутренние проблемы развития, в том числе реструктуризацию экономики, смену модели роста, экологию, урбанизацию, ликвидацию неравенства между городом и деревней, борьбу с коррупцией и др.

3. Защита растущих интересов за рубежом. Сеть партнерства не только повышает экономическое положение Китая в мире, вместе с тем она позволяет в неограниченной степени защищать и развивать капиталы и интересы других государств.

4. Обширная торговля зависит от стабильной международной среды и внешних связей. Согласно данным Бюро Статистики КНР, в 2014 г. объемы торговли превысили 26,4 трлн ю., что составило 41,6% от ВВП (63,6 трлн ю.). По этим показателям Китай превзошел США, став для 120 государств ведущим торговым партнером. Очевидно, что безопасная среда благоприятствует логистике товаров. Кроме того, позитивные контакты с ведущими геополитическими игроками усиливают преимущество Пекина на международной арене, по крайней мере, не дают ему оставаться в стороне, быть пассивным¹⁰.

Во-вторых, недостатки практики заключения союзов вредят реальным национальным интересам. Другими словами, нужно остерегаться союзов и активно создавать партнерства – данное утверждение базируется на якобы негативном опыте союза с СССР (опыт *«и бьяндао»* или держаться одной стороны был полезен в первые годы новой власти в Китае, а затем страна попала в международную изоляцию). Неуступчивое союзное мышление становится причиной конфликтов между крупными странами, оно подразумевает противостояние и антагонизм, общение с одними и изоляция от других. Здесь прослеживается историческая боязнь Китая быть «младшим парт-

нером» – поддерживать сильного в неправде, излишне рисковать, быть подстилкой для «старшего партнера».

В-третьих, изменения международной системы требуют более активного участия Китая, поэтому создание партнерств представляется эффективным средством. Китайские авторы признают, что все достигнутые КНР успехи развития появились в результате ее вхождения в Мир, Поэтому Пекин должен помогать создавать новый миропорядок, более подходящий его долгосрочным интересам.

Рекордными темпами растет деятельность китайского бизнеса за рубежом. За 12 месяцев 2015 г. было осуществлено 607 сделок на общую сумму 112,5 млрд долл. За один январь 2016 г. сумма сделок превысила 50% от прошлогодней: было объявлено о 82 слияниях, поглощениях и покупках китайскими фирмами конкурентов в разных странах на общую сумму 73 млрд долл.¹¹. Эксперты полагают, что ажиотаж или лихорадка покупок объясняется несколькими причинами. Во-первых, китайские компании стремятся расширяться за счет приобретения бизнеса за границей, несмотря на замедление китайской экономики. Во-вторых, они желают получить доступ на новые рынки, к новым брендам, технологиям и научным исследованиям.

На фоне смены приоритетов экономического развития в рамках концепции выхода китайского бизнеса вовне КНР стала активно инвестировать за рубеж. В 2014 г. инвестиции вне финансовой сферы Китая достигли 102,9 млрд долл. (против 20 млрд долл. В 2005 г.). При этом объем привлеченных Китаем средств составил 119,6 млрд долл. Расширилась и география вложений. В последние годы заметно выросла доля инвестиций в развитие экономики, в частности в гособлигации США, и как противовес этому – в страны Евросоюза. В 2014 г. вложения китайцев в экономику стран Евросоюза оказались рекордными – в прошлом году Пекин объявил о реализации в Европе 153 инвестиционных проектов на общую сумму 18 млрд долл.¹²

Вместе с тем в кругах руководства Международного валютного фонда и Всемирного банка и видных представителей мира финансов распространяются менее оптимистичные прогнозы по поводу будущего китайской экономики на более длительный срок. Они считают, что политика китайского руководства не очень эффективна и слишком запутанна и что Китай в связи с многочисленными политическими проблемами в предстоящие годы могут ждать потрясения, в том числе и жесткая посадка¹³.

Более двадцати лет практики проведения стратегии демонстрируют, что «партнерская дипломатия» создала благоприятные внешние условия для бурного экономического развития, сформировала и защищала важный период стратегических возможностей («*чжунъяо чжаньлюэ цзюйци*»), институализировала внешние связи и претворила в жизнь важные китайские инициативы.

Вместе с тем у партнерской дипломатии есть недостатки. Во-первых, сложность в дифференцировании различных названий по уровню и типу. Во-вторых, номинальность названий. В-третьих, наличие трений и конфликтов.

Культурный аспект

Несомненен и свершившийся в последние десятилетия рост «мягкой силы» Китая. Наиболее очевидно он был замечен в сфере культуры. Здесь присутствует элемент интенсивной и назойливой рекламы, исходящей от самого Пекина, но есть и объективные факты, свидетельствующие о растущей популярности бренда «китайская культура» в мире. Это, в частности, рост популярности во всем мире китайского языка, современного китайского искусства, прежде всего живописи, присуждение Нобелевской премии по литературе писателю из КНР Мо Яню¹⁴.

Интересная роль отводится традиционным праздникам Китая. В частности, активно распространяется по миру дух «китайской весны» или празднование Нового Года по лунному

календарю. Примечательно, что комментаторы англоязычной версии «Жэньминь жибао» и «China Daily» отводят Чуньцзе примирительную роль. Они пишут: «в то время как мир стоит перед лицом пугающих вызовов, в том числе экономических спадов, региональных потрясений и кризиса с беженцами, дух фестиваля нужен мировому сообществу как никогда». Потому что китайская весна «известна своей инклюзивностью, которая позволяет людям из разных уголков мира присоединиться к празднованию, несмотря на культурное, расовое и религиозное происхождение»¹⁵.

Властью поощряется создание сети школ и Институтов Конфуция по всему миру. По официальным данным Государственной канцелярии КНР по распространению китайского языка за рубежом, на конец 2015 г. в мире действовало 500 институтов и 1000 классов Конфуция. Институты были расположены в 125 странах (регионах), школы – в 72, в том числе в Азии – 110 и 90; на африканском континенте – 46 и 23; в Европе – 169 и 257; в Северной и Южной Америке – 157 и 544; в Океании – 18 и 86¹⁶.

Как справедливо заметил ведущий отечественный синолог В.Я. Портяков, «высокие темпы роста и быстрое увеличение масштабов китайской экономики рано или поздно неизбежно должны были поставить в повестку дня вопрос о конвертации экономической мощи Пекина в существенное увеличение его политического влияния в глобальных международных отношениях»¹⁷.

Вместе с тем все крупные страны находятся в поисках более гибкой и прагматичной внешней политики, чтобы адаптироваться к усложняющейся и неопределенной международной системе. В этих условиях «партнерская дипломатия» становится трендом глобализации, продуктом полицентризма, потому что считается необходимым инструментом в достижении национальных интересов и целей.

Раньше, по мнению российского эксперта М.В. Мамонова,

КНР держала курс на расширение участия в глобальных делах. Но это расширение проходило избирательно, подконтрольно руководителям. Обладая глобальным спектром внешнеполитических интересов, но ограниченными внешнеполитическими ресурсами, страна концентрировала силы лишь на приоритетных направлениях мировой политики¹⁸. Сейчас, как отмечает эксперт Шанхайского института международных исследований Ян Цзэмянь, Китаю следует теснее связывать глобальную стратегию государства, формировать конструктивное взаимодействие, выработать кумулятивный эффект китайской положительной энергии, в рамках международной системы усиливать сотрудничество и обоюдный выигрыш с соответствующими странами и регионами¹⁹.

Особенность стратегических партнерств КНР заключается в том, что китайцы видят мир не только в рамках отношений, но и через сеть концентричных кругов. Личные связи в Китае устроены таким образом, что они эгоцентричны: каждый рассматривает себя в центре социальных отношений, и люди, которые ближе к центру, важнее, чем все остальные. Это как волны на поверхности озера от брошенного камня: каждый круг, исходящий из центра, становится дальше и одновременно незначительнее. Здесь наблюдается тонкая ассоциация с китайским мироустройством в древности через созданную международную систему в регионе с центром в Китае – систему оплаты дани или «*тянься*». В этой системе иностранные государства судили по степени «близости» к Центру в иерархической структуре²⁰.

¹ Дай Вэйлай. Чжунгодэ «цзебань вайцзяо» чжаньлюэ: тэчжэн, юанью цзи луцзин [Стратегия китайской «дипломатии создания партнерств»: особенности, причины и пути] / Сяньдай гоцзи гуаньси. 2015. №10. С. 30.

² Ван И: гоуцзянь и хэцзо гуньин вэй хэсиньдэ синьсин гоцзи гуаньси [Ван И: строить международные отношения нового типа, основанные на сотрудничестве и обоюдном выигрыше] / Хуаньцю шибао. 27.03.2015. URL: http://opinion.huanqiu.com/opinion_world/2015-03/6021697.html. (Дата доступа: 17.03.2016).

-
- ³ Се Исянь. Чжунго дандай вайцзяоши (1949-2001) [Современная история китайской дипломатии (1949-2001)]. Китай. Чжунго циннянь чубаньшэ, 2002. С. 534.
- ⁴ Дай Вэйлай. Указ. соч. С. 33.
- ⁵ Дай Вэйлай. Указ. соч. С. 36-37.
- ⁶ Дай Вэйлай. Указ. соч. С. 38.
- ⁷ Лин Шэнли. Сецзы чжаньлюэ юй ляньюэ юйцзю [Стратегия клина и предварительный заслон союзам] / Шицзе цзинци юй чжэнчжи. 2015. №7. С. 68-89.
- ⁸ Feng Zhongping, Huang Jing. China's Strategic Partnership Diplomacy: Engaging with a Changing World / The European Strategic Partnerships Observatory Working Paper. No. 8, June 2014. URL: http://fride.org/download/WP8_China_strategic_partnership_diplomacy.pdf. (Дата доступа: 16.03.2016).
- ⁹ Под возвышением Китая понимается процесс его динамичного развития, благодаря которому страна вышла на позиции одного из лидеров по масштабам экономики и геополитическому влиянию. *Портяков В.Я.* Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии: монография / В.Я. Портяков. – М.: ИДВ РАН, 2015. С. 178.
- ¹⁰ Дай Вэйлай. Указ. соч. С. 34-35.
- ¹¹ Сергей Мануков. Китай хочет все / «Expert Online». 8 февраля 2016. URL: <http://expert.ru/2016/02/8/kitaj-hochet-vse/>
- ¹² Наталия Портякова. Триллион за десять лет: как Китай завоевывает мир своими инвестициями / РБК. 23 октября 2015. URL: <http://www.rbc.ru/economics/23/10/2015/562a33c59a7947579c0d9740>
- ¹³ Сергей Мануков. Четыре главных вопроса мировой экономики / «Expert Online». 13 октября 2015. URL: <http://expert.ru/2015/10/13/chetyire-glavnyih-voprosa-mirovoj-ekonomiki/>
- ¹⁴ Портяков В.Я. Указ. соч. С. 184.
- ¹⁵ Chinese Spring Festival goes global, holds universal values / People's Daily Online. February 09, 2016. URL: <http://en.people.cn/n3/2016/0209/c90000-9015378.html>.
- ¹⁶ URL: http://www.hanban.edu.cn/confuciusinstitutes/node_10961.htm.
- ¹⁷ Портяков В.Я. Указ. соч. С. 179.
- ¹⁸ Мамонов М.В. Инерция и новации во внешней политике Китая // Международные процессы. 2010. Т. 8, № 3 (24). URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-four/005.htm>.
- ¹⁹ Ян Цзэмянь. Синь шици Чжунго вайцзяо сысян, чжаньлюэ хэ шицзяньдэ таньсо чуансин [Поиск инновационных идей, стратегии и практики китайской дипломатии в новый период] / Гоцзи вэньти няньцзю. 2015. №1. С. 25-26.
- ²⁰ Feng Zhongping, Huang Jing. Ibid.

**О внешнеполитической пропаганде
и «мягкой силе» Китая**

Аннотация. Статья посвящена проблемам изучения китайской «мягкой силы», включая пропаганду институтов Конфуция и продвижение китайской культуры за границей. Автор считает, что продвижение китайской культуры, в первую очередь, является продвижением китайской идеологии. Частью этих усилий является продвижение китайской культуры и идеологии в России. Распространение китайской культуры в мире представляется китайским руководством как убедительное свидетельство открытого и инклюзивного характера современного китайского общества, а в самом Китае предпринимаются усилия для ограничения западного влияния, в т.ч. западных праздников и христианства.

Ключевые слова: пропаганда, институты Конфуция, продвижение китайской культуры, китаеведы.

В ноябре 2015 г. в Пекине состоялось торжественное собрание, посвященное 100-летию со дня рождения бывшего генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана. Формат его был соблюден на высшем уровне, однако содержание доклада Си Цзиньпина и других опубликованных в связи с юбилеем материалов определялось, главным образом, текущими политическими потребностями нынешнего руководства КПК и не пошло дальше рассуждений о «славной истории и традициях» партии, некоррупционности, скромности и «близости к народу» Ху Яобана и т.п. Ничего не было сказано о его роли в реабилитации миллионов людей, репрессированных маоистами в годы «культурной революции», его намерении осуществить в Китае серьезные политические реформы, тем более – о том, что он был сторонником нормализации отношений с нашей страной и, в отличие от Дэн Сяопина, не выдвигал для этого

«предварительных условий». Нигде не было упомянуто, как в ходе посещения одной из погранзастав на границе с нашей страной он оставил в книге почётных гостей запись: «Да здравствует китайско-советская дружба!»

Не было упомянуто и еще об одном: в те годы в КНР готовился проект Закона о СМИ, который, однако, после событий 1989 г. был положен под сукно, где находится и по сей день.

После прихода Си Цзиньпина к власти в КНР, как известно, был взят курс на дальнейшее «закручивание гаек» и «усиление партийного руководства» в этой области. Например, на встрече с работниками главных СМИ КПК/КНР – газеты «Жэньминь жибао», информационного агентства Синьхуа и Центрального телевидения, состоявшейся 19 февраля 2016 г., китайский лидер заявил: «Созданные партией и правительством средства массовой информации являются пропагандистскими позициями партии и правительства, они должны быть партийными. Вся их работа должна воплощать в себе волю партии, отражать позицию партии, защищать авторитет Центрального комитета партии, защищать единство партии, вести дело так, чтобы любить партию, защищать партию, работать для партии; все они должны укреплять сознание необходимости равняться на партию, поддерживать с ЦК партии высокую степень единства в политике и идеологии; все они должны отстаивать единство партийности и народности» и т.д.

На этом фоне все более явный и настойчивый характер приобретает давнее стремление Пекина поставить тем или иным способом под свой контроль гонконгские газеты, журналы и издательства. Последним примером такого рода является покупка в декабре 2015 г. авторитетной гонконгской газеты «The South China Morning Post» китайской компанией «Alibaba», до сих пор известной внешнему миру своим бизнесом в сфере электронной торговли. Судя по сопровождавшим эту покупку заявлениям, газета из источника информации о Китае может превратиться в инструмент «формирования по-

ложительного облика Китая» в иностранных государствах.

Напомним также, что несколько лет назад в Гонконге прекратил свое существование авторитетный в свое время журнал «Far Eastern Economic Review», который ещё раньше перестал освещать политическую проблематику и целиком переключился на экономику. С 2013 г. перестал выходить в бумажном виде издававшийся с 1987 г. ежемесячный политический журнал «Кайфан», в электронном виде он издаётся нерегулярно и стал еще менее доступен. А другой ежемесячный политический журнал «Цяньшао» с 2016 г. перестал выходить в электронном виде: редакция по причинам, о которых можно только догадываться, не стала продлевать контракт с компанией «Apple».

С приходом к власти Си Цзиньпина исчезли с полок книжных магазинов КНР книги, в которых в художественной форме повествуется о жизни современного китайского чиновничества и работе правоохранительных органов². Написаны они были нелицеприятно, со знанием дела и пользовались значительной популярностью.

С весны 2013 г. были ужесточены правила провоза литературы из Гонконга через его административную границу с другими районами КНР. По подсчетам специалистов, 40–50% продаж издаваемой в Гонконге политической литературы приходится на приезжих с материка. Ужесточение политики Пекина по отношению к ввозу таких книг и журналов на материк быстро сказалось на бизнесе: продажи книг и журналов политического содержания в Гонконге резко упали.

Одновременно стали приниматься меры в отношении «чувствительных» авторов из материкового Китая, намеревавшихся издать в Гонконге свои книги.

Инициатива в принятии подобных мер, по некоторым утверждениям, исходит непосредственно из окружения Си Цзиньпина, поскольку издаваемая в Гонконге литература «добавляет жару в и так обострённую до предела полемику в КНР», «разрушает создаваемую Си атмосферу, лозунгом кото-

рой является “не дискутировать”», «срывает последовательное проведение им своего нового политического курса и реформ»³.

«Жэньминь жибао» между тем утверждает, что «Китай демонстрирует высокий уровень инклюзивности, открытости и уверенности в своей культуре». Видимо, чтобы еще более укрепить эту уверенность, ещё до прихода Си Цзиньпина к власти китайским руководством была поставлена задача резкой активизации внешнеполитической пропаганды. В качестве ее основных задач были определены демонстрация мирного пути развития Китая, включая строительство гармоничного общества внутри страны и гармоничного мира на мировой арене; создание выгодного для Китая настроения в мировом общественном мнении, формирование его позитивного облика в мире; показ позитивного вклада Китая в мировое развитие, непрерывное углубление понимания мировым сообществом концепций пути развития Китая, постоянные усилия в целях завоевания соответствующих высот в мировом общественном мнении в плане морали.

При подведении итогов этой работы за 2002–2012 гг. официально указывалось, что:

- была проделана большая работа по раскрытию концепций КПК относительно путей развития Китая, демонстрации его успехов, «цивилизованного» и «открытого» облика партии и государства;

- велась упорная работа по завоеванию права голоса на мировой арене, постоянно росли возможности по направлению мирового общественного мнения по крупным и острым, внезапно возникающим международным проблемам в выгодном для Китая направлении;

- велась активная пропаганда и «информационная борьба» по вопросам, затрагивающим Китай;

- активно велась работа по созданию «первоклассных средств массовой информации мирового уровня», были существенно повышены возможности по ведению пропаганды на

иностранные государства;

- были предприняты серьёзные усилия по продвижению за границу китайской культуры, её выходу вовне, росту её привлекательности и влияния в мире;

- наращивались усилия по созданию новых, в первую очередь электронных СМИ и «управлению интернет-сообществом».

Особое внимание уделялось демонстрации внешнему миру «современного, бурно развивающегося Китая и превосходства социалистического строя Китая». Внешнеполитическая пропаганда «мощно содействовала внешней политике государства».

В 2002–2012 гг. под вывеской Пресс-канцелярии Госсовета КНР (одновременно она является Канцелярией по внешнеполитической пропаганде ЦК КПК) изданы 48 «белых книг», в том числе 10 – в 2011 г. («Национальная оборона Китая», «Правовая система самобытного китайского социализма» и т.д.). За этот же период издано свыше 1500 наименований предназначенных для заграницы книг и брошюр пропагандистского характера общим тиражом 28 млн экз., более 96 млн экз. журналов на иностранных языках, произведено более 2 млн 400 тыс. лазерных дисков, снято более 3 тыс. фильмов для иностранной аудитории.

К 2012 г. за границей работало более 140 корпунктов агентства Синьхуа. Более 30 зарубежных корпунктов имеет Международное радио Китая, которое вещает на более чем 60 иностранных языках, 50 корпунктов – Центральное телевидение КНР. Семь его международных каналов осуществляют вещание на 6 языках (китайский, английский, испанский, французский, русский, арабский) на более чем 140 стран и регионов мира, его зарубежная аудитория (включая китайских эмигрантов) составляет 200 млн человек. Всё это представляет собой «глобальную систему сбора и распространения информации».

В рамках работы по продвижению китайской культуры во вне соответствующие мероприятия проведены более чем в 30 странах мира. Запущены программы «Распространение в мире

китайских книг», «Проект перевода и публикации трудов китайской культуры»⁴.

Новое руководство КПК во главе с Си Цзиньпином потребовало дальнейшей активизации внешнеполитической пропаганды, объём и интенсивность усилий Китая в этой области ещё более возросли. В настоящее время на внешнеполитическую пропаганду Пекин тратит 10 млрд долл. в год. Китайская пропаганда становится квалифицированнее, однако в ряде случаев по-прежнему страдает излишней тенденциозностью, нередко её содержание не соответствует действительности и даже откровенно лживо (пример – освещение истории Второй мировой войны в рамках празднования 70-летия ее окончания). Картина получается, как и в экономике: экстенсивное развитие с недостаточным качеством.

Судя по всему, одним из главных направлений работы в сфере внешнеполитической пропаганды в современном ЦК КПК считают пропаганду личности лидера Китая. Один из последних примеров, на который обратили внимание зарубежные наблюдатели, – номер газеты «Жэньминь жибао» от 4 декабря 2015 г., на первой странице которого имя Си Цзиньпина присутствует в одиннадцати заголовках, а на второй помещены 9 фотографий его встреч с иностранными, в данном случае, африканскими, руководителями. Специалисты по средствам массовой информации в университете Гонконга подсчитали, что за первые 18 месяцев пребывания Си Цзиньпина на высших партийных и государственных постах его имя упоминалось в «Жэньминь жибао» 4725 раз. Имена его предшественников Ху Цзиньтао и Цзян Цзэминя в аналогичный период времени упоминались на страницах этой газеты соответственно 2405 и 2001 раз⁵. Сборник статей и выступлений Си Цзиньпина за год со времени первого издания в октябре 2014 г. был переиздан общим тиражом более 5 млн 200 тыс. экз., в том числе более 400 тыс. экз. этого труда было распространено за границей, что является рекордом по количеству экземпляров трудов какого-

либо китайского руководителя, распространенных за границей за время проведения политики реформ и открытости, то есть с 1979 г.⁷

Агентством Синьхуа было подсчитано, что американцы 84% информации о Китае получают из собственных СМИ, из средств континентального Китая только 7%. В связи с этим была поставлена задача увеличить удельный вес информации о Китае, которую граждане иностранных государств получают не от своих национальных, а от китайских СМИ. При этом планируется «основное внимание сосредоточить на развитых странах Европы и Америки».

Остановимся в этом контексте на работе институтов Конфуция.

15 июня 2004 г. председатель КНР Ху Цзиньтао присутствовал в Ташкенте на церемонии подписания соглашения об открытии первого в мире института Конфуция. Показательно, что это произошло на территории бывшего СССР. С того времени началась активная работа китайских партийно-правительственных ведомств по созданию этих структур по всему миру, которая дала серьезные результаты.⁸

Официально главная задача институтов Конфуция формулируется следующим образом: «Улучшить понимание народами мира языка и культуры Китая, развивать дружественные отношения Китая с иностранными государствами, способствовать развитию многообразной мировой культуры, вносить вклад в дело строительства гармоничного мира».

Вообще, работа по распространению в мире китайского языка начала проводиться китайскими властями значительно раньше. Вскоре после создания КНР по решению Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая и других «революционеров старшего поколения» были учреждены специальное высшее учебное заведение для преподавания китайского языка иностранцам и соответствующая специальность, а также проведен набор студентов из стран третьего мира для изучения в Китае китайского языка.

В годы «культурной революции» данное начинание практически заглохло, однако со времени начала политики реформ и открытости «при личной заботе тов. Дэн Сяопина» и с одобрения Госсовета КНР в 1987 г. была создана Руководящая группа Госсовета по преподаванию китайского языка иностранцам, в состав которой вошли представители 11-ти правительственных министерств и ведомств⁹. В дальнейшем в КНР пришли к выводу, согласно которому существовавшие в данной сфере структуры и их методы работы уже не могли удовлетворять резко возросший спрос на изучение китайского языка иностранцами. Исходя из этого, вышеуказанная Руководящая группа в марте 2003 г. приняла решение о создании структур по распространению китайского языка за границей, которые и получили наименование институтов Конфуция.

Давая структурам по распространению китайского языка за границей имя Конфуция, в ЦК КПК руководствовались следующими соображениями: во-первых, Конфуций является великим мыслителем и деятелем образования древнего Китая, это «один из самых знаменитых в мире деятелей культуры», его имя даст возможность структурам по распространению китайского языка за границей быть более узнаваемыми; во-вторых, имя Конфуция «тесно связано с его идеями и педагогической теорией», назвать структуру его именем, несомненно, было бы «уникальным выбором»; в-третьих, его идеи («самое драгоценное – это гармония», «гармонично – не обязательно единообразно») обладают «неповторимыми гармоничностью и инклюзивностью», институты Конфуция своим названием ясно демонстрировали бы «стремление к строительству устойчивого мира общего процветания»; в-четвертых, у этих структур было бы много общего с такими иностранными структурами, занятыми распространением языков своих стран, как институты Гёте, институты Сервантеса и др., они могли бы быть легко поняты и приняты за пределами Китая¹⁰.

В связи можно также заметить, что сейчас и в Китае, и во

всем мире рухнуло почтение к Мао Цзэдуну и его идеям, к теории Дэн Сяопина и другим теориям, которых придерживается КПК. Эти теории надо было заменить идеологией китайской нации. Конфуция выдвинули как приемлемого в настоящее время для китайцев и «остального человечества» представителя китайской нации.

По состоянию на сентябрь 2014 г. в 123 странах и районах (включая 25, с которыми у КНР нет дипломатических отношений), создано 465 институтов и 713 классов Конфуция, число зарегистрированных в них студентов и учащихся достигло 3 млн человек. В целом число изучающих китайский язык превысило в мире более 100 млн человек.

Создан, как выражаются в Пекине, «отряд преподавателей с достаточно высоким качественным уровнем». В Главном управлении институтов Конфуция¹¹ были разработаны по этому вопросу такие документы, как «Порядок управления направляемыми за границу преподавателями китайского языка со стороны», «Порядок ежегодных проверок уровня направляемых за границу преподавателей китайского языка Канцелярией Госсовета по распространению китайского языка за границей и Главным управлением институтов Конфуция», «Временное положение о строительстве специального отряда преподавателей институтов Конфуция», «Критерии оценки преподавателей китайского языка для иностранцев».

Как гласят официальные формулировки, в результате десятилетних усилий в деятельности институтов Конфуция осуществлен поворот от преподавания китайского языка для иностранцев к его широкому распространению в мире по всем азимутам; от приглашения иностранцев для изучения китайского языка в Китай к одновременному с этим выходу для преподавания китайского языка за пределы Китая; от профессионального преподавания китайского языка к преподаванию более массовому, преследующему цель его распространения и популяризации, преподаванию прикладного характера; от пре-

подавания, главным образом, в опоре на небольшое число учебных заведений к его систематическому одновременному распространению среди иностранцев в Китае и за его пределами; от работы, главным образом, под административным руководством правительства к продвижению с помощью правительства и усилением в работе рыночных элементов; от преподавания главным образом по бумажным учебным материалам к развитию многовариантной системы преподавания с использованием различных электронных СМИ.

Создание институтов Конфуция, считают в ЦК КПК, «имело большое значение и далеко идущие последствия». Оно, в частности, способствовало тому, что к настоящему времени в более чем 2500 университетах и 10 тысячах школ более чем 100 стран и регионов мира введены курсы по китайскому языку. Правительства некоторых стран уже включили китайский в число «стратегических языков», поощряют население своих стран к его изучению; в более чем 60 государствах изучение китайского языка включено в программы систем национального образования. Институты Конфуция «стали одной из лучших площадок для обменов Китая с заграницей по принципу “народ общается с народом”». Фактически они являются частью так называемой «народной дипломатии», которая представляет собой один из рычагов деятельности МИД КНР.

Институты Конфуция служат также «целям социально-экономического развития Китая и внешнеполитической работе Китая в целом». Их создание «дало новую площадку и новую форму для межгосударственной, публичной и народной дипломатии». По подсчетам, опубликованным китайской стороной, за прошедшие 10 лет руководители компартии и правительства Китая более 200 раз присутствовали на проводимых институтами Конфуция различных мероприятиях, «важные иностранные политические деятели» тоже более 200 раз посещали институты Конфуция¹². Как подчеркивает «Жэньминь жибао», создание институтов Конфуция «пользуется всемер-

ной поддержкой посольств и консульств КНР за границей, а также всех министерств и ведомств КНР»¹³.

«Коренной гарантией здорового и успешного развития институтов Конфуция, – пишет газета, – являются большое внимание и сердечная забота, проявляемые по отношению к ним руководителями партии и государства. Председатель Си Цзиньпин и председатель Ху Цзиньтао много раз давали важные указания, которыми были определены направление работы институтов Конфуция, общая цель и основные принципы их деятельности; товарищи Ли Чанчунь и Лю Юньшань¹⁴ постоянно проявляют заботу о работе и развитии институтов Конфуция и поддерживают их, конкретно руководили и оказывали помощь институтам Конфуция в преодолении и решении встречающихся на их пути трудностей и проблем; заместитель премьера Госсовета Лю Яньдун постоянно продвигает вперёд работу с институтами Конфуция».

Если воспользоваться соответствующим китайским выражением, институты Конфуция «получили бурное развитие» и в России. Первый институт Конфуция появился в нашей стране в 2006 г. в Российском государственном гуманитарном университете в Москве. С тех пор в России «пустили корни» 18 институтов и 4 класса Конфуция, в которых, как пишет газета «Жэньминь жибао», «воспитано большое количество молодых россиян, интересующихся китайской культурой, и специалистов по Китаю».

Заметим, однако, что активная деятельность институтов Конфуция в нашей стране не сопровождается столь же активной работой соответствующих ведомств Российской Федерации по созданию в КНР центров изучения русского языка или, например, институтов Толстого, учредить каковые давно уже предлагают некоторые авторитетные российские китаеведы. Это нарушает один из важнейших принципов международных отношений, а именно взаимность. В частности, по мнению Ю.М. Галеновича, в нашей стране должно быть ровно столько

же институтов Конфуция, сколько в Китае будет институтов, например, Льва Толстого. При этом наше государство должно выделить на их работу в Китае столько средств, сколько требует суть этой работы. Кроме того, следует также изыскать возможности, включая финансовые, для создания действительно эффективного института изучения взаимоотношений России и Китая, включая, прежде всего, изучение внутреннего положения в Китае, его внутренней и внешней политики.

В общем, уже многим в нашей стране очевидно, что, позволив институтам Конфуция развить в России столь бурную активность, российские власти совершили серьёзную ошибку.

В нашей стране уже возникали вопросы, связанные с деятельностью институтов Конфуция. Официальные власти КНР заявляют, что эти институты нельзя считать «иностранными агентами», потому что они по соглашению, подписанному в начале нынешнего столетия, являются российскими, а не китайскими учреждениями. В связи с этим, как представляется, необходимо разработать и принять закон, регламентирующий статус и деятельность институтов Конфуция в нашей стране. Все должно делаться на основе принципов полной самостоятельности и полного равноправия сторон.

Институты Конфуция имеют и внутреннюю функцию, пропаганда их достижений активно ведется внутри Китая. Это связано с тем, что КПК отводит конфуцианству существенную роль в идеологическом и пропагандистском обеспечении своей власти в стране. Например, в ноябре 2013 г. родину Конфуция г. Цюйфу в провинции Шаньдун посетил Си Цзиньпин. Этой поездке многие эксперты в Китае и за его пределами уделили повышенное внимание. В сентябре 2014 г. во многих китайских городах с небывалым до того времени размахом прошли торжества, посвященные 2565-й годовщине со дня рождения Конфуция (считается, что он родился 28 сентября). При этом только в Цюйфу в течение примерно месяца отдать дань Учи-

телю приезжали ежедневно около трёх тысяч человек¹⁵.

Несомненно, что некоторые руководители и теоретики КПК в перспективе хотели бы видеть конфуцианство в качестве одной из идейных опор партии, хотя многие в КНР с этим не согласны. В январе 2011 г. на центральной площади Пекина Тяньаньмэнь напротив здания Всекитайского собрания народных представителей был установлен памятник Конфуцию в 6 метров высотой, однако ровно через 100 дней, 20 апреля его передвинули на «задворки» Национального музея Китая. Некоторые старые влиятельные члены КПК говорили, что они и их товарищи не за то проливали кровь, чтобы теперь выдвигали на первый план Конфуция.

По некоторым данным, важную роль в решении вопроса о перемещении памятника Конфуцию сыграл тогда ещё член Политбюро ЦК КПК Бо Силай. В китайской блогосфере в то время распространялась шутка о том, что Конфуций – это ещё один «ходок», который пришел в Пекин пожаловаться центральным властям на несправедливое отношение к себе, особенно в ходе кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» 1973–1974 гг.; в итоге и этот «ходок» тоже ничего не добился, у него истек срок временного разрешения на проживание в столице Китая, и он был вынужден вернуться в родную провинцию Шаньдун.

В этих условиях «проконфуцианские» силы в руководстве и партийно-государственном аппарате КНР заинтересованы в том, чтобы рассказывать китайскому народу о том, как Конфуция любят «народы всего мира». В этом состоит внутренняя функция институтов Конфуция.

В последнее время в ряде стран Запада институты Конфуция переживают не лучшие времена. Некоторые известные западные университеты приняли решения о прекращении сотрудничества в этой области с китайской стороной и удалении институтов Конфуция из своих кампусов. Например, в 2013 г. был закрыт существовавший с 2005 г. первый в Европе инсти-

тут Конфуция при Стокгольмском университете. Объясняя причины такого решения, президент университета С.Уиддинг сообщила, в частности, журналистам, что «в целом выглядит сомнительно наличие в рамках университета структуры, которая финансируется другим государством».

Решению о закрытии института Конфуция в Стокгольмском университете предшествовала критика этого учреждения в шведской печати. Например, известный журналист, пишущий о Китае, И.Оя в статье «Фальшивая улыбка Конфуция» перечислил целый ряд связанных с данной проблемой фактов. Он, в частности, указал, что университеты других стран Северной Европы, в частности, Норвегии и Дании, никогда не соглашались на открытие у себя институтов Конфуция, напомнил инцидент, имевший место в ходе конференции Европейской ассоциации китаеведения в Португалии летом 2014 г., когда китайские сотрудники институтов Конфуция пытались подвергнуть цензуре программу конференции¹⁶.

В декабре 2013 г. Канадская ассоциация преподавателей университетов призвала все университеты страны, в которых работают институты Конфуция, прекратить сотрудничество с ними. В июне 2014 г. с аналогичным призывом выступила Ассоциация университетских профессоров США, которая мотивировала его тем, что эти институты «действуют в качестве инструмента правительства Китая» и «продвигают повестку дня китайского государства в процессе набора преподавательского состава и контроля за ним, в ходе разработки учебных программ и в ограничениях, налагаемых на содержание ведущихся в аудиториях дискуссий».

В свою очередь, в интервью, которое дала корреспонденту Би-Би-Си начальник Канцелярии Госсовета КНР по международному распространению китайского языка и Главного управления институтов Конфуция г-жа Сюй Линь, она отрицала наличие политики в их деятельности. Особое внимание корреспондента привлекла её аргументация в защиту данного те-

зиса. По словам госпожи Сюй, все преподаватели институтов свободны от какого-либо политического контроля, они просто в конце командировки обязаны написать отчет. Их также опрашивают, сталкивались ли они в ходе работы с «политически чувствительными» вопросами студентов¹⁷.

В июле 2014 г. деятельность уже самой госпожи Сюй стала предметом обсуждения в ходе конференции Европейской ассоциации китаеведения в Брага (Португалия). Канцелярия Госсовета КНР по международному распространению китайского языка была одним из спонсоров указанной конференции, и её сотрудники на ней присутствовали. Они обнаружили, что в программе конференции содержится текст с положительной оценкой тайваньского фонда им. Цзян Цзинго и его роли как долгосрочного спонсора европейской синологии. Госпожа Сюй посчитала, что текст имеет «политический характер», и дала своим подчинённым указание унести весь тираж программы домой к одному из китайских сотрудников института Конфуция в местном университете.

После «бурных» переговоров с организаторами конференции программы были им возвращены, однако упоминания о тайваньском фонде и американской (США) Программе поддержки китаеведения (в общей сложности 4 страницы) были удалены. Президент конференции Роже Жиро выступил с заявлением, в котором назвал действия делегации из КНР «совершенно недопустимым вмешательством в деятельность независимой научной организации». Позднее по его указанию программа конференции была напечатана без изъятий. Тайваньская сторона заявила протест по поводу данного инцидента¹⁸.

В ходе вышеуказанного интервью г-жа Сюй резко возразила против включения в будущий репортаж британской радиостанции португальского сюжета по той причине, что этот вопрос не фигурировал в списке вопросов, переданных ей от Би-Би-Си заранее. Как утверждает британский корреспондент, после этого британские журналисты более часа удерживались

в её служебном кабинете китайскими чиновниками. Г-жа Сюй требовала стереть запись соответствующей части интервью, мотивируя это тем, что согласие на него было получено у неё «обманным путём».

Вышеизложенное наводит на размышления о том, что в целом, как заметил автор термина «мягкая сила» Дж. Най, Китай «вкладывает в наращивание этой силы миллиарды долларов, однако прибыли от этих инвестиций носят ограниченный характер».

Обращает на себя внимание, что в то время, как институты Конфуция и пропаганда китайской культуры в мире делают успехи, в Китае всё громче звучат голоса противников западной, то есть некитайской, культуры.

Например, в Сиани студенты местных ВУЗов в период непосредственно перед празднованием Рождества развернули в кампусе лозунги с призывами «Стремиться быть выдающимися сыновьями и дочерьми Китая, выступать против развязных западных праздников, противодействовать экспансии западной культуры!» В Сианьском университете празднование Рождества было официально запрещено под тем предлогом, что оно «противоречит собственным культурным традициям Китая». Вместо праздника Рождества студентов заставили в обязательном порядке в течение трёх часов смотреть пропагандистские фильмы, один из которых был посвящен Конфуцию. В блоге партийного комитета университета были помещены призывы к студентам «не пресмыкаться перед иностранцами», «обратить больше внимания на китайские праздники, включая Новый год по лунному календарю». В то же время партийный комитет был вынужден признать, что в последние годы все большее число китайцев стали придавать важное значение западным праздникам. «В их глазах, – говорилось далее, – Запад является более развитым, чем Китай, а его праздники – более красивыми, чем китайские, западные праздники современные и модные, тогда как китайские традиционные праздники вышли из моды».

Одновременно, как сообщило агентство Синьхуа, все новогодние праздники были запрещены в школах и детских садах г. Вэньчжоу провинции Чжэцзян, при этом соблюдение запрета контролировали специально выделенные чиновники. В этой связи представитель городского управления образования заявил, что эти правила призваны «покончить с увлечённостью западными праздниками за счёт китайских»¹⁹. Эти события стали столь заметным явлением в общественно-политической и идеологической жизни Китая, что на них сочла необходимым обратить внимание главная газета КНР²⁰.

Делаются попытки минимизировать на территории Китая влияние не только «развязных западных праздников», но и христианства в целом. Как известно, религии «иностранныго происхождения» власти КПК/КНР не слишком жаловали с самого начала существования своего государства. С приходом к власти Си Цзиньпина эта тенденция усилилась. В 2015 г. дело дошло до кампании по сносу крестов с протестантских и католических церквей, расположенных в различных районах Китая, в авангарде которой идет провинция Чжэцзян. Некоторые священнослужители, выразившие протест против этого, были арестованы²¹.

Заметим, что сторонники институтов Конфуция из числа граждан стран, в которых они работают, в качестве главного аргумента в пользу их существования в той или иной стране обычно выдвигают аргументы материального характера. Действительно, университеты в США и других странах Запада, не говоря уже о России, нередко испытывают потребность в финансовых средствах. Однако, как следует из установочной статьи в «Жэньминь жибао», правительство КНР требует усиления в деятельности институтов Конфуция «рыночных элементов». Таким образом, они постепенно превращаются в источник дохода для Китая. Для России, в частности, это означает, что они могут оттянуть на себя часть и без того достаточно узкого в нашей стране рынка «образовательных услуг» в сфере

китаеведения.

Частью рассматриваемой проблемы является распространение китайской культуры в России. Такую задачу ставит китайское руководство, и в ее решении, по китайским оценкам, «выдающейся» является роль российских китаеведов. Объясняется этот феномен китайской стороной нехваткой у них денег. Об этом написал, например, известный специалист по российскому китаеведению Янь Годун: «1 апреля 2015 г. посол Китая в России Ли Хуй присутствовал на встрече с российскими китаеводами, которая состоялась в Китайском культурном центре в Москве. ... В ходе беседы российские китаеведы вновь высказали свою обеспокоенность и беспомощность в связи с тем трудным положением, в котором оказалось китаеведение в их стране. Важнейшим ключевым словом, звучавшим в их выступлениях, было “нет денег”. ... Они выразили надежду, что посол Китая, длительное время проявлявший заботу о российском китаеведении и оказывавший ему поддержку, сможет и далее предоставлять им необходимую помощь»²².

В 2014 г. «Жэньминь жибао» опубликовала рассказ о работе китайского культурного центра при посольстве КНР в Москве. В корреспонденции, в частности, говорится: «Многие российские китаеведы находятся в ситуации, когда они “10 лет усердно и бескорыстно трудятся, оставаясь в неизвестности”. Чтобы дать им возможность ощутить заботу страны, являющейся их объектом изучения, культурный центр организует все новые встречи, беседы о сотрудничестве, приглашает их на различные культурные мероприятия, практическими действиями демонстрирует свою искренность и теплоту. Культурный центр в плановом порядке оказывает спонсорскую помощь для издания их трудов. В свою очередь, многие китаеведы инициативно предлагают прочитать в культурном центре лекции, а также выступают в российских СМИ, правдиво и сердечно распространяя китайскую культуру. “Вне всякого сомнения, – говорит советник посольства КНР по культуре г-жа

Чжан Чжунхуа, – когда о китайской культуре рассказывают российские ученые, это делает восприятие слушателей более сердечным, а общение между ними и лектором более свободным^{«23»}.

Работа Китайского культурного центра при посольстве КНР в Российской Федерации учитывает рекомендации китайских ученых. Например, в 2012 г. в университете Цинхуа проходила конференция по китайско-российским отношениям. Автор одного из докладов высказал, в частности, следующие мысли: «Правительство Китая и представители всех слоев китайского общества приложили недюжинные усилия для “выхода китайской культуры вовне”, вложили в это дело много сил и средств, однако между полученными нами практическими результатами и теми, которые ожидались, существует большой разрыв. С учетом этого нам следует знать ситуацию с распространением китайской культуры за границей, знать о конкретных требованиях, предъявляемых к китайской культуре зарубежным рынком, знать себя и других, стремиться к достижению наилучших результатов в распространении китайской культуры за границей...».

«Для ускорения шагов по выходу китайской культуры вовне необходимо сотрудничество российских китаеведов. ... Необходимо активно объединяться с российскими китаеводами, переводчиками, привести их в движение, усилить обмены и сотрудничество с ними. Предположим, что мы смогли бы предоставить им моральную, материальную поддержку и даже поддержку в решении практических вопросов перевода, тогда они достигли бы в работе по переводу с китайского на русский еще больших успехов, а китайские литература и культура в результате их усилий неизбежно получили бы в их стране еще более широкое распространение и приобрели бы еще большее реальное влияние».

«Китай в процессе распространения за границей своей литературы может воспользоваться опытом культурно-языковых

учреждений других стран. Например, МИД Франции установил премию за издание переводов. ... целью является поощрение китайских переводчиков и издателей, в комитете по премии состоят переводчики, писатели и университетские профессора... . Этой премией был поднят интерес переводчиков и издателей к обеспечению качества перевода. Ежегодно молодых переводчиков приглашают во Францию для языковых стажировок, воспитывают китайцев разных возрастов, интересующихся французской культурой. Если бы Китай учредил аналогичную премию в России, это могло бы привлечь еще больше любителей китайской литературы для участия в работе по переводу ее произведений на русский язык, в то же время это отвечало бы интересам повышения уровня и качества переводов. Правительство должно поощрять имеющих финансовую мощь эмигрантов-соотечественников для инвестирования в литературные обмены, в том числе путем создания неправительственных культурных фондов, правительство должно поощрять эмигрантов-соотечественников раскрыть свои преимущества, вносить свои предложения, участвовать в разработке планов, а также оказывать соответствующую поддержку разумным предложениям»²⁴ .

В публикациях китайских экспертов по России просматривается такая цепь умозаключений: следует расширять экономическое сотрудничество – для этого необходимо взаимное доверие – инструментом создания и углубления такого доверия является создание положительного облика Китая в глазах граждан нашей страны, для чего нужны внешнеполитическая пропаганда, «мягкая сила», «сотрудничество в сфере культуры» и т.п. Под последним в большинстве случаев понимается продвижение китайской идеологии. Как, например, писал в «Жэньминь жибао» профессор Военно-политической академии вооружённых сил Китая в Нанкине, «великое возрождение китайской нации, коротко говоря, означает, что Китай должен твёрдо встать среди множества наций мира, а также восстано-

вить своё центральное положение в мировой системе культуры»²⁵. В Китае со ссылками на граждан этих стран говорят также о «мечтах», которые якобы лелеют народы Юго-Восточной и Центральной Азии, Европы, России, об «общей судьбе», связывающей их с Китаем, и т.п.

При этом в КНР неотъемлемой частью экономического сотрудничества с нашей страной считается обеспечение эмиграции в Россию китайских граждан. Например, директор Института России Китайской академии современных международных отношений Фэн Юйцзюнь в число «ключевых путей» экономического сотрудничества Китая с Россией включил «умелое налаживание сотрудничества в сфере трудовых ресурсов». Это, по его мнению, должно «восполнить нехватку» рабочей силы в России и, одновременно, «ослабить давление в плане занятости» в КНР. Для этого он, в частности, предложил правительствам двух стран «как можно быстрее разработать двусторонний проект экономической миграции», определить квоты на китайскую миграцию в Россию, сроки пребывания китайских рабочих в России и пути возвращения на Родину, условия их социального страхования в России и обеспечения их безопасности.

Китай, указывает он, имеет «большое количество избыточной рабочей силы». И это не только *нунминьгун*, способные работать в строительстве и сельском хозяйстве, есть еще большое количество людей, закончивших в последние годы в Китае университеты. Последние, по его мнению, «имеют сравнительно высокие культурный уровень и профессиональные навыки, ... способны удовлетворить потребности в рабочей силе в России». В соответствии с вышеуказанным проектом, пишет г-н Фэн, китайская сторона должна будет в плановом порядке осуществлять обучение студентов университетов русскому языку и их техническое обучение. Если дело удастся наладить, то это не только в большой степени удовлетворит потребности России в рабочей силе и, соответственно, ослабит

давление, существующее в Китае в плане занятости, но также будет активно стимулировать китайско-российские гуманитарные обмены, углубит взаимопонимание и дружбу между народами двух стран²⁶.

В этой связи необходимо отметить следующее. В нашей стране есть китаеведы и другие авторы, пишущие о Китае, которые, ссылаясь на китайские источники или высказывания китайских собеседников, говорят о том, что в КНР наметилась тенденция к нехватке рабочей силы, которая будет ощущаться всё сильнее. Из этого делают далеко идущие выводы, имеющие внешнеполитическую направленность и прямую связь с российско-китайскими отношениями. Вышеупомянутые эксперты на основании вышеизложенного отрицают факт крупномасштабной китайской эмиграции, в том числе нелегальной, в нашу страну. Делаются даже рекомендации «поспешить» с завозом в Россию китайской рабочей силы, потому что скоро такой возможности уже не будет.

На самом деле речь идет о том, что безработица в КНР во всё большей степени приобретает структурный характер, то есть трудно бывает найти работу многим выпускникам ВУЗов, но, в то же время, не хватает рабочих для мелких предприятий, высококвалифицированных рабочих, инженеров и техников для высокотехнологичных производств и т.д. Нехватка неквалифицированной рабочей силы тоже имеет относительный характер: раньше на работу в города отбирали холостую молодежь, согласную трудиться за минимальную зарплату при проживании в практически казарменных условиях; желательными были также хорошее здоровье, отсутствие правонарушений и членство в Коммунистическом союзе молодежи Китая. Сегодня молодых китайцев, согласных работать на таких условиях, становится всё меньше. Отсюда и разговоры о «нехватке рабочей силы» в Китае.

¹ Цзяньчи чжэнцзюэ фансян чуан синь фанфа шоудуань (Отстаивать верное направление, создавать новые формы и методы работы) // «Жэньминь жи-

-
- 2 бао», 20 февраля 2016 г.
- 3 См., например, Ван Сяо. Чжу цзин бань чжужэнь (Начальник представительства в Пекине). Пекин, 2007, Хуан Сяоян. Эр хао шоучжан (Начальник номер два). Пекин, 2011, Чжань Пэн. Чжэнфавэй шуцзи (Секретарь политико-юридической комиссии). Куньмин, 2009. Хун Фан. Данчжэн баньцзы (Партийно-государственное руководящее ядро). Пекин, 2012.
- 4 *Чэнь Ганшэн*. Чжунгун ту фэнша хайвай чжэнчжи шукань (Коммунисты внезапно начали блокировать ввоз зарубежной политической литературы в КНР) // «Чжэнмин», 2013, № 9, с. 42-45.
- 5 *Ван Чэнь*. И гэнцзя кайфан цзытай мяньсян шицзе чуаньбо чжунго шэньинь (Еще более открыто вернуться к миру, доносить до него голос Китая) // «Цюши», 2012, № 17, с. 19-22.
- 6 *Felicia Sonmez*. China's People's Daily Runs 11 Xi Jinping Headlines on its Front Page // страница блогов The Wall Street Journal (blogs.wsj.com), блог China Real Time Report 4 декабря 2015 г.
- 7 Си Цзиньпин тань чжиго личжэн (Си Цзиньпин о политике и управлении страной). Пекин, 2014.
- 8 *Цай Минчжао*. Цзяцянь гоцзи чуаньбо нэнли цзяньшэ, цзянхао Чжунго гуши, чуаньди Чжунго шэньинь (Усилить возможности по ведению внешнеполитической пропаганды, рассказывать о Китае, доносить голос Китая) // «Цюши», 2015, № 23.
- 9 См., например, Чэнь Чжили. Дуйвай ханьюй туйгуан хэ чжунвай вэньхуа цзяолю де чэнгун шицзянь. – Се цзай Кунцзы сюэюань чуанцзянь 10 чжюнянь (Успешная практика распространения китайского языка за границей и культурных обменов Китая с иностранными государствами. Написано по случаю 10-й годовщины создания институтов Конфуция) // «Жэньминь жибао», 19 декабря 2014 г.
- 10 В настоящее время называется Руководящей группой Госсовета по международному распространению китайского языка 国家汉语国际推广领导小组.
- 11 *Чэнь Чжили*. Указ. соч.
- 12 Главное управление институтов Конфуция (孔子学院总部) входит в состав Канцелярии Госсовета КНР по международному распространению китайского языка (国家汉语国际推广领导小组办公室).
- 13 *Чэнь Чжили*. Указ. соч.
- 14 *Чэнь Чжили*. Указ. соч.
- 15 Члены Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК соответственно предыдущего и нынешнего созывов, кураторы вопросов идеологии и пропаганды, включая внешнеполитическую.
- 16 Angela Meng, Investors hope to cash in with schools in Confucius' hometown // «The South China Morning Post», 20 November, 2014.
- 17 Stockholm University terminating its Confucius Institute. Discussion published by Magnus Fiskesjö on Thursday, January 1, 2015, <https://networks.h->

-
- net.org/node/22055/discussions/56521/stockholm-university-terminating-its-confucius-institute, дата обращения 28 января 2016.
- ¹⁷ Сообщение Би-Би-Си от 2 декабря 2014 г.
- ¹⁸ См. доклад на официальном интернет-сайте Европейской ассоциации китаеведения: Report: The Deletion of Pages from EACS Conference materials in Braga (July 2014), <http://www.chinesestudies.eu/index.php/432-report-the-deletion-of-pages-from-eacs-conference-materials-in-braga-july-2014>, дата обращения 28 января 2016.
- ¹⁹ См., например, Chinese university bans Christmas for being 'kitsch' // «The South China Morning Post», 25 December, 2014.
- ²⁰ *Чжэн Хайюу*. Го янцзе дайгэй вомэнь дэ сыкао: Чжунго чуаньтун цзежи цзэньян гэн шоу хуаньин (Размышления, навеянные отмечанием иностранных праздников: как сделать более привлекательными китайские традиционные праздники) // «Жэньминь жибао», 8 января 2015 г.
- ²¹ Leading China pastor Gu Yuese under investigation for embezzling funds: church authorities. The church leader had opposed a campaign to remove crosses atop churches in Zhejiang // «The South China Morning Post», 31 January, 2016.
- ²² *Янь Годун*. Элосы ханьсэ дэ вэйцзи (Кризис российского китаеведения) // «Вайго шэхуй кэсюэ», 2015, № 6, с. 68-73.
- ²³ *Чэнь Сяовэй*. Чжи жоу жо шуй, жунь у у шэн (Мягко и бесшумно, подобно воде, влиять на вещи) // «Жэньминь жибао», 14 сентября 2014 г.
- ²⁴ *Вэнь Чжэсянь*. Точжань чжун-э вэньсюэ цзяолю хэцзо дуйцэ яньцзю (Расширять исследование мер, которые необходимо принять для расширения китайско-российских литературных обменов и сотрудничества в этой сфере) // Цзи «чжун э чжаньлюэ хэцзо дэ сяньчжуан, мяньлинь дэ тяочжань цзи ци цзяньи» вэньцзи чубань луньчжэн гоцзи сюэшу яньтаохуй (О публикации сборника «Настоящее положение, предстоящие вызовы и предложения по стратегическому сотрудничеству между Китаем и Россией», Пекин., 2012, с. 163-175.
- ²⁵ *Вэй Дингуан*. Чжунго даолу дуй шицзе лиши цзиньчэн дэ гунсянь (Вклад пути Китая в мировой исторический процесс) // «Жэньминь жибао», 19 января 2015 г.
- ²⁶ *Фэн Юйцзюнь*. Чжун Э гуаньси чжун дэ чжунго гоцзя лии (Государственные интересы Китая в китайско-российских отношениях) // Цзи «чжун э чжаньлюэ хэцзо дэ сяньчжуан, мяньлинь дэ тяочжань цзи ци цзяньи» вэньцзи чубань луньчжэн гоцзи сюэшу яньтаохуй (О публикации сборника «Настоящее положение, предстоящие вызовы и предложения по стратегическому сотрудничеству между Китаем и Россией», Пекин, 2012, с. 31-32.

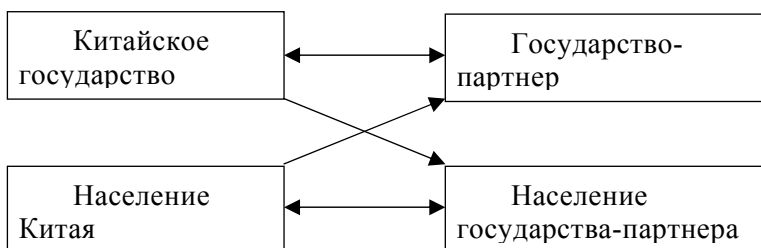
Система «мягкой силы» с китайской спецификой и ее особенности

Аннотация: На данный момент в современной науке не выработано единого подхода к понятию «мягкая сила». Автор статьи, систематизировав ранее предложенные концепции, предлагает структурировать и систематизировать механизм «мягкой силы» определенного государства – Китая. В результате в исследовании определяются ключевые компоненты системы «мягкой силы» и их инструментарий, задачи политики «мягкой силы» и препятствия, стоящие на пути ее реализации, а также дается определение понятия «мягкая сила» с китайской спецификой.

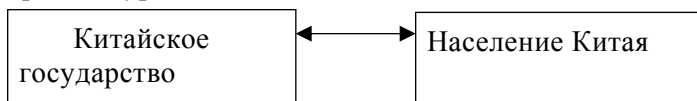
Ключевые слова: мягкая сила, внешняя политика КНР, экономическая модель, Институты Конфуция.

В рамках рассматриваемой автором системы субъектом «мягкой силы» выступает Китай, не только как государство-актор международных отношений, но и как китайская нация в целом. Под объектом «мягкой силы» подразумевается, в первую очередь, население другой страны, государство-партнер как таковое, и, в то же время, население Китая. Таким образом, можно проследить два уровня взаимодействия в рамках применения политики «мягкой силы»:

Международный уровень взаимодействия

Внутренний уровень взаимодействия

Два уровня взаимодействия характерны именно для китайской «мягкой силы», поскольку правительство КНР стремится использовать ее механизмы и внутри страны. Всех участников процесса как на международном уровне взаимодействия субъекта с объектом, так и на внутреннем, как правило, привлекает некое свойство субъекта, в случае современного Китая – это «перспективность». Безусловно, она своя для каждого из участников процесса, но именно это запускает механизм «мягкой силы» КНР. Для населения государства-партнера – это перспектива повышения уровня жизни и благосостояния, для государства-партнера – это перспектива развития своей экономики, перспектива добрососедства и поддержки в решении международных вопросов, и, наконец, для населения Китая – это перспектива личного и национального процветания и пр.

Система «мягкой силы» с китайской спецификой включает в себя ряд основных компонентов, которые в разное время играли разную по степени важности роль. В первую очередь, на современном этапе одним из таких ключевых компонентов является успешная экономическая модель. До недавнего времени

темпы экономического роста КНР составляли 10% и более, и несмотря на то, что на данный момент темпы роста ВВП заметно снизились, до 7,3% в 2014 г.¹, а по оценкам в 2015 г. они могут составить 6,9%, успех быстрого экономического развития заставляет многих восхищаться и стараться использовать китайский опыт в этой области. В 2000-х гг. к Пекину пришло осознание, что у него появился имидж, который он может продать за рубеж, так как на него стали равняться².

Успешную социальную модель в качестве одного из компонентов «мягкой силы» Китай пока не может использовать на международном уровне, так как до сих пор продолжает строить общество среднего достатка *сяокан* (小康), а уровень ВВП на душу населения, несмотря на заметный рост, все еще низкий. В 2012 г. он составлял 11400 тысяч долл., в 2013 г. – 12300 тыс долл., в 2014 г. – 13200 тыс долл.³ Китай занимает 118 строчку мирового рейтинга по этому показателю. Но успешная социальная модель может быть использована в качестве компонента внутренней «мягкой силы», несмотря на низкие количественные показатели по сравнению с другими странами, внутри Китая этот показатель все же растет, что теоретически говорит о повышении уровня жизни и благосостояния нации. К тому же согласно рейтингу Forbes в ТОП 100 миллиардеров мира в 2015 г. вошли 10 представителей Китая, включая бизнесменов Гонконга, т.е. 10% наиболее богатых людей – китайцы.⁴

Следующим важным компонентом механизма «мягкой силы» Китая являются культурно-цивилизационные ценности. Эта категория включает в себя длительность исторического развития китайской государственности, по разным оценкам от трех до пяти тысяч лет; философско-религиозное мировоззрение (конфуцианская этика, даосизм и буддизм); национальное достояние и традиции (национальное искусство, национальные праздники, национальная кухня, традиционная медицина, национальные боевые искусства).

К традиционным элементам добавляются и новые ценно-

стные установки, включая концепцию «китайской мечты». Экономическое чудо Китая еще выполняет роль «ведущего колеса» в механизме «мягкой силы», но его эффект постепенно угасает, что может привести к его полному вычленению из системы. Для этого необходим новый компонент, способный дать толчок развития «мягкой силе» КНР, и такой категорией должна стать «китайская мечта», основанная на культурно-цивилизационных ценностях Китая с учетом основных тенденций современности. По мнению российского синоведа А.В. Ломанова, «в этот непростой момент «китайская мечта» призвана сплотить китайское общество, придать людям уверенность в перспективах развития страны»⁵. При этом, как отмечает эксперт, «китайская мечта» не угрожает миру, а наоборот будет содействовать его процветанию. Прямую связь «мягкой силы» с понятием «китайской мечты» находит Чжао Лэй, фактически заявляя, что это и есть китайская система ценностей, которую следует проповедовать не только за рубежом, но и внутри страны.

В концепции «мягкой силы» Дж. Ная важное место в качестве ключевого звена занимает понятие политических ценностей. Применительно к китайской «мягкой силе» этот элемент имеет двоякое свойство. С одной стороны, китайская коммунистическая политическая система демонстрирует свою устойчивость на протяжении порядка 65 лет, но по мнению многих западных экспертов, является прямым ограничителем «мягкой силы» страны, так как не является приемлемой для европейских и североамериканских стран. Е.П. Бажанов полагает, что вряд ли весь остальной мир «возьмет на вооружение китайскую идеологию»⁷. Еще одним барьером для развития «мягкой силы» выступает, по мнению французского исследователя Б. Курмона, сама стратегия Пекина, которая зачастую предусматривает значительные инвестиции, совершенно не принимая во внимание вопрос прав человека и др.

Место политических ценностей в системе «мягкой силы» с

китайской спецификой занимают внешнеполитические принципы, а именно: соблюдение пяти принципов мирного сосуществования, продвижение образа мирной державы и медиатора международных споров, содействие мировому развитию, а также идея формирования многополярного мира.

Для работы всех компонентов системы «мягкой силы» Китай использует различные инструменты, их довольно много. Основными функциями инструментов «мягкой силы» КНР является демонстрация и продвижение компонентов: успешной экономической модели, успешной социальной модели, культурно-цивилизационных ценностей и внешнеполитических принципов.

Среди ключевых инструментов «успешной экономической модели» можно выделить инвестиции, товарооборот, объемы ВВП, продвижение в число мировых резервных валют национальной валюты, создание новых механизмов финансовой системы, интеграционные торговые проекты, китайские корпорации и новые бренды, а также содействие международному развитию.

Особо стоит отметить роль китайских компаний в продвижении позитивного имиджа Китая за рубежом. В рамках китайской стратегии «выхода во вне», в каждом пятилетнем плане четко прописывается, какой процент отечественных компаний должен выйти за рубеж. Китайские компании уже заняли свою нишу на мировом рынке и пытаются продвинуться дальше. В списке Forbes 2015 г. крупнейших публичных компаний четыре первые строчки занимают китайские банки: ICBC,

China Construction Bank, Agricultural Bank of China и Bank of China, в ТОП 10 этого рейтинга также входит нефтяная корпорация Petrochina⁸.

Китайские компании становятся не только брендом успешного экономического развития, но и, фактически, национальным достоянием. Так в 2014 г. выход на биржу корпорации электронной торговли Alibaba вызвал фурор у мировой общественности, компания установила новый рекорд, заработав при первичном размещении акций 25 млрд долл. Но этот случай примечателен не только этим, направление деятельности Alibaba (торговля товарами через онлайн платформу) демонстрирует инновационность КНР, а ее глава Ма Юнь стал «идолом» для коммерческих кругов не только Китая, но и всего мира. Успех его карьеры широко тиражируется, на территории КНР выпускаются книги о его профессиональном пути с советами начинающим бизнесменам. Ма Юнь фактически стал одним из новых брендов, которые Китай предложил миру. С выходом на глобальный рынок китайских корпораций на мировой арене появилось немало новых торговых марок, а отрицательное отношение к бирке «Made in China» постепенно стало уходить.

Становясь активным участником мировой торгово-финансовой системы, Китай выступает с инициативами, которые могут кардинально изменить существующий порядок в этой области, опирающийся на институты Бреттон-Вудса. При этом китайское руководство не только предлагает, но и реализует свои проекты. В 2014 г. при участии КНР был создан Банк развития БРИКС, в октябре того же года 22 азиатские страны подписали Меморандум о взаимопонимании по созданию Азиатского банка инфраструктурных инвестиций⁹. Тем не менее такого рода структуры призваны поддерживать и другие глобальные проекты Пекина, в том числе Экономический пояс Шелкового пути и Морской шелковый путь. В рамках программы «Один пояс – один путь» было подписано за 2015 г.

3987 различных подрядных контрактов на общую сумму 92, 64 млрд долл., что составляет 44,1% от общего числа всех таких контрактов Поднебесной¹⁰.

Инструментов для демонстрации успеха социальной модели пока немного, в первую очередь, потому что модель еще не до конца оформилась, и только прогноз относительно нее может создавать некий эффект «мягкой силы», а во-вторых, пока этот компонент в основном направлен на само китайской общество, нежели вовне. Но китайцы проживают не только внутри КНР, но и за ее пределами, а следовательно, еще одним инструментом становится связь с соотечественниками за рубежом. *Хуацяо* (华侨) представляют одну из многочисленных диаспор в мире и по официальным данным их насчитывается около 60 млн человек¹¹. Для поддержания тесных контактов с соотечественниками за рубежом был создан не только ряд специализированных структур в рамках Госсовета КНР, но и упрощенные правила для въезда в КНР, налоговые и финансовые льготы, что способствовало в 1990-х гг. притоку значительного капитала.¹² Китайское правительство старается расширять не только экономические, но и политические и культурные связи с эмигрантами. Тем не менее существует мнение, что расширение китайской диаспоры может вызвать уменьшение «мягкой силы» Китая из-за «международных противоречий» и распространения идеи о «желтой угрозе»¹³. Для того, чтобы этого не произошло, для лучшего понимания иностранцами Поднебесной и признания китайской идентичности необходимо усилить остальные компоненты «мягкой силы» Китая, в особенности культурно-цивилизационные ценности.

Компонент «культурно-цивилизационные ценности» фактически лежит в основе официальной политики, принятой Пекином, ввиду этого он имеет широкий ассортимент хорошо развитых инструментов. Среди них: распространение национального языка и культуры, туризм, организация крупномасштабных мероприятий, «пандовая дипломатия», культурная

индустрия, научно-образовательное сотрудничество, информационные технологии и СМИ. В плане 11-й пятилетки ему было уделено особое внимание. Впервые стало говориться о необходимости выхода вовне культурной индустрии, включая «совершенствование торговли культурой во вне и активное возвращение культурной индустрии, направленной за рубеж¹⁴». В частности говорилось, что о необходимости взаимодействия с зарубежными представителями кино и театра, выставками, издательствами и пр. Особо подчеркивалась необходимость проведения китайских традиционных праздников за рубежом, включая Китайский новый год, празднование образования КНР и др. При этом культура должна обязательно сочетаться с дипломатией, внешней торговлей и помощью, научно-техническим сотрудничеством, туризмом, спортом и другими направлениями¹⁵.

Следует отметить особую активность КНР в научной области. По данным на 2014 г. на исследования и разработки было потрачено 1,301 трлн юаней, что почти на 600 млрд юаней больше, чем в 2010 г.¹⁶ Результат научного сотрудничества Китая с другими странами можно проследить в следующем показателе – публикации китайских ученых в зарубежных журналах: в 2014 г. он составил 47032 публикации, в 2012 г. – 35173, а в 2010 г. – 26862¹⁷. В 2015 г. Нобелевскую премию по медицине получила китаянка Ту Юю за разработку лекарственного средства для лечения малярии¹⁸. Она стала не первой гражданкой КНР, кто был удостоен этой награды, в 2012 г. премия по литературе была вручена Мо Яню, а в 2010 г. премия мира за борьбу за права человека в Китае – диссиденту Лю Сяобо.

Всеобщее внимание иностранных объектов также привлекается за счет проведения различного рода мероприятий¹⁹ как двустороннего, так и международного характера: Олимпиада (Пекин, 2008 г.), выставки (Шанхай ЭКСПО, 2010 г.), а также различные взаимные годы, недели и дни – китайского языка, культуры, туризма, молодежных обменов и пр. Олимпиада в

Пекине в 2008 г. считается важным событием в области «мягкой силы» Китая, безусловно не основным элементом, но возможностью продемонстрировать всему миру то, чего страна добилась за предыдущие поколения²⁰. Китайскими исследователями отмечается, что Китай не только использовал шанс экспорта своей «мягкой силы» за рубеж во время подготовки к играм, но и осуществлял импорт иностранной «мягкой силы», в том числе американской. Пан Чжунъи даже употребляет термин «торговля мягкой силой» (*soft power trade*)²¹.

После Олимпиады 2008 г. поток туристов в Поднебесную возрос. В 2014 г. их общий поток составил, 128,49 млн человек, из них 26,36 млн человек – иностранцы.²²

По словам А.В. Ломанова, за годы двенадцатой пятилетки предполагалось «превратить культурную индустрию в одну из опор китайской экономики, ее доля в ВВП должна была составить 5%»²³. Этот показатель был почти достигнут, по стране он составляет 3,76%, в то время как в некоторых провинциях превзошел порог в 5% от ВВП²⁴. В новом пятилетнем плане также планируется особое внимание уделить культурной индустрии, чтобы повысить ее конкурентоспособность.

Для отражения «верной и позитивной» информации о Китае на территории зарубежных государств работают китайские теле-, радио-, печатные и электронные СМИ. В других странах осуществляют вещание CCTV, Международное радио Китая, на национальных языках работает информационное агентство Синьхуа. По данным Статистического бюро КНР, в 2014 г. увеличился экспорт китайских телевизионных программ и составил 21670 часов, что почти в два раза превышает аналогичный показатель за 2008 г.²⁵ Не отстает и китайская киноиндустрия, в крупнейшей международной базе данных кинофильмов числится 6037 фильмов, страна производства которых – Китай.²⁶ Последние несколько лет во многих голливудских блокбастерах играют китайские актеры, либо используются китайские локации, более того, американские кинопроизводи-

тели готовы выпускать специальные версии своих кинофильмов для китайской аудитории. В этом прослеживается упомянутая soft power trade.

Одну из особых ролей в реализации политики «мягкой силы» отводят на сегодняшний момент китайским Интернет-компаниям и их продукции. По данным ЦРУ, в 2014 г. КНР занимала первую строчку по количеству мобильных телефонов и интернет-пользователей, последних насчитывалось 626,6 млн человек²⁷. Социальные сети и мобильные сервисы китайского производства стали довольно популярны и за пределами страны. Однако на территории Поднебесной действует цензура как в СМИ, так и в Интернет-пространстве, что заметно тормозит развитие отрасли в мировых масштабах, а следовательно, и «мягкую силу»²⁸.

Ключевым компонентом политики «мягкой силы» являются «внешнеполитические принципы», которые начиная с середины 50-х годов выстраивает КНР. Китайскими властями формируется образ миротворческой державы-посредника, выступающей против гегемонии и однополярного мира. Демонстрация в положительном ключе внешнеполитических принципов невозможна без правильно подобранных и выверенных дипломатических методов и приемов. Дж. Курланцик отмечает, что за последние 20 лет Пекин особое внимание уделяет воспитанию молодых дипломатических кадров, и приводит статистику, что в 2005 г. возраст половины дипломатов был моложе 35 лет²⁹.

Таким образом, основной целью китайской политики «мягкой силы» является создание привлекательного образа, который будет способствовать постепенному и планомерному развитию КНР, а ее ключевыми задачами являются:

- 1) Усилить роль и укрепить свое положение на международной арене;
- 2) Принимать активное участие в продвижении инновационных проектов в рамках международного сотрудничества;

3) Содействовать развитию идеи «китайских возможностей» и избавлению от идеи «китайской угрозы»;

4) Продвигать новую систему китайских ценностей с элементами традиционализма;

5) Поддерживать функционирование действующих инструментов «мягкой силы»;

6) Способствовать реализации идей единства и консолидации китайской нации для разрешения проблем сепаратизма, экстремизма и терроризма.

Представляется возможным так сформулировать определение «мягкой силы» с китайской спецификой – это способность субъекта, основанная на привлекательности перспективы, которую субъект намеренно культивирует и развивает при помощи различных инструментов, и которая позволяет заставить объект действовать в интересах субъекта.

¹ The World Factbook. Central Intelligence Agency//

² <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ch.html>

³ *J. Kurlantzick*, Charm offensive: how China's soft power is transforming the world, Yale University, 2007.

⁴ The World Factbook. Central Intelligence Agency//

⁵ <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ch.html>

⁶ The World's Billionaires// <http://www.forbes.com/billionaires/list/#version:static>

⁷ *Ломанов А.В.* «Китайская мечта», как идеологический символ руководства Си Цзиньпина// Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура – 65-летию КНР. М.: Форум, 2014. С.42

⁸ 赵磊认识软实力 <http://dangjian.people.com.cn/n/2014/0527/c117092-25071822-5.html>

⁹ *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Многополюсный мир. М.: Восток-Запад, 2010. С.9.

¹⁰ The World's Biggest Public Companies//

¹¹ <http://www.forbes.com/global2000/list/#country:China>

¹² What is the Asian Infrastructure Investment Bank?//

¹³ <http://www.aiib.org/html/aboutus/AIIB/>

¹⁴ 2015 нянь юй “идай илу” сягуань гоця цзинмао хэ цзоцинкуан. Цзоучуюй. Гунгун фуу пинтай. [Торгово-экономическое сотрудничество стран, задействованных в программе «Один пояс – один путь» в 2015 г. Общественная платформа услуг «Выйти во вне»].URL:

<http://fec.mofcom.gov.cn/article/fwydy/tjsj/201601/20160101239838.shtml> (дата

-
- 11 обращения 12.03.2016)
12 中国向主要发达国家移民人数保持稳定//
<http://world.people.com.cn/n/2015/0319/c1002-26719369.html>
13 *Михневич С.В.* Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая//Вестник Международных Организаций. Т. 9. No 2 (2014). С.121
14 Там же. С.122
15 中国将完善对外文化贸易制度积极培育外向型文化企业
[//http://news.xinhuanet.com/politics/2006-09/13/content_5087242.htm](http://news.xinhuanet.com/politics/2006-09/13/content_5087242.htm)
16 Там же.
17 国家数据// <http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01&zb=A0201&sj=2014>
18 国家数据// <http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01>
19 Нобелевская премия по медицине присуждена за борьбу с паразитами и малярией//<http://www.interfax.ru/world/471174>
Кухаренко Н.В., Кухаренко С.В. Институты Конфуция как инструмент политики «мягкой силы» КНР//Современный Китай и его окружение, М.: КРАСАНД, 2015. С. 176
20 *Pang Zhongying.* The Beijing Olympics and China's Soft Power
[//http://www.brookings.edu/research/opinions/2008/09/04-olympics-pang](http://www.brookings.edu/research/opinions/2008/09/04-olympics-pang)
21 Ibid.
22 国家数据// <http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01&zb=A0201&sj=2014>
Борох О.Н., Ломанов А.В. От «мягкой силы» к «культурному могуществу». Китай ищет свой путь повышения международного влияния // Россия в глобальной политике, Том 10 • по 4 • июль – август • 2012, С. 54-67, С. 65
23 十三五规划: 文化产业成国民经济支柱性产业//
<http://www.njculture.net/index.php?m=content&c=index&a=show&catid=12&id=3074>
24 国家数据//
<http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01&zb=A0201&sj=2014>
25 Most Popular Titles With Country of Origin
China//<http://www.imdb.com/search/title?countries=cn&sort=moviemeter,asc>
26 The World Factbook. East & Southeast Asia: China//
<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ch.html>
27 *Jason Q. Ng* Going Global. World Policy Journal, 2014, p.20-24.
28 *J. Kurlantzick,* Charm offensive: how China's soft power is transforming the world, Yale University, 2007, p. 65

Некоторые особенности и перспективы отношений России и Китая в контексте проблем глобального мироустройства

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые современные явления и процессы и перспективные тенденции генезиса и эволюции международных отношений нового типа (МОНТ) России и Китая в контексте проблем нынешней глобализации и в плане потенциального формирования нового оптимального мироустройства (НОМ). Практическим выражением этих явлений, процессов и тенденций может стать комплекс двусторонних и многосторонних договоров о МОНТ с участием России, Китая, Индии и других прогрессивных геоцентров.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, центры силы, мироустройство, глобализация, добрососедство.

Россия и КНР на рубеже XX–XXI вв. переживают этап кардинальных внутренних реформ и принципиальных изменений в геополитике, а также в двусторонних отношениях. Благодаря комплексу объективных и субъективных факторов сначала высшее руководство наших стран, а затем и наши народы в начале нового тысячелетия вышли на совершенно новые рубежи взаимоотношений.

В 2002 г. председатель КНР и генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь дал следующую характеристику основных принципов российско-китайских отношений в начале XXI в.:

- 1) это отношения исключительно дружбы и взаимодействия, но не отношения союза;
- 2) между Китаем и Россией существует новый тип межгосударственных связей – партнёрские, а не союзнические отношения;
- 3) для наших отношений характерен отказ от направленности против третьих стран;

4) наши страны никогда не должны быть врагами, но должны вечно быть добрыми соседями, добрыми друзьями, добрыми партнёрами (3).

По существу эти принципы взаимоотношений РФ и КНР были закреплены в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве РФ и КНР со сроком действия 20 лет, подписанном в Москве 16 июля 2001 г. Очень важно, что в самом названии Московского договора есть слово «добрососедство», т.е. «доброе соседство» наших держав. Впоследствии эти же принципы как основу современных российско-китайских отношений неоднократно подтверждали Президенты РФ В.В. Путин и Д.А. Медведев и высшие руководители КНР и КПК Ху Цзиньтао и Си Цзиньпин (в т.ч. в ходе своего первого после прихода к власти в КПК и КНР зарубежного визита в РФ в марте 2013 г.) и другие высокие руководители наших стран (4).

В статье с показательным названием «Россия-Китай: партнёрство, открывающее будущее», министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, резюмируя историческую динамику отношений РФ и КНР, отмечал: «Тот факт, что Россия стала первой страной в мире, признавшей новый Китай, предопределил особый характер взаимоотношений двух великих соседних государств. Пройдя длительный и непростой путь, вобрав в себя всё лучшее из традиций дружбы и сотрудничества предшествующих поколений, российско-китайские отношения вышли на качественно новый уровень – всестороннего партнёрства и стратегического взаимодействия. Двум странам и народам удалось, используя меткое выражение архитектора китайских реформ Дэн Сяопина, “закрыть прошлое и открыть будущее”. По-настоящему историческими можно назвать два крупнейших достижения последнего времени – подписание 16 июля 2001 г. межгосударственного Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве и успешное урегулирование пограничной проблемы. Сегодня можно с полным основанием сказать, что партнёрству России и Китая, базирующемуся на понимании

национальных интересов и пользующемуся широкой общественной поддержкой, нет альтернативы, поступательное движение российско-китайских отношений невозможно повернуть вспять» (5).

Движение навстречу друг другу весомо подтверждают акции, связанные с реализацией Планов совместных мероприятий России в Китае по практическому выполнению положений договора 2001 г. В качестве продолжения этого курса, возможно, следовало бы подумать и о проведении Пятилетия российско-китайской дружбы (и/или российско-китайско-индийской дружбы) в 2016–2020 гг., а затем, возможно, и Десятилетия российско-китайской (российско-китайско-индийской) дружбы. Итогом этих мероприятий на повестку дня российско-китайских и, шире, евразийских международных отношений может стать вопрос о трансформации Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве России и Китая (*со сроком действия 2001–2020 гг.*) в *Договор о международных отношениях нового типа (МОНТ) на долгосрочную историческую перспективу* в двустороннем (или трехсторонем) формате.

В последние годы издана целая серия научных трудов по тематике российско-китайских отношений, их истории и перспективам развития, в т.ч. с позиций теории постинформационизма (6). При этом официальная позиция ряда ведущих российских китаеведов сводилась к констатации «российско-китайское сотрудничество и стратегическое партнёрство как важный фактор стабильности и безопасности в АТР, экономического соразвития и межцивилизационного диалога» (7) с последующим (с 2011 г.) дополнением в виде формулы «всеобъемлющее стратегическое взаимодействие и партнёрство» РФ и КНР.

Расширяющееся стратегическое партнерство России и Китая, так же как активно развивающийся в последние годы треугольник Россия – Индия – Китай, а также ШОС и БРИКС, справедливо рассматривается многими отечественными китае-

ведами как «не блок, а система партнерства в интересах развития и мира» (8). В ряде публикаций (например, А.Г. Яковлева) звучит предупреждение о надвигающейся схватке между, с одной стороны, гегемонизмом Запада и, с другой стороны, остальным миром («не-Западом») и о настоятельной необходимости для «не-Запада» всемерно готовиться к ней.

Бывший заместитель Председателя Совета Федерации РФ М.Е. Николаев в своей книге «Россия – Китай: от разногласий прошлого к гармоничному будущему» отметил, что в условиях глобального роста новых угроз и опасностей «идеологии, религии, политические доктрины должны объединять... народы и государства» (10). «Для создания гармоничного будущего обеих стран... Россия и Китай должны стать державами с общими интересами, способными влиять на современное мироустройство. Стратегическое партнерство наших стран опирается не на мощь стратегических вооружений, а на дружбу народов, прошедшую суровые испытания. Её не смогли разрушить ни идеологические и политические разногласия, ни экономические противоречия. В основе нашей дружбы лежит духовность, позволившая сохранить особенности национальных характеров народов России и Китая, память о совместных добрых делах, стремление к единому и гармоничному миру. Историческая ситуация предоставляет нам *уникальный шанс создать новую модель взаимодействия государств и народов* (курсив авт.), и мы должны его не упустить, ведь от этого зависит благополучие и будущее России и Китая» (11).

Данный проект ориентируется на многостороннюю дипломатию «с положительной суммой для всех». Разумеется, он представляет собой своего рода «программу-максимум», к реализации которой нужно стремиться посредством осуществления ряда комплексных «программ-минимумов».

Взаимоотношения России и Китая в современную эпоху по своему значению выходят далеко за рамки их национальных границ. Как писал еще в эпоху индустриальной революции К.

Маркс, Азиатско-Тихоокеанский регион «будет играть такую же роль, какую теперь играет Атлантический океан, а в древности и в средние века Средиземное море» (12).

Руководством Римского клуба комплекс современных изменений в науке, технике, экономике, политике, культуре и других сферах жизни человеческого общества был назван Первой Глобальной Революцией. Как отмечал генеральный секретарь этой международной неправительственной организации Бертран Шнайдер, «члены Римского клуба убеждены, что находятся на ранних стадиях формирования нового типа мирового сообщества. Взрывной рост численности населения в странах Юга, возможность кардинальных изменений в мировом климате, надежность глобальной системы обеспечения продовольствием, сомнения в достаточности энергетических ресурсов, влияние новых технологий на общество и глубокие перемены в геополитической ситуации – все эти факторы взаимодействуют друг с другом в сложном контексте глобальной проблематики. Мы считаем, что размах происходящих перемен равносителен коренной революции мирового масштаба» (13).

Помимо вышеуказанных глобальных проблем, в последнее время на повестку дня всё более явно стал выходить вопрос о необходимости скорейшего урегулирования комплекса универсальных проблем, включая вопросы обеспечения вечного всеобъемлющего мира. Нынешние волны перемен общецивилизационного масштаба непосредственно касаются всех членов международного сообщества. При этом особая ответственность за судьбы мировой цивилизации лежит на крупнейших геополитических центрах современного мира.

Человечество имеет достаточно оснований для того, чтобы с оптимизмом смотреть в будущее. Как отмечалось в этой связи в Ганноверской декларации Римского клуба, «стоящий перед человечеством выбор ясен: будущее будет мрачным, если мы позволим ему быть мрачным, оно будет светлым, если мы постараемся сделать его светлым. Движущее Римским клубом

чувство ответственности позволяет нам предсказать, что человечество может успешно бороться за лучшее и даже блестящее будущее. Человек обладает огромным запасом нетронутых ресурсов, которые дадут возможность понимать и предвидеть, заниматься творчеством и мобилизовать моральные силы... Если использовать этот потенциал, он позволит совершить культурную революцию, необходимую для построения будущего, в котором нам хотелось бы жить» (14). Успех этой борьбы человечества во многом зависит от дипломатии крупнейших государств Евразии – России, Китая и Индии.

Перефразируя известные суждения основоположников научного коммунизма (15), можно сказать: истинно добрые нормы отношений между людьми должны стать определяющими нормами истинно добрых международных и вообще общественных отношений. В этом контексте межгосударственные, международные и межцивилизационные отношения нового типа между Россией и Китаем строятся на фундаменте многопланового исторического взаимодействия народов наших стран.

После образования 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики отношения КНР и СССР прошли сложный путь, который можно условно определить как «четыре десятилетия – четыре политики»: 1) братская дружба в 1950-е гг.; 2) кризис и конфронтация в 1960–1970 гг.; 3) «осторожное наведение мостов» в 1980-е гг.; 4) нормализация и последующее развитие после встречи М.С.Горбачёва и Дэн Сяопина в Пекине в мае 1989 г. После известных событий, связанных с дезинтеграцией СССР в 1991 г., постсоветская Россия и КНР на рубеже XX–XXI вв. переживают этап сложнейших внутренних реформ и принципиальных изменений в геополитике и в масштабе двусторонних взаимоотношений.

Реальной стартовой базой российско-китайских отношений в начале нынешнего века были феномен «российско-китайское сотрудничество и стратегическое партнёрство как

важный фактор стабильности и безопасности в АТР, экономического соразвития и межцивилизационного диалога», а позднее (с 2011 г.) – формула «всеобъемлющее стратегическое взаимодействие и партнёрство» и др.

Последовательно расширяющееся и углубляющееся стратегическое партнерство России и Китая и так же активно развивающийся в последние годы новый «треугольник» Россия – Индия – Китай (РИК), ШОС и БРИКС справедливо рассматриваются отечественными и многими зарубежными учёными как «не блок, а система партнерства в интересах развития и мира».

В начале 2010-х гг. взаимодействие РФ и КНР, согласно официальным оценкам высших и высоких руководителей наших стран, приобрело «особый, стратегический характер». Такая оценка была дана Президентом РФ В.В. Путиным в заявлении для прессы по итогам российско-китайских переговоров на высшем уровне в Москве 22 марта 2013 г. (18) Тогда же Председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул «высокий уровень и особый характер китайско-российских отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия» (19). В тот же день на церемонии открытия Года китайского туризма в России В.В. Путин констатировал наличие между РФ и КНР «особых, стратегических отношений» (20).

С одной стороны, российско-китайские отношения исходно основаны на соблюдении обеими сторонами десяти универсальных принципов «мирного сосуществования» современных государств: 1) соблюдение суверенного равенства; 2) взаимный отказ от применения силы и угрозы силой; 3) нерушимость границ; 4) территориальная целостность государств; 5) мирное решение споров; 6) невмешательство во внутренние дела; 7) уважение прав человека и основных свобод (и, добавим, обязанностей человека); 8) равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой; 9) сотрудничество между государствами; 10) добросовестное выполнение обязательств, вытекающих из общепризнанных норм международного права.

С другой стороны, помимо системы универсальных принципов мирного сосуществования, эти отношения основаны одновременно на комплексе принципов добрососедства, дружбы, сотрудничества, равноправного доверительного партнёрства и стратегического взаимодействия.

В самом начале XXI в. динамика развития российско-китайских отношений определялась приоритетностью внутренних структурных реформ и обеспечения мирной внешней среды. Однако после 2008 г. указанное положение стало меняться. После прихода к власти в КПК и КНР в 2012–2013 гг. пятого поколения руководителей во главе с Си Цзиньпином в Китае были сформулированы концепция «китайской мечты о великом возрождении китайской нации» и некоторые неофициальные проекты «мира по-китайски». В результате возникновения в 2014 г. мирополитического кризиса прежние тенденции глобального «перехода от геополитики к геоэкономике», как минимум, замедлились. Именно Россия и Китай могут сыграть ключевую роль в обеспечении перехода от «конфликта цивилизаций» к симфонии культурно-цивилизационных организаций и институтов, поскольку для их отношений характерен отказ от направленности против третьих стран.

С точки зрения широкой исторической перспективы, наши страны «обречены» на то или иное участие в формировании союза нового типа в виде коалиции за совместное выживание и устойчивое развитие человечества. Конкретные направления, пути, формы и методы формирования и деятельности этой коалиции определит сама жизнь, как, например, в случае с формированием «глобальной антитеррористической коалиции».

Между РФ и КНР уже сформировался новый тип межгосударственных связей – партнёрские, а не союзнические (в классическом военно-блоковом виде). В рамках многосторонней дипломатии российско-китайские отношения ориентированы не на созидание классического иерархического замкнутого военно-политического союза, а на принципы формирования плю-

ралистического сообщества безопасности (типа теоретического принципа «cooperative security» – «кооперационная безопасность» или «безопасность через сотрудничество»).

Вместе с тем представляется, что имеет серьёзные перспективы и оборонно-стратегическое, и оборонно-промышленное сотрудничество наших стран как в двустороннем формате, так и в рамках ШОС, РИК, БРИКС и др. В этой связи представляется, что именно Россия и Китай, уже концептуально и практически апробировавшие нормы добрососедства в своих двусторонних отношениях, могут стать (совместно с Индией и некоторыми другими странами) особенно активными и влиятельными инициаторами воплощения идей нового подлинно справедливого миропорядка.

Список литературы

1. Основы мирогармонии Добра... / Колл. авт.: *К.А. Андреев* и др. М., 1981-2015.
2. Там же.
3. Цзян Цзэминь лунь Чжунго тэсэ шэхойчжуи «чжуань ти чжай бянь» / Чжун Гунн Чжунъян вэньсянь яньцзюши бянь (Цзян Цзэминь о социализме с китайской спецификой. Сборник высказываний по темам) / Сост. Кабинетом ЦК КПК по изучению документов. Пекин, 2002. С. 520. (Цит. по: *Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай – Россия – 2050: стратегия соразвития. М., 2006. С. 567).
4. См., например: официальный сайт президента Российской Федерации В.В. Путина (<http://www.president.kremlin.ru>) и др.
5. *Лавров С.В.* Россия – Китай: партнёрство, открывающее будущее. Статья Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова, опубликованная агентством «Синьхуа» 12 октября 2004 г. (Цит. по: Официальный сайт Посольства России в Китае в сети «Интернет» - <http://www.russia.org.cn/>).
6. Концепция постинформационного (биоэкономического и т.д.) пути развития цивилизации уже рассмотрена в ряде научных трудов. См., например: *Меркулов К.К.* Путь России к постинформационизму. О концепции Спасения и Возрождения России и нового Союзного государства // *Обозреватель*. 2003 г. № 9. С. 95-103.
7. Российско-китайские отношения: состояние, перспективы // Рук. проекта *М.Л. Титаренко*; отв. ред. *В.И. Шабалин*. М., 2005. С. 2.
8. Там же. С. 190-204.
9. См., например: *Яковлев А.Г.* Россия, Китай и мир // Ред.-сост. *Б.Т. Кулик*. М., 2002. С. 8.
10. *Николаев М.Е.* Россия - Китай: от разногласий прошлого к гармоничному

- будущему. М., 2000. С. 100.
11. Там же. С. 103.
 12. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. Т. 7, С. 233.
 13. Римский клуб / Сост. Д.М. Гвишиани и др. М., 1997. С. 17.
 14. Там же. С. 302.
 15. *Маркс К., Энгельс Ф.* Учредительный манифест Международного товарищества рабочих (1864 г.) / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 11.
 16. *Вернадский В.И.* Размышления натуралиста: научная мысль как планетное явление. М., 1977. С. 24.
 17. См. Новый Завет. 1-е Коринф. 15: 12-28; и др.
 18. pda.kremlin.ru/transcripts/17728
 19. Там же.
 20. Президент России. – Новости. 22 марта 2013 г., 22:30. – Москва, Кремль. – news.kremlin.ru/news/17730.

14. Балакин В.И.
ИДВ РАН

Японские эксперты о политической стратегии руководства КНР по совершенствованию управления китайскими вооруженными силами

Аннотация. Китайские вооруженные силы являются для руководства КНР важнейшей гарантией сохранения существующей системы государственной власти. Нарастание экономической турбулентности в мире заставляет китайские политические элиты непрерывно лавировать и искать различные варианты обеспечения собственных узких интересов. По сути дела единственной реальной силой в Китае, способной встать над любой серьезной схваткой за власть, остаются вооруженные силы. Именно этим объясняется возросшая в последнее время активность Председателя КНР Си Цзиньпина, направленная на формирование эффективной системы управления политическими рисками, в рамках которой выстраивается жесткая вертикаль контроля за высшим командным составом вооруженных сил, предусматривающая механизмы персональной ответственности перед верховным главнокомандующим. Главным из этих механизмов вновь становится старый, добрый принцип личной преданности.

Ключевые слова: вооруженные силы КНР, совершенство-

вание управления, политическая стратегия, руководство КНР, принцип личной преданности.

Постоянное совершенствование системы управления вооруженными силами КНР представляет собой важнейший политический процесс, стимулируемый китайским руководством в интересах усиления контроля ЦК КПК над всеми силовыми ресурсами. Главной составляющей данного ресурса называется Народно-освободительная армия Китая (НОАК), бюджетные расходы на которую никогда не сокращаются, а лишь концентрируются на ключевых направлениях военной политики. Так, за счет перераспределения средств в ближайшие годы заметно возрастет финансирование Военно-морского флота и Военно-воздушных сил КНР. Перераспределение финансовых ресурсов является лишь малой частью намеченных структурных изменений, главное же китайскому руководству предстоит сделать в сфере реформирования уже устоявшихся институтов, которые верой и правдой служили КПК с момента образования КНР. Реформы ожидаются весьма масштабные и, судя по всему, будут иметь целью укрепление политической составляющей в деятельности вооруженных сил, как ее понимает нынешнее китайское руководство. Японские специалисты акцентируют внимание на изменениях, которые планируется внести в статус нынешнего Главного политического управления НОАК, функции которого приобретают определяющий характер и будут сводиться к кардинальному обновлению личного состава кадровой службы, полному обособлению внутриармейского правосудия, существенному расширению спектра задач военной службы безопасности (контрразведка), формированию собственной службы внешней разведки [Iizuka, Keiko (2015):110-113].

Японские специалисты практически единодушно высказываются о значительном воздействии на интенсификацию руководством КНР усилий по реформированию китайских вооруженных сил успешной модернизации военной сферы в России-

ской Федерации. Особая активность в военных кругах Китая наблюдается в направлении ускоренного создания океанского флота, который видится не столько как элемент великодержавного престижа, сколько как средство экономического и политического выживания. После развала СССР Китай лишился серьезного противника на суше. Китайские границы с Индией, странами Индокитая и государствами Центральной Азии проходят по труднопроходимым естественным рубежам и не могут стимулировать Пекин к агрессивным действиям [*Nakamura, Hiroshi* (2014):5]. При этом необходимо учитывать еще один важный геополитический фактор – Китай превратился в крупнейшую торговую державу мира исключительно благодаря тому, что китайский экспорт осуществляется главным образом по морю.

Политические интересы Китая в XXI в. вышли за рамки государственных границ данной страны и это привело Пекин к необходимости формулирования новой доктрины под названием «определение стратегических рубежей китайского жизненного пространства». Это не что иное, как создание собственной сферы влияния на основе наращивания комплексной мощи китайского государства. Очевидно, КНР будет активно расширять сферу своего влияния до геополитических рубежей, которые он сможет реально защитить [*Inoue, Kiyoshi* (2014):45-46]. Сегодня существующие внешнеполитические факторы характеризуются стремлением Китая нормализовать отношения с сопредельными странами на собственных условиях, что, правда, не относится к динамично развивающимся китайско-российским отношениям «равноправного партнерства». Добиться равноправного партнерства с другими ведущими державами мира китайское руководство пытается не в последнюю очередь через активное реформирование национальных вооруженных сил, делая ставку на повышение их боевой мощи.

Реформируя свои вооруженные силы, Китай сегодня следует, прежде всего, в качестве основной цели предотвраще-

ние нарастающей угрозы со стороны США. Особую тревогу в Пекине вызывает изменение ситуации на Тайване, где произошла смена власти, реанимировавшая ушедшую было в прошлое идею о независимости острова и создания полноценного тайваньского государства [*Yamamoto, Tetsuo* (2015):2]. И хотя Вашингтон напрямую не педалирует тайваньский вопрос, в китайском руководстве крепнет убежденность, что активизация политических усилий Японии в поддержку тайваньского сепаратизма в значительной степени опирается на американскую дипломатическую и военную поддержку. В японских исследовательских кругах впервые за последние годы снова появились дискуссии о необходимости разработки новых конкретных планов по противодействию возможному массированному вторжению вооруженных сил КНР на Тайвань. Вряд ли это носит случайный характер, поскольку китайская совокупная национальная мощь значительно выросла за последние годы и американо-японский военно-политический альянс должен на это адекватно реагировать, особенно на фоне постоянно растущего уровня конфронтации между НАТО и Россией в Европе и на Ближнем Востоке.

В Японии указывают на два основополагающих фактора, заставляющих Токи постоянно следить за реформированием китайских вооруженных сил: во-первых, обращает на себя внимание быстрый рост военных расходов КНР и, во-вторых, беспокоит скрытый характер модернизации НОАК, не позволяющий предугадать конкретные намерения китайского руководства, явно стремящегося обеспечить зону доминирования Поднебесной в исторически традиционных для нее районах восточноазиатского региона [*Tanaka, Hitoshi* (2015):4]. Токи также настораживает осознанная, по его мнению, закрытость Пекина в таком важнейшем вопросе как реальная готовность или неготовность при определенных условиях применить китайские вооруженные силы за границей. Учитывая устойчивое вызревание предпосылок для внезапного возникновения гло-

бального конфликта между США и Россией, Япония заинтересована точно знать, какую позицию в складывающихся условиях займет КНР. Традиционно Китай всегда терпеливо ожидал развязки любых осложнений в отношениях между великими державами и практически немедленно вступал в урегулирование конфликта на стороне победителя, пытаясь при этом присвоить себе хотя бы часть бесхозных активов потерпевшего поражение. Исходя из названной логики, японские эксперты оценивают в качестве наиболее вероятной ставку китайского руководства на значительное усиление мобильной составляющей в ходе оперативных действий военно-морских и военно-воздушных сил НОАК по всему периметру границ КНР.

Опорой внутренней стабильности Китая продолжает оставаться стабильный экономический рост, который можно обеспечить лишь за счет постоянного наращивания экспортного потенциала. Последний формируется не только и не столько путем инновационного совершенствования национальной экономики, сколько в результате завоевания новых внешних рынков сбыта, а также защиты их от потенциальных конкурентов. Для КНР таковыми сегодня являются Индия и Вьетнам, чья внешнеэкономическая стратегия также опирается на наращивание экспорта, причем в значительной мере на те же зарубежные рынки, за которые бьется Китай. Фактически все японские эксперты сходятся во мнении, что в обозримой перспективе Пекин вынужден будет подкреплять свою внешнеэкономическую стратегию силовой компонентой как в опосредствованном, так и в непосредственном варианте. Сделать свою внешнюю политику более наступательной Китай не сможет без весомой дополнительной аргументации в виде наращивания национального военного потенциала и примером для КНР в данном вопросе служат успешные действия РФ на Ближнем Востоке [*Matsumura, Masahiro* (2015):15].

Модернизация Китая своих вооруженных сил ставит перед Японией неприятную геополитическую проблему, решать

которую ей придется в безусловном порядке, исходя из объективных предпосылок, формирующихся под воздействием кардинальных изменений в американо-китайских отношениях. США и КНР как два мощных фактора, определяющих восточноазиатскую региональную структуру безопасности и стабильности, выдвигают перед Токио сложный выбор, суть которого сводится к дилемме принципиального определения дальнейшей парадигмы национального развития на ближайшее десятилетие. В связи с этим в японской региональной стратегии безопасности уже наметился явный сдвиг, правда, пока еще не совсем понятно, в каком направлении, но вполне очевидно, что под мощным воздействием растущей комплексной военной мощи Китая. Влияние китайского военного фактора заметно изменит ситуацию в Восточной Азии и сформирует противовес сложившемуся доминированию США, но в то же время вызовет у Вашингтона серьезные опасения насчет потенциальной вероятности возникновения «кошмара» под названием китайско-российский военно-политический альянс [*Takenaka, Kiyoshi* (2014):21-34]. Однако самым негативным сценарием для Японии в данном случае может стать возникновение подавляющего военного доминирования КНР в восточноазиатском регионе на фоне неуклонно слабеющей военной мощи США.

В современной стратегии китайского руководства приоритетное место занимает превращение вооруженных сил страны не только в эффективный инструмент внутренней политики в самом широком смысле этого слова, но и во внешнеполитическое средство достижения важнейших национальных целей на региональном и глобальном уровнях. Подобный подход КНР к собственному военному фактору постепенно начинает вызывать серьезные озабоченности в соседних государствах, особенно это касается Японии. Подтверждение можно обнаружить в самороспуске некогда достаточно мощной прокитайской группировки внутри правящей Либерально-демократической партии (ЛДП), что, по мнению японских экспертов, свидетель-

ствует о заметном нарастании антикитайских настроений в японском обществе и реанимации поутихших было националистических предубеждений в отношении Китая [*Nagao, Satoru* (2015):102]. Более того, конкретные вызовы Китая в сторону Японии заставляют другие страны Восточной и Южной Азии предпринимать меры по наращиванию собственной обороноспособности. Достаточно наглядным примером в данном случае может служить Индия, которая открыто и весьма благосклонно в последнее время относится к развитию военных связей с Японией, углубляя сотрудничество в ходе координации двусторонних оборонных программ.

Для КНР японо-индийское сближение в военной сфере может стать весьма тревожным признаком того, что китайские пропагандистские усилия по дискредитации «возрождающегося японского милитаризма» окажутся в итоге тщетными. Острота проблемы усугубляется еще и тем, что Индия не одинока в своем стремлении отстроить некую систему сдерживания Китая, ее примеру, скорее всего, последует Вьетнам, а последние внутривосточные изменения подвигнут новое правительство на Тайване еще активнее искать тесных взаимоотношений с Японией, Индией и Вьетнамом, которые позволили бы заметно оживить было угасшую идею тайваньской независимости [*Fukuya, Takeo* (2015):6]. В результате складывается достаточно оригинальная ситуация, когда восточноазиатская региональная система безопасности оказывается уязвимой не столько в результате китайско-американских противоречий, сколько под воздействием политических устремлений региональных и около региональных игроков, таких как Индия. Таким образом, под реальную угрозу нестабильности ставится сложившийся в Восточной Азии геополитический порядок, когда восточноазиатским странам приходится выбирать между выгодами экономического сотрудничества с КНР и растущими опасениями в отношении китайского доминирования. Китайско-японское соперничество за лидерство в Восточной Азии

носит цивилизационный характер и не может быть сглажено, даже если США задействуют все свои возможности. Поскольку все региональные игроки это хорошо понимают, они вряд ли станут ждать развязки, предпочтя заранее перейти на выгодную с точки зрения каждого регионального государства сторону.

С учетом реального соотношения сил в военной сфере Япония в противостоянии с Китаем логично выбрала инновационное направление конкуренции, создавая объективные условия для привлечения на свою сторону развивающихся экономик Восточной Азии [*Sahashi, Ryo* (2014):4]. Сегодня просматривается отчетливая тенденция разделения восточноазиатского региона по долгосрочным экономическим интересам, исходя из которых региональные государства выберут путь дальнейшего развития. Непредсказуемой вырисовывается военная составляющая этого развития, поскольку каждая страна безусловно будет внимательно следить за результатами китайско-японского соперничества, вряд ли когда уже способного зайти слишком далеко с учетом инстинктивных опасений Пекина и Токио реально и окончательно утратить перспективу государственного развития, открывшуюся после Второй мировой войны. Ни Китай, ни Япония внутренне не готовы обострять до предела двусторонние взаимоотношения, опасаясь, прежде всего, полного отсутствия ясности с итоговым результатом. Складывается впечатление, что затеянное китайским руководством реформирование вооруженных сил КНР имеет своей основной целью объективно необходимую гармонизацию расходов на оборону, опасаясь вступления экономики Китая в полосу долгосрочной нестабильности.

Начиная с 2012 г. Председатель КНР Си Цзиньпин стал активно продвигать в своей внутренней политике тезис об исключительной важности роли НОАК в стабильном и предсказуемом развитии китайского государства. В отличие от других стран вооруженные силы Китая заметно политизированные,

именно за счет этого КПК удается осуществлять над ними эффективный контроль. Китайское руководство извлекло серьезные уроки из развала СССР, особенно в смысле предотвращения проникновения в вооруженных силах оппозиционных идеологий и их носителей, а также построения НОАК на жестких принципах единоначалия и полной политической лояльности КПК. Особую роль в НОАК играет переплетение функциональных взаимоотношений территориальных военных подразделений с местными органами власти, происходит это через структуры КПК на провинциальном уровне. В данной связи закрадывается сомнение в будущей эффективности управленческих преобразований вооруженных сил КНР, так как реформирование призвано согласно планам китайского руководства привести к некой их оптимизации и переориентации на преимущественное занятие боевой подготовкой. Однако сделать это будет крайне трудно из-за открытого и скрытого сопротивления военнослужащих, предпочитающих заниматься решением хозяйственных задач [*Miyauchi, Teiichi* (2015):185].

В Пекине понимают, что подобный вариант осуществления оборонной доктрины не имеет ничего общего с современным стратегическим планированием, поскольку имеет своими истоками знаменитое предостережение Дэн Сяопина – «не высовываться». Но сегодняшний мир кардинально изменился, и в любой стране вооруженные силы должны «знать свой маневр» как во времени, так и в пространстве. Согласно японским оценкам, стратегическое планирование в вооруженных силах КНР сосредоточено преимущественно на тайваньском направлении, практически не учитывая новые геополитические угрозы. Старые догмы играют «злую шутку» с деятельностью генерального штаба НОАК, вынуждая его детально согласовывать практически все военные планы с большим количеством гражданских министерств и ведомств, что приводит к ситуации, когда востребованы не обладающие специальными военными навыками офицеры, а специалисты по улаживанию бюрократии.

тических процедур. В таких условиях в НОАК на крайне низком уровне находится глобальное кризисное планирование, вследствие чего постоянно возникают проблемы запоздалой реакции на события, напрямую затрагивающие стратегические интересы Китая в сфере безопасности [Inoue, Masataka (2015):4]. Названное положение вещей стало вызывать серьезную тревогу еще в период правления предыдущего Председателя КНР Ху Цзиньтао, который провозгласил доктрину «новых исторических решений» (新的历史使命), имея ввиду выход Китая на глобальный уровень политики.

Совершенно очевидно, что такая политика нуждается в серьезном силовом подкреплении и именно в этой связи нынешнее китайское руководство ускорило разработку мер реформирования вооруженных сил КНР. Уже существует общий модернизационный план повышения боеспособности НОАК, опирающийся на систему мер по выявлению слабых мест в мобилизационной готовности на случай ведения боевых действий высокой интенсивности как внутри страны, так и за ее пределами. Но у НОАК нет практического опыта ведения боевых действий за рубежом, и это серьезно беспокоит высшее руководство Китая, поскольку постоянно появляются новые угрозы, которые необходимо купировать на дальних подступах к территории китайского государства. Именно поэтому КНР сегодня тратит огромные средства на разработку новейших вооружений морского базирования, чтобы решать стратегические задачи в различных районах мирового океана [Yamakage, Susumi (2015):240-41]. Но есть еще одна острая проблема, к решению которой КНР не очень понимает, как подступиться, и связана эта проблема с кардинальным изменением политической ситуации на Тайване, новое руководство которого вновь настойчиво заговорило о последовательном достижении полного международно-признанного государственного суверенитета острова.

«Тайваньский вопрос» после последних президентских

выборов на острове неожиданно стал серьезным раздражителем для КНР, считавшей тенденцию к обще китайскому воссоединению практически необратимой. По последним американским и японским оценкам прошедшие тайваньские выборы имели уникальный пограничный характер. Суть данного явления в том, что произошел кардинальный сдвиг в тайваньском обществе в сторону осознания непреходящей ценности формирования на Тайване собственного государственного суверенитета. Складывающаяся в настоящее время объективная ситуация нарушает практически все ранее разработанные планы китайского руководства по комплексной модернизации НОАК, поскольку создание, например, океанского военно-морского флота КНР во многом обесценивается неожиданным возвращением к росту напряженности непосредственно у самых границ Китая [*Fujihira, Shinju* (2016):45]. Среди специалистов сейчас нет единого мнения в отношении того, как последние политические изменения на Тайване повлияют на нынешнюю военную доктрину КНР, особенно если принять во внимание накапливающиеся кризисные явления в экономике Поднебесной. Для проведения эффективных реформ в китайских вооруженных силах может не хватить финансовых ресурсов.

Литература

- Iizuka, Keiko* (2015) Chugoku no senryaku keikaku (Стратегические планы Китая) (in Japanese) Chuo Koron. Tokyo. P.110-113 (129 p.)
- Nakamura, Hiroshi* (2014) China's growing military power. The Japanese Institute of International Affairs. Tokyo. P.5 (31 p.)
- Inoue, Kiyoshi* (2014) Higashi Ajia no Chugoku senryaku (Китайская стратегия в Восточной Азии). (in Japanese). Waseda daigaku suppan. Tokyo. P.45-46 (78 p.)
- Yamamoto, Tetsuo* (2015) Jimmin kaihogun no sosiki kaikaku (Организационная реформа НОАК) (in Japanese). Toyo syoken suppan. Tokyo. P.2 (3 p.)
- Tanaka, Hitoshi* (2015) A Japanese Perspective on the China Question. Japan Center for International Exchange, Vol.3, No.2. Tokyo. P.4 (5 p.)
- Matsumura, Masahiro* (2015) The Japanese Grand Strategic Imperative. New York: G.P.Putman. P.15 (29 p.)
- Takenaka, Kiyoshi* (2014) China driving U.S. out of Asia. East West Institute. Tokyo. P.21-34 (74 p.)
- Nagao, Satoru* (2015) Chugoku kyoyi (Китайская угроза) (in Japanese). Taiheiyō

- tiiki syakai kagaku suppan. Kyoto. P.102 (109 p.)
- Fukuya, Takeo* (2015) Nihon ga ikinokotte dekiru ka (Сможет ли Япония выжить ?) (in Japanese). Tokyo kokuei daigaku suppan. Tokyo. P.6 (21 p.)
- Sahashi, Ryo* (2014) With great power comes great responsibility. Stanford University. USA. P.4 (15 p.)
- Miyauchi, Teiichi* (2015) Military planning in China. Japan's National Defense University Press. Tokyo. P.185 (386 p.)
- Inoue, Masataka* (2015) Japanese concerns about China. Waseda University China Research Center. Tokyo. P.4 (5 p.)
- Yamakage, Susumu* (2015) Higashi Ajia chiikisyugi to Nihon gaiko (in Japanese) (Восточноазиатский регионализм и внешняя политика Японии). National Institute for Defense Studies. Tokyo. P.240-41 (424 p.)
- Fujihira, Shinju* (2016) Can Japan Cope with China's Rise ? Harvard University's Center for International Affairs. USA. P.45 (126 p.)

**15. Картунова А.И.
ИДВ РАН**

Решения Политбюро ЦК КПК на совещании в Лочуани (август 1937 г.): разработка стратегии, политики и тактики КПК и ее армии на период антияпонской войны

Аннотация: В докладе рассматриваются решения расширенного совещания Политбюро ЦК КПК в Лочуани (22–25 августа 1937 г.), которое утвердило курс КПК на весь период войны сопротивления Японии в области политики, стратегии и тактики. Автор предлагает новый подход к оценке достижения компромиссов на совещании и исторического значения принятых им решений.

Ключевые слова: КПК, Гоминьдан, Коминтерн, единый фронт, независимость, политика, тактика, партизанская война.

С 7 июля 1937 г., когда японская военщина спровоцировала инцидент у Логоуцяо [мост в 10–15-и километрах к юго-западу от Бэйпина (Пекин)], Япония перешла к широкомасштабной агрессии в Китае.

Гоминьдан (ГМД) медлил с определением своей позиции. Чан Кайши 17 июля 1937 г. заявил в Лушани о намерении вес-

ти борьбу против японских агрессоров, но еще не оставлял надежду на мирное урегулирование.

В то же время ЦК Компартии Китая уже 8 июля 1937 г. выступил с телеграфным обращением к нации, призвал весь народ Китая, национальное правительство, армию объединиться, создать крепкую Великую стену национального фронта сопротивления японскому агрессору. «У нас есть только один выход, – говорилось в Обращении, – общенациональная война против японских захватчиков»¹. В тот же день руководители Китайской рабоче-крестьянской красной армии – Мао Цзэдун, Чжу Дэ, Пэн Дэхуай, Хэ Лун, Линь Бяо, Лю Бочэн, Сюй Сянтянь выступили с телеграфным обращением к Чан Кайши провести всеобщую мобилизацию для борьбы сопротивления Японии, «защитить Бэйпин, Тяньцзинь, защитить Северный Китай, утраченные земли вернуть обратно»².

29 июля 1937 г. японские войска оккупировали Пекин, 30 июля – Тяньцзинь. Япония предъявила Китаю требования о фактическом контроле над обширными территориями Северного Китая.

Широкомасштабная агрессия Японии в Китае стимулировала переговорный прогресс между КПК и ГМД, в котором, как и до войны, роль активного инициатора, подталкивавшего Чан Кайши к установлению отношений с КПК, продолжала играть Компартия Китая. Встречные шаги следовали и со стороны Гоминьдана.

13 июля 1937 г. делегация КПК в составе Чжоу Эньлая, Цинь Бансяня и Линь Боцюя (Линь Цзухань) прибыла в Лушань³ и 17 июля передала делегации ГМД во главе с Чан Кайши «Декларацию ЦК КПК об установлении сотрудничества между Гоминьданом и КПК» от 15 июля 1937 г.⁴, предложила опубликовать ее и рассматривать в качестве политической базы сотрудничества двух партий. В Декларации были сформулированы цели совместной борьбы – завоевание независимости и свободы китайской нации и конкретные меры для дости-

жения цели: мобилизация народа Китая на национально-революционную борьбу за восстановление суверенитета и территориальной целостности, установление режима, основанного на принципе народовластия, созыв национального собрания для принятия конституции и определения мер по спасению страны, обеспечению для народа устойчивых источников благосостояния, развитию оборонных отраслей экономики.

Декларация была составлена с учетом довоенных предложений Гоминьдана. В частности, руководство КПК заявило о согласии на осуществление «трех народных принципов» Сунь Ятсена; отказалось от лозунга свержения власти Гоминьдана и конфискации помещичьих земель, установлении в районе Шэньси-Ганьсу-Нинся режима, основанного на принципе Сунь Ятсена о народовластии, заявило о вхождении Китайской красной армии в вооруженные силы Национального правительства под верховным командованием Военного совета Национального правительства и выступлении по его приказу на фронт.

Руководство Гоминьдана затягивало публикацию этой декларации.

17 июля 1937 г. на переговорах делегации КПК и Чан Кайши в Лушани была достигнута в принципе устная договоренность о реорганизации правительства пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся в правительство Особого района с непосредственным подчинением Центральному правительству, а также о преобразовании Красной армии коммунистов в 8-ю армию НРА, подчиняющуюся Военному совету Национального правительства.

На второй день после подписания Советско-китайского договора о ненападении, 22 августа указом Чан Кайши Китайская красная армия была преобразована в 8-ю армию НРА в составе трех дивизий (115, 120, 129-й) и направлена на фронт в провинцию Шаньси⁵. Позже, 12 декабря 1937 г. Чан Кайши издал приказ о сформировании из бывших партизанских отрядов на Юге и в Центральном Китае Новой 4-й армии под командова-

нием Е Тина и заместителя командующего члена ПБ ЦК КПК Сян Ина с численностью 12 тыс. человек. Ей отводился район действия – треугольник Шанхай – Нанкин – Ханчжоу.

Важным в определении задач КПК в связи с военно-политическим положением в Китае явилось заседание Секретариата ИККИ 10 августа 1937 г. с участием членов делегации КПК в ИККИ. С докладом о положении в Китае и задачах КПК выступил Ван Мин (Чэнь Шаоюй)⁶, в то время руководитель делегации КПК в ИККИ.

Выступивший на заседании Генеральный секретарь ИККИ Г. Димитров⁷, лично занимавшийся в Коминтерне китайскими вопросами, охарактеризовал доклад Ван Мина «несколько агитационным и оптимистическим». Г. Димитров особо подчеркнул чрезвычайную сложность проблем, которые стоят перед КПК – необходимость радикальной перестройки сознания кадров КПК, воспитанных в течение десятилетия гражданской войны (1927–1937 гг.) на идеях советов и противостояния Чан Кайши, Гомиьдану и его армии как главным врагам.

С этой ориентации коммунистам нужно повернуть, как выразился Г. Димитров, на 180° в политике и тактике партии. Он сформулировал новый политический курс для Китая, который состоит в новой обстановке не в советизации, а в сохранении китайского народа от поглощения его японским империализмом, перейти на позиции борьбы за демократизацию, за объединение на демократической основе сил китайского народа против японской агрессии. Он обратил также внимание китайских коммунистов на большие трудности и опасности, которые подстерегают их, имея в виду «маневры и игру Чан Кайши, его окружения». Г. Димитров выразил озабоченность, смогут ли эти же кадры и партия проводить новую политику, указал на необходимость воспитывать новые кадры, учиться и старым и новым кадрам, избежать идейного разоружения партии и партийных кадров в связи с проведением новой политики.

Для определения курса КПК и ее конкретных задач в связи

с новой политикой в условиях войны сопротивления Японии Политбюро ЦК КПК созвало расширенное совещание Политбюро. Оно состоялось 22–25 августа 1937 г. в Северной Шэньси, в деревне Мацяцунь уезда Лочуань, известное в литературе как Лочуаньское совещание.

В основу работы Совещания были положены рекомендации Секретариата ИККИ от 10 августа 1937 г., однако, исходя из своего понимания сложившегося положения в Китае и вставших перед КПК задач, участники Совещания расширили круг конкретных проблем, которые также явились предметом обсуждения.

В совещании приняли участие семь членов Политбюро ЦК КПК – Чжан Вэньтянь (Ло Фу), в то время генеральный секретарь ЦК КПК, Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай, Цинь Бансянь (Бо Гу), Чжу Дэ, Жэнь Биши, Чжан Готао, два кандидата в члены Политбюро – Гуань Сянъин и Хэ Кэцюань (Кай Фэн), а также руководящие армейские работники – Пэн Дэхуай, Лю Бочэн, Хэ Лун, Чжан Хао, Линь Бяо, Нэ Жунчжэнь, Ло Жунхуань, Чжан Вэцзинь, Сяо Цзингуан, Линь Боцюй, Сюй Сянтянь, Чжоу Цзяньбин, Фу Чжун – всего 22 человека⁸.

Отмечу,⁹ что протоколы совещания до сих пор не опубликованы. Поэтому главными источниками для историков являются воспоминания Не Жунчжэня, сведения из книги Отто Брауна, который на Совещании не присутствовал, краткие данные из воспоминаний Пэн Дэхуая, Чжан Готао, а также сведения из китайской историографии, в которой отсутствует фундированное изложение точек зрения выступавших на нем участников Совещания.

С докладом от имени Политбюро ЦК КПК по военному вопросу и вопросу отношений между Компартией Китая и Гоминьданом выступил на совещании Мао Цзэдун. Он же подвел итоги обсуждения. В докладе Мао Цзэдуна предлагалось развернуть независимо от Гоминьдана партизанскую войну в Северном Китае, и поставлены следующие задачи: 1) Создание

опорных баз; 2) Систематическое, при подходящих условиях, уничтожение врага; 3) Координация действий с армией Гоминьдана («дружественными войсками») в стратегическом плане, но не в военных операциях; 4) Сохранение и расширение войск КПК; 5) Завоевание руководства в национально-революционной войне. Что касается действий войск компартии, то они должны определяться только ее решениями¹⁰.

По вопросу отношений с ГМД Мао Цзэдун высказался за укрепление и расширение единого антияпонского фронта при сохранении политической и организационной самостоятельности КПК, за необходимость бороться за завоевание партией руководящей роли в едином фронте, что соответствовало линии Коминтерна, но заметно отличалось акцентированием идеи независимости и самостоятельности КПК в едином фронте, особенно при создании опорных баз, партизанских отрядов в горных районах, а также тем, что действия войск КПК должны определяться только ее решениями.

При обсуждении доклада развернулась дискуссия. В ней прозвучали другие точки зрения по ряду вопросов: военной тактике КПК, координации действий вооруженных сил КПК с войсками ГМД, о соотношении маневренных действий регулярных войск КПК (8-я армия) и партизанской войны и некоторым другим. На наш взгляд, дискуссия была оправданной, поскольку разрабатывались политика и тактика КПК на длительный период, вплоть до победы в войне сопротивления Японии.

Чжу Дэ, Пэн Дэхуай и поддерживавшие их Чжоу Энлай и некоторые другие участники Совещания высказывались за эффективное взаимодействие с гоминьдановскими войсками, за ведение комбинированной маневренно-партизанской войны. Мао Цзэдун считал, что 8-я армия, уступая гоминьдановской армии в численности¹¹ и оснащенности, не может рассчитывать на значительные успехи на фронте и поэтому должна, не ограничиваясь отведенной для нее гоминьдановским командованием провинцией Шаньси, вести в тылу японских войск совер-

шенно самостоятельную, чисто партизанскую войну для создания собственных баз, освобожденных районов, где вести работу по мобилизации населения на войну сопротивления Японии и расширению своих рядов¹². Линь Бяо высказался за ведение маневренной войны крупными военными силами как главной формой военных действий против японской армии. Но Совещание, по воспоминаниям Не Жунчжэня, поддержало позицию Мао Цзэдуна, который с учетом дискуссии внес коррективы в первоначальные свои установки, признал, что при благоприятных условиях не следует отказываться от маневренной войны¹³.

Главным оппонентом позиции Мао Цзэдуна по вопросу о тактике КПК в едином фронте выступил Чжан Готао. Мао Цзэдун утверждал, что Чан Кайши ведет нерешительную одностороннюю войну только военными силами, что он (Чан) рано или поздно или капитулирует перед Японией, или потерпит поражение. При любом из этих двух исходов ведущая роль в стране перейдет к КПК. Поэтому, согласно версии О. Брауна, Мао Цзэдун утверждал, что КПК не следует идти на какие-либо уступки Гоминьдану, КПК должна действовать совершенно независимо и самостоятельно от ГМД как в политическом, так и в военном отношениях. Чжан Готао высказался в том смысле, что хотя правое крыло Гоминьдана может отклониться, но его ядро останется в составе единого фронта. Война, которая укрепляет в обществе авторитет Гоминьдана, может перерасти в войну всенародную. Поэтому любая односторонняя акция КПК чревата опасностью распада единого фронта, что явилось бы катастрофой для китайского народа.

Перед лицом могущественного врага необходимо было найти приемлемое для обеих сторон решение¹⁴. И Чжан Вэньтянь предложил компромиссную формулировку. С одной стороны, признавалось, что гоминьдановский метод ведения боевых действий чреват опасностью поражения, а с другой, утверждалось, что вовлечение в единый антияпонский фронт миллионных масс обеспечит окончательную победу. Хотя эта

формулировка и была принята, тем не менее разногласия по вопросу о едином фронте остались¹⁵. Отто Браун заключает этот сюжет выводом: «несмотря на расплывчатые компромиссные формулировки, Мао Цзэдун, – как прямо мне сказал Бо Гу, – одержал верх на совещании в Лочуани»¹⁶.

Неодинаковые взгляды были высказаны еще по одному вопросу. В отличие от Мао Цзэдуна, предлагавшего не торопиться с выступлением 8-й армии на фронт, «некоторые товарищи» высказывались за отправление войск на фронт как можно раньше, что помогло бы усилить политическое влияние и дало бы возможность ее войскам получить материальное снабжение от Национального правительства¹⁷. Совещание приняло компромиссное решение: 8-я армия начнет военные действия во фронтовых порядках вместе с гоминьдановскими частями, а в случае дальнейшего продвижения противника вглубь территории приступит к рассредоточению по всему Северному Китаю и развернет массовую партизанскую войну¹⁸.

Обсуждался также вопрос о количестве войск, направляемых на фронт. Мао Цзэдун и его сторонники, учитывая угрозу району Шэньси-Ганьсу-Нинся, близ границ которого еще оставалось около 10 гоминьдановских дивизий, выступали за отправку в Шаньси 2/3 войск Компартии, тогда как «меньшинство» высказывалось за направление на фронт всей 8-й армии, за ее концентрацию, против рассредоточения. А еще часть участников Совещания считали, что отправленные на фронт войска «должны дать несколько сражений, чтобы увеличить наше влияние».

Видимо, по этому вопросу было достигнуто согласие. В результате – в районе Шэньси-Ганьсу-Нинся было оставлено несколько тысяч бойцов (в конце 1937 г. – 5 охранных полков или 4–5 тыс. человек), а основные силы выступили в Шаньси для взаимодействия с гоминьдановскими войсками и дислоцировались в северо-восточной и южной (115-я дивизия) и северо-западной (120-я и 129-я дивизии) частях этой провинции¹⁹.

на территории второго фронта, командующим которого был Янь Сишань, а со стороны КПК командующим – Чжу Дэ, заместителем командующего – Хэ Лун.

Совещание приняло 25 августа 1937 г. «Постановление о современном положении и задачах партии»²⁰, «Программу сопротивления Японии и спасения родины» (Десять условий КПК сопротивления Японии и спасения родины)²¹ и тезисы Мао Цзэдуна для пропагандистов и агитаторов²².

В «Постановлении о современном положении и задачах партии» выдвинута задача мобилизации всех сил страны на отпор агрессору. Что касается позиции ГМД, признается, что Центральное правительство под давлением масс «уже начинает склоняться к ведению войны сопротивления», однако ведет одностороннюю войну без участия в войне народных масс.

В «Программе сопротивления Японии и спасения родины» постановлены следующие задачи при создании единого анти-японского фронта: разгром японского империализма; всеобщая мобилизация страны и всего народа; перестройка системы государственного управления; подчинение внешней политики задачам борьбы против японских захватчиков, а финансовой и экономической политики – задачам военного времени; улучшение условий жизни народа; подчинение народного образования задачам борьбы против японских захватчиков; укрепление тыла через очищение страны от национальных предателей, изменников родины и прояпонских элементов; сплочение всей нации во имя борьбы против японских захватчиков.

Совещание учло сложившееся за десять лет противостояния Гоминьдана и КПК и оставшееся стремление Чан Кайши и его окружения растворить компартию в ГМД или ликвидировать ее. Так, четко обозначив курс на создание общенационального фронта, решение Совещания в то же время отражало недоверие коммунистов к ГМД. Но, исходя из понимания, что без единого фронта победить Японию невозможно, Совещание твердо взяло курс на сотрудничество с ГМД. На совещании

отмечалось, что антияпонская война будет трудной и затяжной, в чем были едины Мао Цзэдун и Чжу Дэ²³.

Совещание приняло решение расширить личный состав Реввоенсовета (Военный совет) для усиления руководства партии военной работой. В него включены: Мао Цзэдун (секретарь), Чжу Дэ, Чжоу Эньлай (заместители секретаря), Пэн Дэхуай, Жэнь Биши, Е Цзяньин, Чжан Хао, Хэ Лун, Лю Бочэн, Сюй Сянцян, Линь Бяо²⁴.

В современной китайской историографии дается высокая оценка решений совещания Политбюро ЦК КПК в Лочуани. Особенно много внимания этому Совещанию и значению принятых им решений уделено в книге «История КПК 1921–1949»²⁵. Приведем основные положения из указанной книги. Прежде всего, Совещание характеризуется как первое, очень важное (*чжуньяо*), созванное в исторически переломный момент, когда только началась всекитайская война сопротивления Японии. Совещание разработало курс партии на всеобщую войну сопротивления; увязало проведение национальной войны сопротивления с завоеванием народной демократии и улучшением жизни народа; верно определило соотношение национальных и классовых противоречий во время войны; 10 условий КПК сопротивления Японии и спасения государства раскрывают основополагающие политические принципы партии. Совещание указало на длительный характер войны, конкретный верный путь завоевания окончательной победы – всеобщая война сопротивления в отличие от одностороннего пути, который проводит руководящая группа Гоминьдана²⁶.

Несомненный интерес представляют также оценки значения партизанской войны и строительства освобожденных районов под руководством КПК и ее армий для успеха войны сопротивления Японии, данные Чжу Дэ в его докладе на VII съезде КПК (23 апреля – 11 июня 1945 г.)²⁷.

Он, в частности, отметил, что народная партизанская война в тылу противника, которой руководила КПК, «пришла на

смену чистой обороне, которой занималась гомиьндановская армия до своего отступления», и обширные районы, утраченные по вине гомиьндановских властей, усилиями КПК были превращены в обширные освобожденные районы. «Уже в самом начале антияпонской войны фронт освобожденных районов сковал немало войск японских агрессоров, не дав им бросить все силы на запад...»²⁸ .

Чжу Дэ привел данные о том, что в 1944 г., до сражения на Центральной равнине, 8-я, Новая 4-я армия и Южнокитайская колонна отражали натиск 64% всех японских войск, вторгшихся в Китай, и 95% всех марионеточных войск²⁹ .

В политическом отношении Чжу Дэ выделил особую роль установления демократического режима и улучшения материальной жизни народа в освобожденных районах, что дало возможность провести всеобщую мобилизацию народа на участие в войне сопротивления Японии и обеспечить прочное национальное единство, что создавало подлинную базу для народной войны³⁰ .

Нельзя не заметить, что даже приведенные здесь из доклада Чжу Дэ отдельные данные демонстрируют воплощение на практике во время антияпонской войны решений Лочуаньского совещания 1937 г., дополненные позже и конкретизированные, как это следует из его доклада, Мао Цзэдуном в его работах о народно-партизанской войне и о новой демократии.

В отечественной историографии с 60-х гг. XX в., а в некоторых работах и поныне, Лочуаньское совещание ПБ ЦК КПК освещается в основном с позиций акцентирования противостояния выступавших на Совещании по ряду положений, изложенных в докладе Мао Цзэдуна, а также его воззрениям по некоторым другим обсуждавшимся вопросам. Особенно острой критике подвергается положение о политической и организационной самостоятельности КПК в сотрудничестве с Гомиьнданом, а также в военно-оперативном отношении, имея в виду тактику независимой и самостоятельной партизанской войны под руководством КПК и обязательную санкцию ЦК

КПК на проведение крупных боевых операций совместно с частями Центрального правительства. При этом, как правило, общая оценка значения принятых Советами фундаментальных положений, не обозначается, кроме указания на важность ориентации КПК на создание единого фронта.

Исключение в этом отношении составляет издание ИДВ РАН «Истории Коммунистической партии Китая» Т. 1. Ч. 3, в котором объективно, в меру имеющихся источников, представлены ход совещания, и критика спорных положений. В то же время дана высокая оценка принятых советами решений на развитие освобожденных районов в тылу врага, а проводимая в них компартией политика позволила ей вовлечь в войну сопротивления Японии миллионные массы. Приведен большой материал, показывающий роль освобожденных районов как главной базы для многократного роста рядов КПК и ее 8-й и Новой 4-й армий.

Совещание в Лочуани явилось форумом опытных, закаленных в боях руководящих политических и военных деятелей КПК с несовпадавшими представлениями о способах решения вставших перед партией проблем. В Политбюро в целом не было единства, что нашло отражение в дискуссии на совещании по целому ряду вопросов без попыток какого бы то ни было давления на принятие решений с чьей-либо стороны. И это был положительный опыт. Участники Совещания, понимая всю ответственность момента, когда еще не определилась позиция Гоминьдана (Чан Кайши) в вопросе о сотрудничестве с компартией, не была опубликована Декларация ЦК КПК от 15 июля 1937 г. и создан на ее базе единый антияпонский фронт, отсутствовала со стороны ГМД официальная легализация КПК и пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся, а также в условиях неопределенности как будут развиваться события в близкой перспективе, достигли консенсуса по ключевым вопросам, благодаря чему Совещание приняло решения по фундаментальным направлениям – стратегии, политике и тактике КПК

на период антияпонской войны. Главное их содержание состояло в следующем:

- стратегическая цель КПК – участвовать в войне сопротивления Японии до полной победы;

- в области политики – сотрудничество КПК с Гоминьданом при сохранении политической и организационной самостоятельности в едином фронте;

- тактика партии – создание в тылу врага опорных баз, партизанских отрядов в горных районах, освобожденных районов.

На наш взгляд, именно в этом состояло историческое значение принятых Совещанием решений с учетом рекомендаций Коминтерна на создание единого национального антияпонского фронта и разработок участниками Совещания тактики для решения как вставших перед КПК первоначальных задач, так и на перспективу.

Однако это не означает, что указанные основополагающие решения не наполнялись дополнительным содержанием в связи с конкретным ходом событий на фронтах на разных этапах антияпонской войны, в которых сражались как партизанские отряды и вооруженные силы КПК, так и войска Центрального правительства.

22 сентября 1937 г. Чан Кайши разрешил опубликовать «Декларацию ЦК КПК о сотрудничестве Гоминьдана и Компартии Китая» от 15 июля 1937 г. В устном заявлении для печати он пытался представить декларацию КПК не как компромисс, на который шли обе партии перед угрозой утраты Китаем национального суверенитета, а как признание коммунистами ошибочности своей политики и правоты Гоминьдана. Но коммунисты такую интерпретацию в существовавших условиях сочли пустой риторикой. Главное – сотрудничество двух партий, на котором базировался единый фронт, за что последовательно боролась Компартия Китая, было установлено.

Уже с сентября 1937 г. ЦК КПК встал на путь реализации

курса, достигнутого Лочуаньским совещанием.

Хотя официально, в виде какого-либо документа, единый антияпонский фронт не был оформлен, и в сотрудничестве двух политических партий с конца 1938 г. имели место крупные трения, продолжалась взаимная подозрительность, но, как отмечал Чжоу Эньлай в докладе президиума ИККИ в декабре 1939 г., «фактически национальный единый фронт в Китае имеет очень широкий масштаб и богатое содержание. В антиимпериалистическом фронте участвуют все классы Китая»³¹.

¹ Чжунгун чжунъян вэньцзянь сюаньцзи (Избранные документы ЦК КПК). Подготовлено к изданию архивом ЦК КПК. Чжунгун чжунъян данши чубаньшэ. Пекин. 1991. Т. 11. С. 274-275.

² Там же. С. 278

³ Это фактически явилось продолжением переговоров с той же делегацией ГМДана в Лушани в июне 1937 г.

⁴ Проект декларации подготовил Чжоу Эньлай 4 июля 1937 г. и, вероятно, окончательный текст от 15 июля 1937 г. включен в «Чжоу Эньлай сюаньцзи» (Избранные произведения Чжоу Эньлая). Пекин. Жэньминь чубаньшэ. 1983. Т. 1. С. 76-78.

⁵ Чжу Дэ сюаньцзи (Избранные сочинения Чжу Дэ). Пекин. Жэньминь чубаньшэ. 1983. С. 406.

⁶ Основное содержание доклада Ван Мина с учетом итогов его обсуждения было изложено в статье, опубликованной в журнале «Коммунистический Интернационал», 1937. № 8 под названием «Новый этап агрессии империализма и новый период борьбы китайского народа» и в виде отдельной брошюры под тем же названием. М. 1937.

⁷ Текст выступления см.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы Т. V. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны 1937 – май 1943. Руководители работ М.Л. Титаренко и М. Лейтнер. М. 2007. С. 65-68.

⁸ Чжунго гуанчаньдан лицы чжунъяо хуйи цзи (Важные совещания Компартии Китая). Шанхай. 1982. Т. 1. С. 201.

⁹ В воспоминаниях Не Жунчжэня содержится указание на то, что протоколы Совещания вел Ли Фучунь, в то время начальник канцелярии ЦК КПК, и они находятся в архиве ЦК партии // Не Жунчжэнь хуйи лу (Воспоминания Не Жунчжэня). Пекин. 1984. Т. 2. С. 340.

¹⁰ Истории Коммунистической партии Китая. В 2-х томах. Главн. ред. издания М.Л. Титаренко. Ответств. Ред. части 3. тома 1 В.И. Глунин. Т. 1. Ч. 3. М. ИДВ РАН. 1987. С. 716 со ссылкой на: Чжунго гунчаньдан лицы чжунъяо хуйи цзи. Т. 1. С. 201-202.

¹¹ По данным Сопожникова Г.Б. со ссылкой на японский источник, гоминьда-

-
- новская армия насчитывала к ноябрю 1937 г., включая и провинциальные войска, 2 378 970 солдат и офицеров. См. его книгу «Китай в огне войны (1931-1950)». М. 1977. С. 83. Численность военных сил КПК в июле 1937 г. составляла 32 тыс. бойцов, в конце 1937 г. – 92 тыс. // Чжунго гунчаньдан лиши цзяньи (Лекции по истории КПК). Пекин. 1981. С. 398.
- ¹² Браун, Отто. Китайские записки 1932-1939. М. 1974. С. 285-286.
- ¹³ Не Жунчжэнь хуйи лу. С. 285-286.
- ¹⁴ Браун, Отто. Указ. соч. С. 284-285.
- ¹⁵ Там же. С. 285.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ История коммунистической партии Китая. М. 1987. ИДВ РАН. Т. 1. Ч. 3. С. 719.
- ¹⁸ Юрьев М. Ф. Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе китайского народа (20-40-е гг.). М. 1983. С. 198-199.
- ¹⁹ История Коммунистической партии Китая. ИДВ РАН. Т. 1. Ч. 3. С. 719.
- ²⁰ Чжунгун чжунъян вэньцзянь сюаньци. (1936-1938) (Избран. док. ЦК КПК, Составитель Архив ЦК). Чжунгун чжунъян дансяо чубаньшэ. 1991. Т. 11. С. 324-326. Напечатано по изданию «Люда илай» от 20 января 1941 г.
- ²¹ Текст документа на китайском яз.: «Чжунго гунчаньдан канжи цзюго шида ганлин – Вэй дунзюань ите лилян чжэнцюй канчжан шэнли доучжэн – (25 августа 1937 г.)» // Там же. С. 327-330. Напечатано по публикации в журнале «Цзэфан». Кн. 1. № 16 от 13 сентября 1937 г.
- ²² См.: Мао Цзэдун. Избранные произведения. М., 1952. Т. 2. С. 27-37
- ²³ Мао Цзэдун выдвинул идею о затяжном характере войны в июле 1936 г. Позже неоднократно повторял эту оценку. См., например: Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 2. Перевод с кит. М. 1953. С. 179; Чжу Дэ в июле 1937 г. в статье «Шисин дуй жи каньчжан» (Вести войну сопротивления Японии) утверждал, что эта война «будет затяжной, тяжелой войной».
- ²⁴ Чжунго гуанчаньдан лиши. 1921-1949. Т. 1. Кн. 2. Авторство: Чжунгун чжунъян яньцзю данши ши. (Кабинет ЦК КПК по изучению истории партии). Пекин. Чжунгун данши чубаньшэ. 2002. С. 603.
- ²⁵ См.: Там же. С. 601-607.
- ²⁶ Там же. С. 603-604.
- ²⁷ Чжу Дэ. О фронте освобожденных районов (25 апреля 1945 г.) [Военный отчет Чжу Дэ на VII Всекитайском съезде КПК]. // Чжу Дэ. Избранные произведения. Перевод с кит. Издат. литерат. на иностр. языках. Пекин. Первое издание. 1986. С. 177-237.
- ²⁸ Там же. С. 189.
- ²⁹ Там же. С. 193-194.
- ³⁰ Там же. С. 196.
- ³¹ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. V. С. 330.

**Становление, структура, тенденции развития
гражданско-правовой системы КНР
на современном этапе**

Аннотация: Гражданско-правовая система КНР имеет традиции, уходящие в древность, но современное гражданское право фактически заново рождается в период после 1978 г. Его основные разделы – общие принципы, личные права, брачно-семейное законодательство, наследственное право, вещное право, обязательственное право (общие принципы), договорное право, право деликтной ответственности. Основные тенденции развития: слияние гражданского и коммерческого права, кодификация и декодификация, сближение континентальной правовой системы и общего права, укрепление прав личности.

Ключевые слова: гражданское право, модернизация, общие положения гражданского права, коммерческое право, закон о вещном праве.

Современная гражданско-правовая система КНР сформировалась главным образом в период после 1978 г. с началом курса «реформ и открытости», она образуется рядом законодательных источников.

Основные положения гражданского права страны базируются на Конституции. Некоторые положения прямо являются положениями Конституции.

Гражданский кодекс в КНР пока не принят, правовая политика реализуется через отдельные законы. Это, прежде всего, принятые в 1986 г. «Общие положения гражданского права» (ОПП). Документ по настоящее время является наиболее общим выражением гражданского законодательства КНР и содержит 9 разделов, 156 статей.

К «Положениям» примыкает ряд важнейших законов – За-

кон о договорах, Закон о гарантиях, Закон о браке, Закон об усыновлении, Закон о наследовании, Вещное право, Закон о деликтной ответственности и др. Предполагается, что с принятием Гражданского кодекса эти законы будут включены в кодекс. А законы об интеллектуальной собственности и торговом праве могут остаться как самостоятельные специальные законы.

Источником гражданско-правовых норм является и административное право страны. В соответствие с Конституцией Госсовет имеет право издавать административные указы и постановления (*фагуй*). Среди них есть и гражданские нормы. К примеру, Правила страхования производственных травм, содержащие нормы компенсации ущерба пострадавшим.

Гражданские нормы содержатся и среди административных правил отраслевых министерств, регламентов органов местного управления, они имеют отраслевое и региональное применение.

Поскольку современное гражданское право КНР часто отличается недостаточно конкретными формулировками, важное значение имеют судебные комментарии Верховного суда КНР, они создают судебные прецеденты и тем самым восполняют недостаточность норм.

Частью правовой системы КНР являются международные договоры и прецеденты. ОПГП (раздел 8) предусматривают порядок приоритетного применения международных договоров на территории КНР.

Наконец, право предусматривает возможность применения гражданских обычаев: когда нет норм, урегулированных законом, то государство может применять привычные населению способы гражданского действия, они также становятся источником права.

Структура формирующейся гражданско-правовой системы КНР сравнительно традиционна: это общие принципы гражданского права, личные права, семейно-брачное право, наследственное право, вещное право, обязательственное право (его

общие принципы), контрактное право, право деликтной ответственности, право интеллектуальной собственности.

Как известно, в КНР пока не принят единый Гражданский кодекс. Его роль отчасти исполняется ОПГП. Они определяют основные гражданско-правовые понятия и принципы, систему субъектов, правовых действий, представительства, гражданской ответственности и исковой давности. ОПГП в настоящее время исполняют роль общей части гражданского права.

Права личности – важная сфера гражданско-правового регулирования. В вопросах юридического обеспечения прав человека исторический путь КНР обладал значительным своеобразием. Тем не менее общество, пережившее «великую пролетарскую культурную революцию», сегодня вполне осознаёт важность задачи защиты прав человека и гражданина.

Правовой основой гарантий прав человека и гражданина в КНР является, прежде всего, Конституция страны, ст. 38 которой постулировала, что «честь и достоинство граждан КНР неприкосновенны». Второй по значению документ – ОПГП, 5-й раздел которых прямо посвящён «личным правам». Также принят ряд отдельных наиболее важных законов, регулирующих вопросы прав человека, это «Закон о гарантиях прав и интересов потребителей»; защите достоинства человека посвящены «Закон о гарантиях инвалидам», «Закон о защите несовершеннолетних», «Закон о защите прав и интересов женщин» и др.

Говоря о правах человека, китайские учёные-правоведы различают обычно три аспекта. Первое – это индивидуальные права (*жэньгэ цюань*), т.е. суть общие права гражданского субъекта – право на жизнь, здоровье, право распоряжаться собственным телом, имя, титул, собственное изображение, право на доброе имя, достоинство, на почёт, личную свободу, право на тайну личной жизни. От них обособляются персональные права (*шэньфэнь цюань*), определяющие статус человека в системе его родственных отношений – его супружеские права, родительские права, исключительные личные права. И

наконец, в-третьих, имущественные права, когда они опосредованы личными правами (к примеру, наследственные права), они также становятся сферой межличностных отношений.

В целом вопросы обеспечения и защиты личных прав в КНР пока не разработаны подробно и излагаются достаточно обще, поверхностно. Среди учёных КНР признаётся необходимость единого общего закона о правах человека. Но пока ещё идут дискуссии, должен ли это быть отдельный закон, или он будет в качестве раздела включён в будущий Гражданский кодекс. Учёные-разработчики проекта Кодекса, настаивают, что Закон должен быть принят отдельно от ГК, вынесен за его рамки. Их аргументация состоит в следующем: концепция прав человека в современном мире претерпевает стремительное развитие, появляются даже новые права (например, право на «приватность»). Более того, значение проблем прав человека выходит за рамки частного права, фактически это самая важная часть частного права, поэтому данный раздел нужно вынести за рамки кодекса. Оппонирующие им учёные считают, что понятие прав человека естественно сочетается с характером гражданской субъектности, трудно отделимо от гражданских субъектов. Поэтому проблематику личных прав желательно включать в ГК.

Брачно-семейное законодательство КНР базируется на двух основополагающих законах. В 1950 г. был принят «Закон о браке», позже он неоднократно подвергался ревизии, последний раз в 2001 г. Кроме того, в 1992 г. был принят «Закон об усыновлении», он был ревизован в 1998 г. Эти законы всесторонне определяют родственные и брачно-семейные отношения, систему личных прав (*шэнфэнь цюань*) в системе родственных отношений, характеризуют родительские и родственные права, гарантируют супружеские законные отношения, содержат нормы родительских и супружеских отношений.

К этой же группе законов примыкают «Закон о защите несовершеннолетних», «Закон о защите прав и интересов жен-

щин», «Закон о защите прав и интересов престарелых». В вопросах администрирования брака важную роль играют «Правила регистрации брака». В этой сфере действует немало и судебных комментариев.

Брачно-семейное законодательство КНР приняло советскую модель, когда семейное право обособлено от гражданского кодекса. Китайские правоведы считают такой подход нежизнеспособным и призывают вернуть семейное законодательство в корпус будущего Гражданского кодекса.

Наследственное право КНР определяется «Законом о наследовании», принятом в 1985 г. Закон является самым устойчивым среди других: он ни разу не пересматривался. Хотя Закон был принят как отдельный, учёные КНР считают, что он должен входить в состав будущего Гражданского кодекса, является его частью. В проекте Гражданского кодекса от 2002 г. этот закон фигурировал как глава кодекса. Вместе с тем за прошедшее время накопились многие вопросы и проблемы. Необходимо восполнить недостающие положения, обновить ряд устаревших положений «Закона о наследовании».

Довольно подробно в КНР разработано регулирование вещного права. В период с 1949 по 1986 гг. в стране существовали лишь отдельные разрозненные положения в разных документах, трактующие проблемы вещного права. Положение начало меняться с принятием в 1986 г. «Общих положений гражданского права», в частности, 5-й раздел 1-я глава трактует «Право собственности на имущество и имущественные права, связанные с правом собственности на имущество». Данным документом фактически законодательно определено вещное право КНР, сформулированы его основные рамки. Тогда же в 1986 г. было опубликовано «Право управления землёй», позднее претерпевшее несколько ревизий. В 2002 г. принято «Право подряда сельскохозяйственных земель», где были определены условия использования государственных земель, право подрядного управления землёй, право использования приуса-

дебного участка. В 2007 г. труды китайских правоведов увенчались принятием «Закона о вещном праве», закон справедливо расценивается как важнейший во всей системе гражданско-правовых отношений. В 2009 г. и позднее были также опубликованы некоторые важные судебные комментарии, касающиеся вопросов районирования строений.

Закон о вещном праве законодательно определил систему форм собственности в стране, формы и правила её использования, сформулировал законные гарантии права собственности. Согласно содержанию раздела 2, по структуре право собственности разделяется на государственную, кооперативную и частную (*сыжэнь*) собственность. Он определил государственные активы и ресурсы как основу экономической системы страны, гарантировал законные права крестьян в землепользовании. Взял под охрану права на недвижимое имущество. Закон также определяет узуфруктуарные права пользования имуществом (раздел 3) – в том числе, право подрядного управления землёй, право использования земли под строительство, право использования земли под усадьбу, право использования чужой земли (сервитут). Раздел 4 трактует обеспечительные права, основанные на Законе о гарантиях, в том числе – ипотека, залог и другие. Наконец, 5-й раздел говорит о праве владения (это квазивещное право (*чжаньёу*)).

В целом Закон – большой шаг вперёд: он укрепляет социалистический строй, защищает равноправие форм собственности, защищает вещные права народа, материальные условия жизни граждан.

Вместе с тем сохраняются и некоторые проблемы. К примеру, недостаточно учтены виды вещного права. Так, в законе нет права «*дянь*» (узуфрукт, сдача имущества в залог на длительный срок с правом использования для получателя залога и правом выкупа для дающего залог), хотя этот институт ещё широко работает в Китае. Необходимо доработать и обеспечительные права (гарантии). Многие положения не операбельны,

ибо нет конкретных норм по их применению. Требуется более конкретная доработка и состыковка отдельных положений Закона. Данные проблемы находят своё решение через практику судебных комментариев, накопление опыта правоприменительной практики.

В процессе развития рыночных отношений всё отчётливее проявлялась роль нематериального, интеллектуального имущества, значение патентов и марок. О своих социальных и экономических правах и интересах всё чаще заявляли изобретатели, новаторы. И руководство Китая предприняло серьёзные шаги для защиты интеллектуальной собственности, обеспечения прав этой категории граждан. В 1982 г. ВСНП утвердило «Закон КНР о товарных знаках», в 1984 г. Постоянный комитет ВСНП 6-го созыва утвердил «Закон КНР о патентах», в 1990 г. Постоянный комитет ВСНП 7-го созыва принял «Закон КНР об авторском праве». В 1992 г. КНР присоединилась к Всемирной (Женевской) конвенции об авторском праве и Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений. В октябре 2000 г. Постоянный комитет ВСНП принял новую редакцию «Закона об авторском праве».

Принятые законы об охране прав интеллектуальной собственности дали стимул изобретательству и научному творчеству, способствовали международному сотрудничеству в сфере охраны прав интеллектуальной собственности.

Вещное право – это «статика» имущественных отношений, а их «динамика» – обязательственное право. Традиционно обязательственное право распадается на контрактное право, право деликтной ответственности, также, право ведения чужих дел без полномочий. В КНР на сегодня не принят общий закон об обязательственном праве. Частично его функции исполняются положениями ОПГП и общей части Закона о контрактах.

Современная система договоров начала рождаться после победы революции в 1949 г.

Ещё в 1950 г. Госсовет КНР опубликовал документ «Вре-

менные меры по заключению договоров организациями, государственными предприятиями, кооперативами». Но в следующие 30 лет эта сфера правового строительства была по сути предана забвению и небрежению. Вновь государство занялось правовым строительством в этой области после 1978 г., с началом экономических преобразований. В декабре 1981 г. был введен «Закон об экономических договорах», который установил 10 видов контрактов. В 1985 г. – «Закон об экономических договорах с иностранцами», он привёл к единообразию договорные отношения в сфере внешней торговли. В 1986 г. – опубликованы «Общие положения гражданского права», где впервые установлено понятие договора и система единой договорной ответственности. В 1987 г. опубликован «Закон о технических договорах», в 1993 г. этот закон был ревизован. Но работа над унификацией договорного права продолжалась, и в марте 1999 г. 2-й сессией ВСНП был принят «Закон о договорах КНР». Он вобрал предшествующие законы и стал главным источником контрактного права в КНР. Немного позже ряд комментариев к закону сделал Верховный суд: 1-го декабря 1999 г. «Комментарий некоторым вопросам применения Закона о договорах КНР», второй одноимённый комментарий – 24 апреля 2009 г.

Положения Закона о договорах делятся на общую и специальную части. Закон установил правила подписания договоров, определил порядок вступления их в действие, реализации, прекращения действия, системы ответственности участников договора за нарушение соглашения. Разработаны конкретные положения поимённых договоров, всего их установлено 15 видов.

Закон нацелен на поощрение принципов свободной торговли. В него заложены универсальные базовые принципы рыночной экономики и контрактного права: принцип автономии/свободы воли сторон, принцип справедливости контракта, принцип честности. Но в системе контрактного права сохраняются и проблемы. Две наиболее очевидные из них. Во-

первых, в КНР нет закона обязательственного права. Таким образом, Закон о договорах, поскольку он является частью системы обязательственного права, как бы повисает в воздухе, лишается более общего правового основания. И, во-вторых, Закон о договорах выделяет только пятнадцать наименований видов контрактов. Но практика показывает, что этого не достаточно, поэтому на практике появились безымянные контракты, т.е. не определённые законным образом. Положение нужно исправлять. Требуется пополнить перечень видов контрактов, разработать принципы обязательственного права.

Другой важнейшей частью обязательственного права является право деликтной ответственности. В 2009 г. в КНР был принят «Закон о деликтной ответственности» (или «Закон об ответственности за нарушение прав»). Это самостоятельный закон, обобщивший опыт страны за 30 лет. Он определил структуру, методы деликтной ответственности, порядок апелляционных дел. Закон предусматривает многие виды ответственности – за качество продукции, за транспортные инциденты, за медицинский ущерб, за экологическое загрязнение, за создание повышенного уровня опасности, за урон вещам, и многие другие виды. Принятие данного закона демонстрирует заимствование элементов англо-американской правовой системы, сближение континентальной системы гражданского права с подходами общего права. При этом был повышен статус и эффективность законодательных гарантий защиты гражданских прав.

Развитие гражданско-правовой системы КНР обнаруживает некоторые общие тенденции, присущие и мировым процессам в данной области права. Заметно, что право КНР развивается как часть международных процессов.

Прежде всего, в мировом праве наблюдаются две противоположные тенденции – декодификация и рекодефикация/кодификация. Декодификация заключается в том, что под давлением практических потребностей активно принимаются отдельные гражданско-правовые законы, при этом сам нацио-

нальный Гражданский кодекс утрачивает центральное значение, происходит диверсификация нормативной базы гражданского права. Рекодификация демонстрирует противоположный по смыслу процесс: государства ревизуют свои кодексы и принимают новые с целью стандартизации законодательства, приведения к единому основанию с учётом новых явлений жизни.

Гражданское право КНР демонстрирует обе эти тенденции. С одной стороны, руководство КНР принимает отдельные законы, отвечая на требования жизни, опираясь на реальную практику. С другой стороны, власти КНР ведут многолетнюю работу по подготовке единого документа – Гражданского кодекса. В 1986 г. был принят промежуточный документ «Общие положения гражданского права», заложивший основы единого подхода к созданию гражданско-правовой системы. Работа по подготовке единого документа продолжается.

Далее, в мире наблюдается тенденция к слиянию гражданского и коммерческого права. Изначально гражданское и коммерческое право возникали и существовали отдельно. К примеру, Гражданский и Коммерческий кодексы во Франции. Но с наступлением XX в. в мире развивается другая тенденция – слияние этих двух областей права. Такое объединение можно наблюдать на примере Швейцарского обязательственного закона (1911 г.), Гражданского кодекса Италии (1942 г.), Гражданского кодекса Российской Федерации (1994 г.). Данная тенденция заметна и в праве КНР, где нормы и системы коммерческого права включаются в формирующуюся систему гражданского права.

К числу современных глобальных тенденций относится и сближение континентальной системы права и общего права. Экономическая глобализация вызывает глобализацию гражданского права, сращивание континентального права с англосаксонским общим правом. Эта тенденция проявляется в КНР в факте отсутствия специального Закона об обязательном праве (не считая главы 2 пятого раздела ОПП), вместо него,

как и принято в англо-саксонском праве, приняты «Закон о договорах» (1999 г.) и «Закон о деликтной ответственности» (2009 г.). Об этом же свидетельствует и то обстоятельство, что многие вопросы правового регулирования гражданских дел в КНР пока отнесены к компетенции судов, фактически отданы в сферу прецедентного права.

Современному мировому развитию присуще и заметное возрастание правового статуса личности, гарантий индивидуальных прав. В древности и новое время считалось, что основа личности и личных прав – это имущество и имущественные права. Но в XX в. растёт удельный вес неимущественных прав человека. Так, после второй мировой войны гражданское законодательство многих стран стало по-новому подходить к проблемам прав человека. В мире стали широко признанными право народов на самоопределение, вводятся законы об ответственности и транспарентности власти, гражданам и всем лицам предоставляются гарантии индивидуальной свободы, независимости, достоинства личности. Ярким примером данной тенденции является укрепление права деликтной ответственности. В современном мире право деликтной ответственности перестаёт быть просто формальными гарантиями прав в рамках обязательственного права, правом на компенсации за ущерб, оно становится частью общей правоспособности, гарантией гражданских прав в целом, правом любого человека на помощь и защиту со стороны всего общества. Эта тенденция заметна и в КНР: китайские учёные-юристы активно ведут дискуссии и призывают включить право деликтной ответственности в общую часть будущего гражданского кодекса.

Напрашиваются выводы, что в КНР упрочивается тенденция к частно-правовому регулированию гражданской жизни, в гражданском праве КНР происходит укрепление институтов, систем, норм гражданского общества, право КНР сближается с глобальными тенденциями.

**17. Базина О.О.,
к.ю.н., старший преподаватель кафедры
конституционного права МГИМО (У) МИД России**

Реформа органов исполнительной власти КНР

Аннотация: Исследование посвящено реформе органов исполнительной власти Китайской Народной Республики – Государственного совета Китайской Народной Республики. Проанализированы этапы проведения реформ с 1988 г. по настоящее время и их цели реформ на каждом этапе. Особенное внимание уделяется структуре Государственного совета КНР.

Ключевые слова: органы исполнительной власти Китайской Народной Республики, Государственный совет КНР, реформа органов исполнительной власти, премьер, министерства, структура Госсовета.

Статья посвящена анализу реформ органов исполнительной власти Китайской Народной Республики, которые проводились поэтапно в 1988, 1993, 1998, 2003 и 2013 гг. Совершенствование структуры и аппарата исполнительной власти осуществляется регулярно, соотносясь с необходимостью решения стратегической задачи модернизации китайского общества, обеспечения высокой эффективности экономики при сохранении стабильности в стране.

В целом в результате нескольких этапов реформы были сделаны попытки покончить с тенденцией «разрастания» аппарата правительства.

Правовой статус Государственного совета (Далее – Госсовет КНР) (中国国务院) – центрального правительства КНР определяется двумя основными нормативными актами – Конституцией КНР 1982 г. и Законом КНР «Об организации Государственного совета» 1982 г. Указанные акты не являются единственными источниками, определяющими правовое положение Госсовета. Например, в 1982 г. до обнародования действующей Конституции КНР было принято постановление Постоянного

комитета Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), касающееся структуры Госсовета.

В процессе начавшейся в 1982 г. реформы Госсовета был принят ряд актов, исходивших как от государственных органов, так и от органов правящей коммунистической партии, которыми правительственные структуры подвергались новым и новым изменениям. Примером партийного документа, имеющего прямое отношение к перестройке правительства, может служить решение 2-го пленума ЦК КПК КНР 14-го созыва «О проекте реформы партийных и правительственных органов» (1993 г.).

В ст. 85 Конституцией Госсовет определяется как центральное народное правительство (中央人民政府), он «является исполнительным органом государственной власти, высшим государственным административным органом»¹. Следовательно, с одной стороны, Госсовет является высшим органом государственного управления общей компетенции, которому подчинены все органы государственного управления. С другой стороны, представляет собой исполнительно-распорядительный орган верховного органа государственной власти, ввиду чего проводит в жизнь политику, выраженную в актах этого высшего органа, который делегирует Госсовету часть своих правотворческих полномочий.

Госсовет был подвергнут существенной реорганизации в результате нескольких реформ (1988, 1993, 1998, 2003 и 2013 гг.), касающихся главным образом его аппарата. На сегодняшний день, после проведения реорганизации в составе Госсовета осталось 26 министерств и других ведомств, имеющих министерский ранг (до реорганизации 1982 г. их было 52, затем их число менялось и перед последней реорганизацией составляло 28). С сокращением числа структур министерского уровня заметно уменьшилась и штатная численность их аппаратов. Основной целью проведения реформ выступала оптимизация численности государственных служащих, а также достижение

более эффективного проведения политики.

Реорганизация касалась разных структур, тесно связанных с деятельностью Госсовета КНР: рабочие органы (канцелярия по делам китайских эмигрантов, проживающих за границей, по делам Сянгана и Аомэня и др.), органы прямого подчинения правительству (например, главное таможенное управление, управление гражданской авиации и др.), организации правительственного подчинения (Академия наук Китая, Академия инженерных наук Китая, Агентство Синьхуа и др.).

Совершенствование структуры и аппарата исполнительной власти осуществляется регулярно, соотносясь с необходимостью решения стратегической задачи модернизации китайского общества, обеспечения высокой эффективности экономики при сохранении стабильности в стране.

Первая реорганизация Госсовета КНР (1982 г.) привела к сокращению числа министерств и комитетов с 52 до 41. У премьера осталось два заместителя вместо 16. Число министров, руководителей комитетов и их заместителей сократилось с 505 до 167. Средний возраст руководящих работников этого звена снизился с 64 до 58 лет, а число лиц с университетским образованием среди них увеличилось с 37 до 52%.

Основным направлением следующего этапа реформы Госсовета КНР (1988 г.), ее главным отличием от предыдущего этапа, стало упорядочение связей между различными структурными единицами Госсовета, перераспределение и изменение их функций. Произошла передача функций отраслевого управления от некоторых комплексных министерств и ведомств отраслевым структурным единицам Госсовета. Были упразднены 12 министерств и госкомитетов с одновременным добавлением девяти органов министерского ранга: Госкомитета по планированию, министерств кадров, труда, материальных ресурсов, строительства, авиационной и космической промышленности, энергетики, водного хозяйства, автоматизации и электронной промышленности. Увеличилось число государст-

венных управлений, находящихся в подчинении министерств и госкомитетов. В частности, в структуре Министерства финансов были созданы Государственное налоговое управление и Государственное управление по распоряжению госимуществом. В целом сокращение этих государственных управлений оказалось незначительным – с 45 до 42. Но зато из 77 учреждений при Госсовете было сокращено 39. Даже учитывая, что создано девять новых учреждений такого ранга, сокращение было весьма радикальным. При этом общее число сотрудников Госсовета сократилось в 1988 г. примерно на 10 тыс. человек.

Приоритетным направлением следующего этапа реформы (1993 г.) также было сокращение штатов правительственных органов и изменения их структуры. Его можно было бы назвать повторением основных положений предыдущего этапа, однако с той существенной разницей, что на этот раз реформирование шло в условиях построения регулируемой рыночной экономики. Были упразднены, разделены, слиты или иным образом преобразованы семь из 18 отраслевых министерств. Так, на базе Министерства авиационной и космической промышленности были созданы две промышленные корпорации в указанных отраслях. Министерство легкой промышленности стало Китайской палатой легкой промышленности. Таким же образом появилась Китайская палата текстильной промышленности.

В целом в результате трех этапов реформы так и не удалось покончить с тенденцией «разрастания» аппарата правительства.

Следующая реорганизация Госсовета прошла в 2003 г. На 1-й сессии ВСНП 10-го созыва в марте 2003 г. депутаты заслушали доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2002 г. и о проекте плана экономического и социального развития на 2003 г.; доклад об исполнении центрального и местных бюджетов за 2002 г. и о проекте центрального и местных бюджетов на 2003 г., а также разъяснение о проекте реформы структуры Госсовета КНР². Целью совер-

шенствования системы социалистической рыночной экономики и продвижения реформы политической системы при реструктуризации аппарата Госсовета будет использован принцип разграничения функций администрации и предприятий и принципы компактности, централизованности, оперативности и законности.

По итогам реализации проекта реформ при Госсовете был создан Комитет по контролю и управлению государственным имуществом, с целью продвижения реформ на госпредприятиях; Комитет по контролю и управлению банковской отраслью, задача которого усиление контроля над финансовой сферой в целях обеспечения безопасности, устойчивого и эффективного развития финансовых учреждений; Министерство торговли, которому будут переданы функции ныне действующих Госкомитета по делам экономики и торговли и Министерства внешней торговли и внешнеэкономического сотрудничества. Был преобразован Госкомитет по делам планирования и развития в Государственный комитет по делам развития и реформы, который отвечал за выработку политики социально-экономического развития и руководил реформой экономической системы в целом. Было реорганизовано Государственное фармацевтическое управление в Государственное управление контроля над продуктами питания и лекарственными средствами. По итогам реформы число министерств и комитетов Госсовета сократилось до 28 (включая Канцелярию Госсовета КНР).

Последняя реформа Госсовета КНР прошла в 2013 г. На пленарном заседании 12-го созыва ВСНП 14 марта 2013 г. был утвержден план по реструктуризации Госсовета КНР и изменению его функций. Основной целью реформы Госсовета КНР стало решение сократить бюрократическую нагрузку и сделать более эффективным правительство. Согласно последней реструктуризации Госсовета число министерств при Госсовете КНР уменьшилось с 28 до 26 в результате упразднения Министерства железных дорог и объединения других ведомств.

В ходе реструктуризации правительства акцент был сделан на изменении его функций и сокращении административных вмешательств в рыночную и социальную деятельность.

Последний этап реформ правительства был запланирован в связи с широкой общественной критикой по поводу совпадения функций или дублирования в административном управлении некоторых ведомств, низкой эффективности работы некоторых правительственных департаментов и высокой степени бюрократизации, чреватой коррупцией и халатным отношением к служебным обязанностям чиновников при отсутствии действенного контроля над административными властями³.

Основными изменениями, произошедшими в структуре Госсовета КНР по итогам последнего этапа реформ, стали следующие. Министерство железных дорог КНР было упразднено. Функции министерства по разработке технических стандартов эксплуатации железных дорог, контроля за безопасностью эксплуатации железных дорог, качеством оказания услуг железнодорожных перевозок и качеством железнодорожного строительства были переданы созданному Государственному управлению по железным дорогам КНР в составе Министерства транспорта КНР. Функции управления железнодорожным транспортом, оказания услуг пассажирских, грузовых и специальных железнодорожных перевозок, строительство железных дорог передавались создаваемой Китайской железнодорожной компании, которая будет нести ответственность за безопасность железнодорожных перевозок.

Причиной упразднения Министерства железных дорог в решении ВСНП названа необходимость отделения функций государственного управления в сфере железнодорожного транспорта от функций по управлению железнодорожным движением и оказанию услуг железнодорожных перевозок. Основной же причиной являлась масштабная коррупция и неэффективность министерства.

Вместе с сотрудниками и активами Министерства железных

дорог КНР Китайской железнодорожной компании перейдет долг Министерства железных дорог. Тем не менее государство продолжит политику поддержки развития железнодорожного транспорта и субсидирования железнодорожных перевозок.

Следующее масштабное изменение коснулось Министерства здравоохранения КНР и Государственного комитета по демографической политике и планированию рождаемости КНР, которые были преобразованы в единый Государственный комитет здравоохранения и планирования рождаемости КНР, функциями которого останутся контроль за оказанием медицинских услуг и состоянием здравоохранения в стране и оказание государственных услуг в сфере здравоохранения и планирования рождаемости. При этом функции по исследованию и разработке стратегии, планов демографического развития и демографической политики переданы Государственному комитету по развитию и реформе КНР.

Государственное управление по китайской традиционной медицине КНР, ранее находившееся в подчинении Министерства здравоохранения КНР, перейдет в подчинение нового Государственного комитета здравоохранения и планирования рождаемости КНР.

Государственное управление по контролю качества продуктов питания и медикаментов преобразовано в Главное государственное управление по контролю качества продуктов питания и медикаментов КНР, на которое дополнительно будут возложены функции Канцелярии Комитета Государственного совета КНР по безопасности продуктов питания, функции Главного государственного управления по контролю качества, инспекции и карантину КНР в части контроля за безопасностью продуктов питания на этапе производства и функции Главного государственного управления торгово-промышленной администрации КНР в части контроля за безопасностью продуктов питания на этапе реализации (в торговом обороте). Функции по разработке стандартов качества продук-

тов питания и оценке риска безопасности продуктов питания перейдут к Государственному комитету по здравоохранению и планированию рождаемости КНР.

Функции по контролю за безопасностью сельскохозяйственных продуктов возложены на Министерство сельского хозяйства КНР, которому также переданы функции контроля за забоем скота, ранее относившиеся к Министерству коммерции КНР.

Вместе с передачей функций по контролю за безопасностью продуктов питания на этапе производства и оборота Главному государственному управлению по контролю качества продуктов питания и медикаментов КНР перейдут полномочия по проведению инспекций и проверок производства продуктов питания и выдаче лицензий (разрешений) на оборот продуктов питания. Это изменение затронет предприятия пищевой промышленности, магазины, рынки и другие предприятия торговли продуктами питания, рестораны, кафе и остальные предприятия общественного питания.

Главное государственное управление радиовещания, кинематографии и телевидения КНР и Главное государственное управление по делам прессы и печати КНР преобразованы в единое ведомство – Главное государственное управление по делам прессы, печати, радиовещания, кинематографии и телевидения КНР, которое будет заниматься развитием теле- и радиовещания, издательского дела, СМИ, кинопроизводства и осуществлять государственный контроль в данной сфере (за организациями, направлениями деятельности, а также качеством и содержанием печатных изданий, теле- и радиопрограмм), а также государственное управление в сфере авторских прав. Новое ведомство сохранит функции Государственного управления по делам интеллектуальной собственности КНР.

Государственному морскому управлению КНР переданы функции морского пограничного контроля (ранее относились к Министерству общественной безопасности КНР), государст-

венного управления в сфере рыболовства (ранее относились к Министерству сельского хозяйства КНР), расследования по делам о контрабанде на море (ранее относились к Главному таможенному управлению КНР).

Государственное морское управление КНР подчинено Министерству земельных и природных ресурсов КНР. Основные функции Государственного морского управления после реформы включают разработку плана использования морской акватории, осуществление контроля над использованием морских ресурсов, защиту окружающей среды на морской территории КНР и правоприменение в области защиты суверенитета КНР в морской территории страны.

Комитет Государственного совета КНР по электроэнергетике упразднен, а его функции переданы Государственному управлению по делам энергетики.

Государственное управление по делам энергетики КНР подчинено Государственному комитету по развитию и реформе КНР. Основные функции управления: разработка и организация выполнения стратегии, планов и политики развития энергетики, изучение проблем и внесение предложение по осуществлению реформ в сфере энергетики, государственный контроль в сфере энергетики ⁴.

Современную структуру Госсовета КНР, претерпевшую несколько этапов реформ, можно разделить на четыре группы.

Первая группа – министерства и ведомства министерского уровня.

¹ 中国宪法/湖锦光, 韩大元著. -2版. -北京: 法律出版社, 2007.

³ См.: <http://russian.china.org.cn/russian/62927.htm>

⁴ См.: <http://russian.people.com.cn/31521/8167267.html>

См.: http://www.gov.cn/guowuyuan/gwy_zzjg.htm;

http://cnlegal.ru/china_administrative_law/state_council_new_structure/

Вторая группа – одно специальное ведомство прямого подчинения – Комитет Государственного совета по управлению государственным имуществом.

Третья группа – ведомства прямого подчинения Госсовету КНР.

К четвертой группе относятся ведомства непосредственного подчинения Госсовету КНР (Агентство Синьхуа, Академия наук Китая, Академия общественных наук Китая, Академия инженерных наук Китая и др.).

В аппарате Госсовета КНР особое место занимает Канцелярия. Канцелярия Госсовета является органом, помогающим руководству Госсовета в текущей работе. Отвечает за подготовку заседаний Госсовета и исполнение решений, организует составление проектов и проверку документов, публикуемых от имени Госсовета и Канцелярии Госсовета; изучает вопросы, поступающие на утверждение Госсовета из различных ведомств Госсовета и народных правительств провинций, автономных районов и городов центрального подчинения, выносит мнения по рассмотрению вопроса, после чего представляет на утверждение руководству Госсовета; следит и проверяет исполнение документов, решений заседаний Госсовета, а также соответствующих указаний руководящих работников Госсовета, причем проводит последующее изучение и обследование; своевременно доводит до руководства Госсовета важные предложения и важные проблемы, поднимаемые в письмах на имя Госсовета, организует специальные расследования.

Таким образом, структура Госсовета КНР на сегодняшний день выглядит следующим образом.

1. Министерства и ведомства министерского уровня:

Министерство иностранных дел КНР;

Министерство обороны КНР;

Государственный комитет по развитию и реформе КНР;

Министерство образования КНР;

Министерство науки и техники КНР;

Министерство промышленности и информатизации КНР;

Государственный комитет по делам национальностей КНР;

Министерство общественной безопасности КНР;

Министерство государственной безопасности КНР;
Министерство контроля КНР;
Министерство гражданской администрации КНР;
Министерство юстиции КНР;
Министерство финансов КНР;
Министерство трудовых ресурсов и социального обеспечения КНР;
Министерство земельных и природных ресурсов КНР;
Министерство охраны окружающей среды КНР;
Министерство жилья, городского и сельского строительства КНР;
Министерство транспорта КНР;
Министерство водного хозяйства КНР;
Министерство сельского хозяйства КНР;
Министерство коммерции КНР;
Министерство культуры КНР;
Государственный комитет по здравоохранению и планированию рождаемости КНР;
Народный банк Китая;
Государственное ревизионное управление КНР.

2. Специальное ведомство прямого подчинения – Комитет Государственного совета по управлению государственным имуществом.

3. Ведомства прямого подчинения Госсовету КНР:
Главное таможенное управление;
Главное государственное налоговое управление;
Главное государственное управление торгово-промышленной администрации;
Главное государственное управление по контролю качества, инспекции и карантину;
Главное государственное управление по делам прессы, печати, радиовещания, кинематографии и телевидения;
Главное государственное управление по делам физкультуры и спорта;

Главное государственное управление по контролю за безопасностью на производстве;

Главное государственное управление по контролю качества продуктов питания и медикаментов;

Государственное статистическое управление;

Государственное управление по делам лесного хозяйства;

Государственное управление по делам интеллектуальной собственности;

Государственное управление по делам туризма;

Государственное управление по делам религий;

Бюро советников Государственного совета КНР;

Управление по делам органов Государственного совета КНР.

4. Ведомства непосредственного подчинения Госсовета КНР:

Агентство Синьхуа;

Академия наук Китая;

Академия общественных наук Китая;

Академия инженерных наук Китая;

Исследовательский центр Госсовета по развитию;

Государственная административная академия;

Государственное сейсмологическое управление;

Государственное метеорологическое управление;

Комитет по надзору и управлению банковским сектором Китая;

Комитет по надзору и управлению фондовыми сделками Китая;

Комитет по надзору и управлению страхованием;

Госкомитет по надзору и управлению электроэнергией;

Совет Всекитайского фонда соцобеспечения;

Совет Всекитайского фонда естественных наук¹.

¹ См.: http://www.gov.cn/guowuyuan/gwy_zzjg.htm

**Особенности законодательной политики КНР
в 2015 г.**

Аннотация: статья посвящена исследованию политики КНР в области законодательства в 2015 г. Анализируется содержание принятых Законов «О противодействии терроризму», «О борьбе с насилием в семье», «О государственной безопасности», поправки в Уголовный кодекс, а также другие акты правотворчества. Отмечается характер современных вызовов и угроз, с которыми сталкивается китайская государственность в последние годы, и реакция на них со стороны органов представительной власти Китая.

Ключевые слова: правовая система, законодательство, право Китая, государственная безопасность, терроризм, экстремизм, насилие в семье, юридическая ответственность.

На современном этапе своего развития КНР сталкивается с целым рядом различных вызовов и угроз, некоторые из которых к настоящему времени приобрели «устойчивый» характер. От законодателя требуется оперативное принятие актов правотворчества для успешной борьбы с ними. В первую очередь это касается вопросов обеспечения безопасности государства (противодействие терроризму, экстремизму, шпионажу), борьбы с насилием в семье, повышения прироста населения, сохранения стабильности в Особом административном районе Сянган (Гонконг). *В 2015 г. основной упор в законодательной работе ПК ВСНП был сделан на принятие законов именно в этих сферах.*

27 декабря 2015 г. появился Закон КНР «О противодействии терроризму» (中华人民共和国反恐怖主义法) (вступил в силу с 01.01.2016). Его положения направлены на усиление борьбы с террористической деятельностью и ее финансированием. Закон состоит из 10 глав, 97 статей. Своим вступлением

в силу он отменил ранее действующее Постановление ПК ВСНП «О соответствующих вопросах усиления работы по борьбе с терроризмом» от 29.10.2011.

Террористическая угроза в основном исходит из Синцзян-Уйгурского автономного района, в котором действуют более десятка запрещенных террористических организаций, к их числу относится «Исламское движение Восточного Туркестана» (ИДВТ), выступающее за создание единого исламского государства и обращение в ислам всего китайского населения. Российский исследователь Мавлонова А.С. отмечает, что «для геополитического оппонента Китая – Соединенных Штатов очень выгодна радикализация уйгурского сепаратистского движения. Радикализация ислама в Синьцзяне – это серьезная возможность для США удерживать регион под пристальным наблюдением, благодаря военному присутствию в Центральной Азии и Афганистане¹».

Самым резонансным террористическим актом в Китае за последние годы стала кровавая резня на железнодорожном вокзале в крупном городе Куньмин (01.03.2014), когда вооруженная ножами организованная группа из 10 преступников напала на людей, в результате чего погибли несколько десятков человек, более ста получили ранения. Позже обвинения в происшедшем были предъявлены уйгурским террористам, несколько из них были приговорены к смертной казни (24.03.2015)².

22 мая 2014 г. в г. Урумчи два автомобиля-внедорожника въехали в толпу людей на рынке, после чего из них полетели взрывные устройства. Погибло 39 человек, около ста получили ранения. Исполнителями террористического акта также были уйгуры (восемь человек приговорены к смертной казни)³. После этого террористического акта власти КНР заявили о начале крупномасштабной антитеррористической кампании, которая продлилась до лета 2015 г.

29 августа 2015 г. в УК КНР были внесены очередные (де-

вятые) поправки. Изменениям подверглось содержание статей Кодекса, устанавливающих уголовную ответственность за преступления террористического характера. Так, например, за «организацию, руководство террористической организацией либо приговаривается к лишению свободы от десяти лет либо пожизненному лишению свободы, а также конфискации имущества; за активное участие – к лишению свободы от трех до десяти лет, а также к штрафу; за иное участие – лишение свободы до трех лет, арест, надзор либо лишение политических прав, а также возможно к штрафу» (ч. 1 ст. 120).

Уголовная ответственность устанавливается и за финансирование террористической деятельности, террористической организации, подготовки террористов (до пяти лет лишения свободы), при отягчающих обстоятельствах – от пяти лет. Ответственность наступает и в случаях вербовки, доставки террористов для террористических организаций, совершения террористического акта, обучения террористической деятельности (ст. 120.1).

Различные сроки тюремного заключения ожидают тех преступников, которые подготавливают орудия совершения террористической деятельности, организуют подготовку террористов, налаживают связь с зарубежными террористическими организациями, планируют террористическую деятельность, изготавливают материалы террористического и экстремистского содержания, «экстремистски подстрекают массы к разрушению установленной законодательством судебной системы, системы образования, системы брака, общественной системы» и др.

Закон КНР «О противодействии терроризму» играет важное для современного Китая значение. Правовой документ был принят «для предупреждения и наказания за осуществление террористической деятельности, усиления работы по противодействию террористической деятельности, обеспечения безопасности государства, общественной безопасности и безопасности жизни личности, имущества» (ст. 1). Декларируется, что

Китай не идет на компромиссы с террористическими организациями и их членами, не покрывает, не предоставляет статус беженца террористам (ст. 2).

Под терроризмом законодатель понимает «убеждения и деяния, которые посредством взрыва, разрушения, устрашения и другими способами создают в обществе панику, посягают на общественную безопасность, причиняют вред личности и собственности либо в этих целях принуждают государственные органы, международные организации к осуществлению соответствующих политики, идеологии» (ч. 1 ст. 3). Под «террористической деятельностью» понимаются (ч. 2 ст. 3):

1) деяния, направленные на организацию, планирование, подготовку к осуществлению, осуществление или намерение осуществления деятельности, влекущей за собой серьезное посягательство на общество в виде гибели людей, нанесения значительного вреда имуществу, разрушения социальной инфраструктуры, приведения в хаос социального порядка;

2) пропаганда терроризма, провоцирование к осуществлению террористической деятельности либо незаконное обладание продукцией, пропагандирующей терроризм, принуждение к ношению в общественных местах одежды, символики, пропагандирующей терроризм;

3) организация, руководство, участие в террористической организации;

4) предоставление информации, финансирования, материальных ресурсов, услуг, технической поддержки, мест и другой поддержки, помощи, преференций для террористических организаций, террористов, осуществляемой террористической деятельности или обучения террористической деятельности;

5) иная террористическая деятельность.

Организация признается террористической, если она создана для осуществления террористической деятельности и состоит из трех и более человек (ч. 3 ст. 4).

Под террористом понимается лицо, осуществляющее тер-

рористическую деятельность, и член террористической организации (ч. 4 ст. 4).

Под террористическим актом понимается совершаемая или уже совершенная террористическая деятельность, нанесящая либо способная нанести серьезный вред обществу (ч. 5 ст. 4).

Устанавливается, что «все организации и отдельные лица несут обязанность по оказанию помощи, содействию соответствующим органам при осуществлении ими работы по противодействию терроризму, при наличии подозрений в осуществлении террористической деятельности или обнаружении подозреваемых в терроризме лиц, должны своевременно докладывать органам общественной безопасности или другим соответствующим органам» (ст. 9). Часть 3 ст. 28 дополняет: «все организации и отдельные лица, при обнаружении предметов, материалов, информации, пропагандирующей экстремизм, обязаны незамедлительно докладывать в органы общественной безопасности».

Закон «О противодействии терроризму» содержит множество расплывчатых, неконкретных формулировок, позволяющих правоохранителю применять его положения по своему усмотрению. Текст правового акта изобилует терминами неопределенного толкования: «своевременно», «незамедлительно», «правдиво», что также предоставляет компетентным китайским органам широкие полномочия по применению санкций в отношении «виновных» лиц и организаций. Впрочем, такой подход при осуществлении борьбы с терроризмом для современного Китая представляется оправданным. Китайскому законодателю пока невозможно точно прописать все алгоритмы действий при возникновении террористической угрозы, абстрактное содержание правовой нормы позволяет действовать «по ситуации».

Важным правовым актом в сфере обеспечения безопасности общей направленности стал принятый 1 июля 2015 г. Закон КНР «О государственной безопасности»⁴. Впервые документ с

таким названием был принят в Китае в 1993 г., однако статьей 40 Закона КНР «О борьбе со шпионажем» (01.11.2014) его действие было прекращено. Крайняя необходимость в дополнительном регулировании правоотношений в сфере обеспечения государственной безопасности подвигла китайского законодателя к скорейшей разработке и принятию нового закона, с учетом предыдущего правотворческого опыта.

Закон «О государственной безопасности» состоит из 7 глав, 84 статей. Под «государственной безопасностью» в ст. 2 понимается «состояние, при котором политическая власть, суверенитет, единство и территориальная целостность государства, благополучие народа, непрерывное экономическое, социальное развитие и иные важные государственные интересы не подвергаются рискам, внешним и внутренним угрозам, а также гарантирована способность длительного поддержания безопасной обстановки».

Правящей коммунистической партии принадлежит руководящая роль в сфере обеспечения государственной безопасности (ст. 4). Отмечается необходимость соблюдения Конституции и законов, уважения и обеспечения прав человека, прав и свобод граждан при защите государственной безопасности (ст. 7), а также поддержание мира во всем мире (ст. 10). В обязанности граждан КНР, государственным органам и вооруженным силам, политическим партиям и общественным объединениям вменяется обеспечение государственной безопасности (ч. 1 ст. 11). В части 2 ст. 11 в контексте обеспечения единства Китая декларируется «совместная обязанность соотечественников, проживающих в Гонконге, Макао и на Тайване» сохранять государственный суверенитет, единство и территориальную целостность государства. Отдельные статьи посвящены институту поощрения лиц и организаций за вклад в дело обеспечения государственной безопасности (ст. 12), привлечению к уголовной ответственности должностных лиц, виновных в коррупции (ст. 13). Государственным днем образовательных

программ в сфере государственной безопасности объявлено 15 апреля (ст. 14).

К числу субъектов обеспечения государственной безопасности законом относятся (глава 3): ВСНП (решает вопросы войны и мира), ПК ВСНП (объявляет военное или чрезвычайное положение, мобилизацию), Председатель КНР (по решению ВСНП или его ПК вводит чрезвычайное или военное положение, объявляет мобилизацию), Государственный совет (издает соответствующие акты, осуществляет административную деятельность), Центральный военный совет (руководит всеми вооруженными силами, определяет военную стратегию, принимает правотворческие акты военного характера), государственные министерства (осуществляют свою деятельность в соответствии с предоставленными законом полномочиями), народные суды (осуществляют судопроизводство по делам, затрагивающим сферу государственной безопасности), органы государственной и общественной безопасности (осуществляют сбор информации, проводят следствие, аресты, задержания).

Руководство в сфере обеспечения государственной безопасности осуществляется единым координационным органом, созданным в 2013 г., – Советом национальной безопасности (ст. 44). Его возглавляет Председатель КНР Си Цзиньпин. В рамках обеспечения государственной безопасности орган координирует деятельность Министерства общественной безопасности, Военной полиции, органов юстиции, НОАК, МИД, Министерства государственной безопасности и других органов, включая Центральную комиссию КПК по проверке дисциплины.

В Законе КНР «О государственной безопасности» закрепляется обязанность граждан участвовать в деятельности по обеспечению безопасности государства. Единым координационным органом признается Совет национальной безопасности, который действует согласно принимаемым партией решениям. По традиции, свойственной многим нормативным правовым актам КНР, закон изобилует общими, абстрактными формулировками.

В сфере обеспечения единства государства китайским законодателем приняты определенные решения в сфере урегулирования недавно возникшего в Гонконге конфликта, вызванного правилами избрания Главы администрации. Осенью 2014 г. по Сянганскому Особому административному району (Гонконг) (СОАР) прокатились массовые протесты населения против избирательной реформы, которую инициировали центральные власти КНР через решение Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей: 31 августа им было принято Постановление «По вопросу о всеобщих выборах Главы администрации Особого административного района Сянган и порядку формирования Законодательного совета в 2016 г.». В западной прессе эти протестные выступления получили название «революции зонтиков».

Согласно закрепленным в нем положениям, с 2017 г. в СОАР вводятся всеобщие выборы Главы администрации. Создается Номинальная коллегия, которая большинством голосов должна определить 2 или 3 кандидатов, из которых впоследствии будет выбран Глава администрации (бывший губернатор при английской митрополии).

Переход к всеобщим прямым выборам Главы администрации без представительства кандидатов от оппозиции (в основном противников перехода Гонконга под юрисдикцию КНР) стал основой широких волнений. Существовала надежда на то, что выборы Главы администрации в 2017 г. пройдут по принципу «один человек – один голос». Однако оказалось, что, хотя голосование и будет всеобщим, количество кандидатов ограничено. Всем им следует пройти процедуру предварительного отбора, получив большинство голосов Номинальной коллегии в составе 1200 человек. Таким путем центральные власти получают возможность отсекал от участия в выборах неудобных ей оппозиционеров. Участники акций требовали не только допущения до выборов широкого круга кандидатов, но и отмены одобрения их со стороны Пекина, а также исключения обяза-

тельного утверждения избранного Главы администрации со стороны Центрального народного правительства (ЦПН) КНР.

18 июня 2015 г. Законодательный совет Гонконга отклонил предложенную ПК ВСНП модель избирательной реформы, что стало победой сянганской общественности над Пекином. Против нее проголосовало 28 членов, лишь 8 – «за» (всего на заседании присутствовало 37 человек, решение ПК ВСНП могло быть принятым лишь при его одобрении 2/3 членов Законодательного совета). Таким образом, предложенная сянганским правительством возможность проведения всеобщих прямых выборов Главы администрации по «пекинской модели» осталась под вопросом. Ожидаются серьезные консультации по методике проведения выборов Главы администрации Гонконга в 2017 г. между Центральными властями и администрацией Гонконга.

В уголовно-правовой сфере в августе 2015 г. внесен ряд поправок в действующий Уголовный кодекс КНР (вступили в силу 01.11.2015). В общей сложности изменения подверглось содержание 33 статей, в кодекс добавлено 15 новых статей. Усилена уголовная ответственность за террористическую деятельность (поправки № 5-8), причинение тяжкого вреда здоровью заложника, его убийство (поправка № 14), незаконное предоставление персональных данных (№ 17). Введено дополнительное наказание в виде запрета на занятие определенных должностей (от 3 до 5 лет) (поправка № 1).

Китайский законодатель отменил смертную казнь по 9 составам преступлений (контрабанда ядерных материалов, контрабанда оружия и боеприпасов, контрабанда поддельной валюты, подделка валюты, получение денежных средств путем мошенничества, организация проституции, насильственное вовлечение в занятие проституцией, воспрепятствование исполнению должностных обязанностей в военной сфере, распространение слухов в военное время), снизив их количество до 46 (ранее – 68. В 2011 г. поправками в УК КНР их число было сокращено до 55). Смертная казнь за коррупцию сохраняется.

В социально-правовой сфере 27 декабря 2015 г. принят Закон КНР «О борьбе с насилием в семье» (вступил в силу 01.03.2016). О необходимости появления данного документа в правовой системе КНР говорили давно. По мнению китайских экспертов, в последние годы насилие в семье стало более распространенным, чем ранее. Неслучайно, что Закон КНР «О браке» подвергался неоднократным изменениям, в том числе и в плане усиления борьбы с домашним насилием. Китайский исследователь Гун Нань свидетельствует: «проблемам домашнего насилия и жестокого обращения в семье посвящена гл. 5 “Меры по оказанию помощи и правовая ответственность”, естественно, в первую очередь она защищает права женщин, детей и пожилых членов семьи. Лицо, подвергающееся насилию или жестокому обращению, оставленное на произвол судьбы без помощи и средств к существованию, имеет право обращаться в различные инстанции (комитеты городских и сельских жителей, органы общественной безопасности, народные суды и прокуратуру) за помощью»⁵.

Закон КНР «О борьбе с насилием в семье» состоит из 6 глав, 38 статей. Под «насилием в семье» китайский законодатель понимает «происходящие между членами семьи деяния, наносящие вред телу, психике путем нанесения побоев, связывания, нанесения увечий, ограничения личной свободы, а также частой ругани, устрашения и другими способами» (ст. 2). Часть 1 статьи 3 вменяет в обязанность всем членам семьи взаимно помогать и любить друг друга, исполнять возложенные на них обязанности. Несовершеннолетние, пожилые, инвалиды, беременные и кормящие женщины, тяжело больные подлежат «особой защите» в случаях применения насилия в семье (ч. 3 ст. 5).

Государство развешивает пропаганду семейных ценностей, в которой должны принимать участие все средства массовой информации, включая печать и Интернет (ст. 6). Неслучайно, что телевизионные программы в Китае до их выхода должны пройти процедуру одобрения специального комитета.

В телесериалах запрещаются к показу сцены насилия, интимные сцены, однополые отношения⁶.

Древняя китайская пословица гласит: «семейные неурядицы нельзя распространять за пределы дома» (家丑不可外扬) (русский аналог: «не выносить сор из избы»). Именно из-за опасения того, что подвергшиеся семейному насилию лица будут бояться говорить об этом за пределами дома, законодатель обязывает медицинские учреждения вести записи о применении насилия в семье по отношению к поступившим к ним больным (ч. 2 ст. 7). В случаях, когда уровень насилия в семье незначителен, органы общественной безопасности осуществляют критику и воспитание либо выносят предостережение (ч. 1 ст. 16). Народные суды снижают либо освобождают потерпевших от домашнего насилия от судебных пошлин (ч. 2 ст. 19).

По общему правилу, в случае применения насилия в семье либо наличия угрозы его применения, лицо обращается в народный суд за помощью в обеспечении личной безопасности (ст. 23). Если лицо не в состоянии самостоятельно обратиться с таким требованием в суд, то за него это делают родственники, либо органы общественной безопасности, женские комитеты, местные комитеты, иные органы. Народный суд выносит распоряжение об обеспечении безопасности лица, в котором указываются данные на заявителя, его конкретная просьба и обстоятельства, связанные с насилием в семье либо угрозой его применения (ст. 27). Срок вынесения распоряжения – 72 часа после принятия просьбы об обеспечении безопасности. В особых случаях – 24 часа (ст. 28). В распоряжении об обеспечении личной безопасности народный суд:

- запрещает применять насилие в семье;
 - запрещает досаждать, преследовать, контактировать с заявителем и его родственниками;
 - покидать место жительства, в котором проживает заявитель;
 - принимает другие необходимые меры.
- Срок действия мер в рамках обеспечения личной безопас-

ности не может превышать 6 месяцев, но он может быть как сокращен, так и продлен (ст. 30).

Виновное в применении насилия лицо подлежит штрафу до 1000 юаней, административному аресту до 15 суток. Если в его действиях содержится состав преступления – то привлечению к уголовной ответственности (ст. 32).

Необходимость в принятии отдельного закона по борьбе с насилием в семье ставится под сомнение. В правовой системе КНР действует Уголовный кодекс, который закрепляет ответственность за применение насилия, вне зависимости происходит оно вне или внутри семьи. Закон КНР «О браке» также содержит положения о компенсации потерпевшей от насилия в семье стороне (ст. 36). Представляется, что в основе появления данного закона лежат политические факторы: необходимость соответствия международным правовым стандартам, предполагающим наличие в праве государства такого типа правового документа.

В сфере планирования рождаемости на очередном 5-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва (октябрь 2015 г.) было принято решение о разрешении всем китайским семьям без исключения рожать второго ребенка. Партийное указание получило законодательное оформление 27 декабря 2015 г. в виде Постановления ПК ВСНП «О внесении изменений в Закон КНР о народонаселении и планировании рождаемости». В пункте первом сказано: «государство поощряет рождение одной семьей двух детей». Таким образом, осуществляемая с 1979 г. политика «одна семья – один ребенок» (фактически с 1956 г.) трансформировалась в политику «одна семья – два ребенка». Однако ее плоды появятся нескоро – многие китайские семьи вовсе не хотят рожать детей.

15 марта ВСНП внес ряд поправок в действующий Закон КНР «О правотворчестве». Суть изменений состоит в упорядочении деятельности правотворца, исключении превышения законодательных полномочий органами власти на местах, возникновения противоречия между центральными и региональ-

ными актами правотворчества. В масштабах Китая создано 284 города в особых районах городского подчинения, из которых лишь 49 предоставлено право на принятие местных нормативных правовых актов. Таким образом, 235 городов лишено возможности на самостоятельную региональную правотворческую деятельность. Для устранения перегибов в предоставлении прав на принятие местных локальных актов, китайский законодатель принял решение о делегировании правотворческих полномочий местным субъектам в части регулирования вопросов городского строительства и управления, охраны окружающей среды и культурного наследия.

Подводя итог, отметим, что современное законодательство Китая продолжает развиваться в направлении оперативного точечного (локального) регулирования наиболее важных сфер жизни общества, происходит поиск правовых путей решения существующих вызовов и угроз китайской государственности. Содержащиеся в законах положения, несмотря на китайскую специфику, представляют значительный научный и практический интерес для отечественной компаративистской науки. Российская государственность сталкивается со схожими угрозами и вызовами, что требует детального исследования правотворческого опыта КНР для возможного использования в России.

¹ *Мавлонова А.С.* Проблема уйгурского сепаратизма в контексте обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии. Дисс. канд. исторических наук. М., 2015. С.131.

² URL: <http://baike.baidu.com/view/15217884.htm> (дата обращения – 11.03.2016)(на кит. яз.).

³ URL: <http://baike.baidu.com/view/13211101.htm> (дата обращения – 11.03.2016)(на кит. яз.).

⁴ Некоторыми российскими учеными указанный нормативный правовой акт называется Законом КНР «О национальной безопасности» (Румянцев Е.Н.). *Гун Нань.* Реформа закона о браке в Китае в целях предотвращения домашнего насилия // Пролог. 2014. №1. С.48.

⁵ URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2727771&cid=520> (дата обращения – 11.03.2016).

Основные принципы гражданского процессуального права Китая

Аннотация: статья посвящена исследованию основных принципов гражданского процессуального права Китая, раскрытию их содержания и назначения в правовом регулировании гражданского процесса. Принципы гражданского процессуального права выступают в качестве его основополагающих начал, пронизывающих всю отрасль. Знание их особенностей позволяет понять специфику правовых институтов, закрепленных ГПК КНР, выявить характерные отличительные черты правового регулирования в гражданско-правовой сфере.

Ключевые слова: право Китая, гражданский процесс, судопроизводство, гражданское право, принципы гражданского процесса, процессуальные права, правовое регулирование, китайская специфика.

«Принципы гражданского процессуального права – основные правила (начала), пронизывающие весь гражданский процесс, все процессуальные институты и обладающие решающим значением для осуществления правосудия не только на конкретной стадии судебного разбирательства, но и в ходе всего судопроизводства по делу» – пишет профессор Пекинского университета Лю Цзясин¹. Основным источником гражданского процессуального права КНР выступает Закон КНР «О гражданском процессе» (中华人民共和国民事诉讼法), который по сложившейся традиции переводится на русский язык как Гражданский процессуальный кодекс. ГПК КНР был принят 9 апреля 1991 г. на 4-й сессии ВСНП 7-го созыва и вступил в силу с даты его принятия².

Китайские процессуалисты Чэнь Гуймин и Лю Чжисян наиболее удобным подходом для исследования основных принципов гражданского процессуального права считают их

разделение на конституционные и отраслевые.

Профессор Чэнь Гуймин отмечает, что основные принципы гражданского процессуального права Китая должны соответствовать положениям Конституции КНР, учитывать особенности государственного устройства, требования социальной демократии, отвечать курсу построения социалистического правового государства. Этим обусловлена специфика правового регулирования гражданского процесса в КНР³. К числу главных принципов относятся:

Принцип осуществления правосудия только судом (закреплен в ст. 126 Конституции КНР, ст. 6 ГПК КНР и ст. 4 Закона КНР «Об организации народных судов»). Содержание данного принципа в китайском гражданском процессуальном праве сходно с его толкованием в российской юридической науке. Так, правосудие по гражданским делам осуществляется только народными судами самостоятельно, без вмешательства органов государственной власти, общественных организаций и физических лиц.

Судебная система КНР включает в себя: Верховный народный суд КНР, специализированные суды (военные, морские суды и суды железнодорожного транспорта, суды по лесным спорам) и местные народные суды, имеющие 3-х уровневую структуру: народные суды основной ступени (суды уездов, автономных уездов и т.п.), народные суды средней ступени (суды округов, автономных округов, городов с районным делением и городов с центральным подчинением: Пекин, Шанхай, Тяньцзинь и Чунцин), народные суды высшей ступени (суды провинций, автономных районов, городов центрального подчинения) (ст. 2 Закона об организации народных судов)⁴.

Верховный суд несет ответственность перед ВСНП и его Постоянным комитетом. Местные суды подотчетны Собраниям Народных представителей (СНП) соответствующих ступеней и их постоянным комитетам. Нижестоящие суды подотчетны вышестоящим (ст. 128 Конституции и ст. 16 Закона «Об

организации деятельности народных судов»).

Принцип равенства всех граждан перед законом и судом не закреплен в ГПК КНР, однако он находит отражение в ст. 33 Конституции КНР: «Все граждане равны перед лицом закона»⁵, и в ст. 5 Закона «Об организации народных судов КНР». Согласно рассматриваемому принципу все граждане КНР в равной степени пользуются правами и несут обязанности, предусмотренные Конституцией и иными законами КНР.

Принцип национального языка судопроизводства закреплен в ст. 134 Конституции КНР, ст. 11 ГПК КНР и ст. 6 Закона «Об организации деятельности народных судов»: «Граждане всех национальностей вправе использовать родной язык и письменность в рамках судопроизводства по гражданским делам».

Китайское правительство внимательно относится к вопросу поддержания мира в местах совместного проживания многочисленных национальных меньшинств. Для поддержания конституционного принципа равноправия национальных меньшинств (ст. 4 Конституции КНР), народные суды, находящиеся в районах их совместного проживания, обязаны осуществлять правосудие и составлять судебные акты на общепринятом в соответствующем районе языке и письменности, и предоставлять услуги переводчика лицам, участвующим в деле, но не владеющим таким языком (ч. 2, 3 ст. 11 ГПК КНР).

Еще одним значимым принципом для гражданского процессуального права Китая выступает **принцип гласности судебного разбирательства**.

Конституция КНР в ст. 125, ГПК КНР в ст. 10 и Закон «Об организации деятельности народных судов» в ст. 7 закрепляют положение о том, что народные суды должны рассматривать гражданские дела в соответствии с принципом гласности, то есть в открытом заседании суда.

Что касается рассмотрения дел в закрытом судебном заседании, то оно также допускается в отношении споров, связан-

ных с государственной тайной, тайной частной жизни и дел, затрагивающих интересы несовершеннолетних лиц. Более того, по ходатайству стороны дела о расторжении брака или споры, касающиеся коммерческой тайны, могут быть разрешены судом в закрытом режиме (ст. 134 ГПК и ст. 7 Закона о народных судах).

Как и в российских судах общей юрисдикции, в народных судах Китая решения должны быть опубликованы публично, даже если дело рассматривалось в закрытом порядке (ч. 1 ст. 148 ГПК КНР).

Что касается электронного судопроизводства, то Китай сделал большой шаг по внедрению современных технологий в процесс осуществления правосудия. В 2010 г. в КНР проводилась конференция стран Тихоокеанского бассейна по вопросам электронного судопроизводства, на которой были представлены технические возможности судов. Так, например, Верховный народный суд имеет возможность проводить видеоконференции с любым из нижестоящих народных судов⁶.

Принцип законности в китайском законодательстве тесно связан с принципом социалистической законности. Долгое время он не занимал места одного из главенствующих принципов, уступая его принципам социалистической целесообразности, диктатуры народа.

Обратившись к истории его развития можно заметить, что с 1949 до начала 1966 гг. («культурная революция») существовала «революционная законность» или «законность народной демократии». С конца 1978 г. законность стала определяться в китайском праве как социалистическая. По мере интеграции Китая в мировое сообщество, экономического развития государства, роль права и законности стала пересматриваться и приобретать все большую значимость в вопросах государственного строительства и модернизации, начали проводиться обширные реформы законодательства⁷.

Конституция КНР в статье 5 закрепляет этот принцип как

принцип социалистической законности.

Что касается содержания принципа законности в гражданском процессе Китая, то он прямо закреплен в ГПК (ст. 7). Согласно установлениям ст. 7, при рассмотрении гражданских споров народные суды должны руководствоваться законами и не принимать решений, противоречащих им.

Основные отраслевые принципы гражданского процессуального права КНР

Отраслевые принципы происходят из самого гражданского процесса, отражают закономерности его правового регулирования. Как правило, они закреплены в гражданском процессуальном кодексе и ряде иных законодательных актов. Рассмотрим же подробнее основные из них.

Принцип процессуального равенства сторон закреплен в ст. 8 ГПК КНР. Содержание этого принципа имеет много общего с его содержанием в российском процессуальном праве. Сторонам предоставляются равные процессуальные права и возможности для защиты своих законных интересов. Суд, в свою очередь, в ходе осуществления правосудия обязан исходить из абсолютного процессуального равноправия сторон и гарантировать им реализацию их законных прав.

Китайские процессуалисты выделяют также *принцип паритетности*, закрепленный в ст. 5 ГПК, согласно которому иностранные граждане, лица без гражданства, организации пользуются равными процессуальными правами с гражданами и организациями Поднебесной, могут выступать в качестве истцов и ответчиков в суде.

В случае введения ограничений в отношении процессуальных прав граждан и организаций КНР иностранными судами, суды КНР также могут ввести ответные ограничения в отношении граждан и организаций соответствующего государства.

Новеллой китайского гражданского процесса, внесенной в ГПК КНР в ходе пересмотра положений Кодекса в 2012 г., является *принцип добросовестности или принцип диспози-*

тивности (ст. 13).

Сама по себе диспозитивность определяется как право или возможность лиц, участвующих в деле, в известных пределах под контролем суда распоряжаться своими процессуальными и материальными правами и защищать их.

Однако содержание принципа диспозитивности в гражданском процессуальном праве Китая имеет определённую специфику по сравнению с его пониманием в российском процессе. Состоит она в том, что стороны в пределах, установленных законом, имеют право отказаться от своих гражданских процессуальных прав.

Кроме того, принцип добросовестности подразумевает запрет на злоупотребление гражданскими процессуальными правами, а также норму об утрате права на представление доказательств по делу при пропуске установленного для этого законом срока без уважительной причины. Приобщение доказательств к делу в этом случае остается на усмотрении суда, при положительном решении стороне будет вынесено порицание и наложен штраф (ч. 2 ст. 65 ГПК).

Что касается запрета на злоупотребление процессуальными правами, то в ГПК КНР он раскрывается в норме об ответственности за заведомо умышленную подачу иска с целью причинить ущерб правам и интересам других лиц (ст. 112), а также в недопустимости умышленного уклонения от исполнения обязательств через обращение в суд (ст. 113). В зависимости от тяжести преступления и совокупности обстоятельств дела правонарушитель будет нести ответственность (штраф, арест), вплоть до уголовной.

В 2012 г. в текст ГПК КНР была введена часть 3 ст. 56, согласно которой 3-м лицам, не участвовавшим в судебном разбирательстве, предоставляется право на обжалование судебного решения по делу, если они могут представить доказательства о том, что оно нарушает их права и интересы.

Еще одной особенностью гражданского процесса КНР яв-

ляется **принцип стремления к примирению в судопроизводстве (медиация)**. Он закреплен в ст. 9 ГПК, которая обязывает народные суды на основе принципов законности и добровольности осуществлять примирение сторон, если же достижение согласия невозможно, то суды обязаны вынести решение по делу.

В китайском процессе медиация при посредничестве суда может проводиться до начала стадии судебного разбирательства после подачи иска (ст. 122, 133 ГПК), а также в ходе рассмотрения дела до вынесения по нему решения (ст. 142 ГПК) и на стадии апелляционного обжалования решения (ст. 172 ГПК). Самой процедуре медиации посвящена глава восьмая ГПК КНР.

Еще одним основным принципом в китайском процессуальном праве является **предоставление сторонам права на участие в судебных прениях** (ст. 12 ГПК). Каждый участник судопроизводства, для защиты своих интересов, вправе изложить суду свою точку зрения на обстоятельства дела, представить возражения и опровержения доводов противоположной стороны. «Только с помощью процедуры судебных прений можно раскрыть истинную суть спора, выявить достоверные обстоятельства дела и найти пути разрешения конфликта», — пишет Чэнь Гуймин⁸.

Порядок их проведения урегулирован в ст. 141 ГПК, после завершения участия сторон в судебных прениях суд должен вынести решение, если только стороны не пришли к мировому соглашению (ст. 142 ГПК).

Китайские процессуалисты в качестве организационного начала выделяют **принцип осуществления прокурорского надзора**. Согласно ст. 14 ГПК, народная прокуратура вправе осуществлять надзор за соблюдением законности (осуществляет противодействие коррупции, следит за вынесением судами обоснованных и законных решений, вправе по своей инициативе возбуждать дела и т.п.)⁹.

Исторически гражданский процесс КНР (особенно в советский период) был тесно связан с гражданским процессом СССР. В результате этого в процессуальном праве наших двух стран можно встретить много общего. Так, например, гражданское процессуальное право – кодифицированная отрасль права как в РФ, так и в КНР.

Гражданское процессуальное право обеих стран содержит много схожих правовых институтов (например, приказное, упрощенное и особое производство и т.д.) и принципов: законности, процессуального равенства сторон, национального или родного языка судопроизводства и т.д.

Многие принципы гражданского процессуального права, выделяемые в качестве таковых китайским законодателем, но не рассматриваемые в таком ключе российским, тем не менее, содержатся в процессуальных нормах ГПК РФ. Например: принцип паритетности (ч. 2 ст. 398 ГПК РФ), принцип стремления к примирению сторон (медиация) (п. 5 ч. 1 ст. 150 ГПК РФ) и т.д.

Другие принципы отражены как в российском, так и в китайском процессуальном праве, которое, однако, имеет свою специфику (принцип законности, устности и письменности судебного разбирательства и т.д.). В большинстве случаев специфика правового регулирования гражданского процесса в КНР обусловлена взятым Правительством Китая курсом на построение социалистического правового государства, закрепленным 13-й Поправкой к Конституции КНР, принятой 15.03.1999¹⁰.

¹ Лю Цзясин, Миньши сусун цяочэн (Курс лекций по гражданскому процессу).

² Пекин, 1982. С.29 (на кит. яз).

В кодекс дважды вносились изменения: на заседаниях Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. (Решениями ПК ВСНП «О внесении изменений в ГПК КНР» от 28. 10.2007 г. (вступило в силу с 01.04.2008) и 31.08.2012 г. (вступило в силу с 01.01.2013г.).

³ Миньши сусунфа (Гражданский процессуальный кодекс) /под ред. Чэнь Гуймин, Лю Чжисян. Пекин: Пекинский университет, 2015. С.11-13 (на кит. яз).

-
- ⁴ См.: Как управляется Китай/ под ред. М.Л. Титаренко. М.: ИДВ РАН, 2001. С.319-330.
- ⁵ Трощинский П.В. Юридическая ответственность в праве Китайской Народной Республики. М.: ИДВ РАН, 2011. С.57.
- ⁶ Гражданский процессуальный кодекс КНР (комментарий к ГПК КНР): пер. с кит. Под ред. С.А. Халатова. 2014. С.7 (Вступительное слово И. В. Решетниковой); также см.: Reshetnicova I.V. Access to Justice Through Modern Technology, 2010. №2. P.2-4.
- ⁷ Трощинский П.В. Юридическая ответственность в праве Китайской Народной Республики. М.: ИДВ РАН, 2011. С.55.
- ⁸ Миньши сусунфа (Гражданский процессуальный кодекс) / под ред. Чэнь Гуймин, Лю Чжисян. Пекин:Пекинский университет, 2015. С.14-15.
- ⁹ Миньши сусунфа дэ цзибэнь юаньцзэ юй цзибэнь чжиду (СОбзор принципов гражданского судопроизводства и система гражданского процессуального права») / Под.ред. Сие Вэньвэня. [Электронный ресурс]; Ваншан Вэнь. Режим доступа: <http://www.jiaodong.net/wenfa/system/2013/12/11/012125410.shtml> (на кит.яз.).
- ¹⁰ Трощинский П.В. Особенности социалистической правовой системы с китайской спецификой//Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. №6. С.125-135.

20. Захарова В.К.
Московский университет МВД России имени Кикотя В.Я.

О некоторых особенностях стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе Китая и России

Аннотация: В статье проводится сравнительно-правовой анализ института возбуждения уголовного дела в КНР и РФ. Выделены отличительные особенности поводов и оснований для возбуждения уголовного дела в обеих правовых системах, а также некоторые положительные моменты влияния философско-этических концепций легизма и конфуцианства на институт возбуждения уголовного дела в Китае. Предложено рассмотреть выделенные положительные моменты в качестве опыта усовершенствования уголовно-процессуального законодательства России.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, регистрация сообщения о преступлении, поводы и основание для воз-

буждения уголовного дела, органы общественной безопасности, народная прокуратура, народный суд, заявление гражданина о преступлении, явка с повинной, легистские традиции, конфуцианские идеи.

Возбуждение уголовного дела – это начальная стадия как российского, так и китайского уголовного процесса. В уголовно-процессуальном законодательстве обеих стран подробно регулируются круг участников, порядок рассмотрения и регистрации сообщения о преступлении, виды принимаемых решений, основание и порядок возбуждения уголовного дела.

В российском уголовно-процессуальном законе деятельность по приему и регистрации сообщений возложена на следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, орган дознания и начальника органа дознания.

В Китае круг должностных лиц, принимающих участие в проверке сообщения о преступлении, изложен в ст. 108 УПК КНР. Ими оказываются не только представители органов общественной безопасности, но и сотрудники народной прокуратуры и народного суда. В качестве отличительной особенности китайской правоохранительной системы можно выделить тот факт, что активное участие на стадии проверки сообщения о преступлении принимает народный суд. Он наравне с другими правоохранительными органами обязан принимать и проверять сообщения, жалобы граждан, а также при необходимости проводить соответствующие неотложные мероприятия.

В последнее время технические новинки и современные технологии преобразуют уголовно-процессуальную деятельность китайских должностных лиц. Так, на стадии возбуждения уголовного дела подзаконные нормативные акты органов общественной безопасности КНР установили обязанность должностных лиц реализовать права граждан, подавших заявление или жалобу, по отслеживанию в онлайн режиме своего заявления, его движения и итогового решения. По нашему

мнению, опыт китайских коллег может быть изучен и внедрен в отечественную правоприменительную практику.

Переходя к характеристике сроков проведения доследственной проверки необходимо отметить, что отечественный законодатель ограничил их 3 и 10 сутками, в исключительных случаях – 30 сутками. Особенностью китайского УПК является отсутствие определенного срока проведения проверки по поступившему заявлению. Законодатель лишь ограничился требованием оперативности производства действий. Срок проведения проверки сообщения о преступлении появился в китайском уголовном процессе лишь в конце декабря 2015 г., когда Министерство общественной безопасности Китая разработало нормативный акт «Мнение о реформировании и совершенствовании системы принятия к производству и возбуждения уголовного дела»². Теперь должностные лица органов общественной безопасности ограничены следующими временными промежутками: 24 часа, 3 и 7 суток в зависимости от сложности материала и проведения экспертиз. Мы считаем, что в уголовно-процессуальном законе России институт проверки сообщения о преступлении представлен шире. Однако в приведенном нормативном акте институт проверки сообщения о преступлении представлен достаточно полно. Интерес представляет не только ограничение во времени проверки сообщения о преступлении, но и внедрение информационных технологий в регистрацию поступивших сообщений. Можно согласиться с мнением некоторых процессуалистов, утверждающих, что сроки доследственной проверки в УПК Российской Федерации чрезмерно завышены, что дает поводы для злоупотреблений некоторым должностным лицам или, в случае халатности, возможной утрате некоторых доказательств³. Существует необходимость в ограничении сроков проверки сообщения о преступлении по китайскому аналогу.

Рассматривая поводы для возбуждения уголовного дела необходимо отметить, что в уголовно-процессуальном кодексе

Российской Федерации не дано официального определения поводов, но они выделены в отдельную статью. Поводы к возбуждению уголовного дела в уголовно-процессуальном законе объединены общим понятием «**сообщение о преступлении**». В российском уголовном процессе в ст. 140 УПК РФ предусмотрены следующие поводы для возбуждения уголовного дела: 1) заявление о преступлении; 2) явка с повинной; 3) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников; 4) постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

В Китайском уголовном процессе поводы для возбуждения уголовного дела именуется как «источники» (来源), то есть источники, служащие основанием для возбуждения уголовного дела. Они не выделены в отдельную статью кодекса. Основанием для возбуждения уголовного дела по УПК КНР служат: 1) заявление (报案) или жалоба (举报) об обнаружении признаков преступления; 2) заявление (报案) или жалоба (举报) об обнаружении подозреваемого в совершении преступления; 3) явка с повинной. Субъектами подачи заявления могут быть: во-первых, организации (单位), во-вторых, любой гражданин (个人) и, только в-третьих, потерпевший (被害人). Необходимо отметить, что китайский законодатель поставил особый акцент на субъектах подачи сообщения о преступлении, когда отечественный – ограничился лишь понятием «заявитель». По нашему мнению, данная особенность является выражением принципа «поддержки линии масс».

Способ изложения и языковая конструкция статьи 108 УПК КНР сильно отличается от конструкции статьи, выбранной отечественным законодателем. Во-первых, применительно к способам подачи сообщения о преступлении в России такие понятия как «заявление потерпевшего» и «жалоба потерпевшего» практически не различаются. Напротив, китайский

законодатель выделил в Законе два термина: заявление и жалоба. В китайском языке они имеют различия в значениях. Большой китайско-русский словарь дает дефиницию слова «заявление» (报案) как сообщение властям (*в органы общественной безопасности, народную прокуратуру или народный суд*), употребляя данное слово применительно к событию. Напротив «жалоба» (举报) применяется лишь как донос на кого-либо, изобличение. Таким образом, оскорбительное слово «доносчик» в русском языке приобретает положительное звучание в китайском уголовном судопроизводстве (举报人 *цзюйбаожэнь* – «доносчик»). На наш взгляд, подобная конструкция обусловлена влиянием легистских традиций китайского права, где сохранилась установка на поощрение доносов.

В вышеуказанной статье можно также заметить неведомое российскому законодательству сочетание обязывающей и дозволяющей нормы права в одном предложении: «Любая организация либо лицо в случае обнаружения признаков состава преступления или подозреваемого в совершении преступления ***вправе, а также обязано*** заявить либо сообщить об этом в органы общественной безопасности, народную прокуратуру или в народный суд». Так, термин (有义) рассматривается в китайском законодательстве как обязанность и соотносится с такими понятиями как совесть и общественный долг, что также является прямым влиянием конфуцианских идей в праве Китая⁴. Со времён Средневековья и по настоящее время законодательством Китая предусмотрена обязанность граждан немедленно сообщать о преступлении, а также в случае необходимости организовать охрану места происшествия до приезда полиции (ст. 127 УПК КНР). В связи с этим можно предложить отечественному законодателю рассмотреть выделенные положительные моменты в качестве опыта усовершенствования уголовно-процессуального законодательства России.

Основанием для возбуждения уголовных дел в правовых

системах Китая и России является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. При этом китайский законодатель шире трактует понятие оснований для возбуждения уголовного дела, выделяя дополнительное основание – «обнаружение подозреваемого в совершении преступления» (ст. 107 УПК КНР).

Только тогда, когда соответствующие должностные лица убедятся в полной достоверности полученной информации о совершении преступления, они регистрируют уголовное дело и начинают расследование. В отечественном уголовно-процессуальном законодательстве эта стадия называется «Возбуждение уголовного дела», а в китайском – 刑事立案 («синшилиань»), что дословно переводится как возбуждение уголовного дела.

Полномочиями по возбуждению уголовного дела в России наделены орган дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь (ч. 2 ст. 40.1, ст. 146 УПК России), а также должностные лица, не являющиеся органами дознания, но выполняющие при определённых обстоятельствах отдельные функции органов дознания: капитаны морских и речных судов (ч. 3 ст. 40 УПК России), в Китае же – орган общественной безопасности и народная прокуратура (ст. 107 УПК КНР). Китайскому законодателю, вероятно, следовало также предусмотреть возможность возбуждать уголовные дела лицами, которые могут исполнять функции органов дознания при определённых обстоятельствах. В связи с тем, что проведение следственных действий в Китае возможно лишь после возбуждения уголовного дела, данная норма позволила бы оперативно собирать доказательства, не допуская их утраты.

Одним из важнейших этапов стадии возбуждения уголовного дела, ее логическим завершением является *принятие решения по рассмотренному сообщению* с учетом результатов его проверки. В Китайском уголовно-процессуальном законе

народный суд, народная прокуратура или органы общественной безопасности могут принять одно из трех решений: 1) о возбуждении уголовного дела; 2) об отказе в возбуждении уголовного дела ввиду отсутствия состава преступления; 3) об отказе в возбуждении уголовного дела в виду малозначительности деяния.

Российский законодатель в статье 145 УПК России предусмотрел следующие виды решений: 1) о возбуждении уголовного дела; 2) об отказе в возбуждении уголовного дела.

Китайский законодатель в УПК представил институт возбуждения уголовного дела весьма самобытно. Большое влияние на данный институт и правовую доктрину Китая в целом оказывают социалистическое учение, сохранившееся в нормативных актах, и философско-этические концепции, сформировавшиеся еще в Древнем Китае, такие как легизм и конфуцианство.

В отечественном уголовном процессе не прослеживается влияния каких-либо традиций или идеологии, а законодательные конструкции приближены к общеевропейским стандартам. В ходе анализа нормативных актов КНР были выявлены некоторые положительные моменты влияния традиционного законодательства на институт возбуждения уголовного дела, в частности, обязанность гражданина незамедлительно сообщать в правоохранительные органы об обнаруженном преступлении и обязанность гражданина по охране места происшествия до приезда полиции. В связи с этим, отечественному законодателю можно предложить рассмотреть выделенные положительные моменты в качестве примера для усовершенствования уголовно-процессуального законодательства России. Кроме того, целесообразно рассмотреть опыт использования современных интернет-технологий на стадии возбуждения уголовного дела Китая как одного из способов реализации прав граждан при обращении в полицию и рассмотреть возможность совершенствования отечественного уголовно-процессуального законо-

дательства и внедрения технических новинок в российский уголовный процесс.

¹ 公安部关于改革完善受案立案制度的意见 (Гунаньбугуаньюйгайгэваньшань шоу ань ли аньчжиду дэ ицзянь) // «Мнение о реформировании и совершенствовании системы принятия к производству и возбуждения уголовного дела». URL: <http://www.mps.gov.cn/n16/n1237/n1342/n803715/4946200.html> (дата обращения - 15.03.2016) (на кит. яз.).

² Там же.

³ См.: Актуальные проблемы уголовно-процессуального права: учеб. пособ. для студентов вузов / под ред. О.В. Химичевой, О.В. Мичуриной. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014. С. 167-185.

⁴ См. Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права (VII-XIII). М. Наука. 1988. С. 104-112.

Annotations

CONTENT

1. Borodich V.	
CHINA'S POLITICAL DEVELOPMENT IN THE ERA OF XI JINPING	242
2. Vinogradov A.	
TRANSFORMATION OF POLITICAL REGIME UNDER XI JINPING: INTERMEDIATE RESULTS	242
3. Gorbunova S.	
THE BUDDHIST'S LOOK AT THE CONTEMPORARY TERRORISM	243
4. Afonina L.	
THE FIFTH GENERATION OF PRC LEADERS AND CHINESE BELIEVERS: CONFLICT OF INTERESTS OR SEARCHING THE WAY FOR DEVELOPMENT?	243
5. Guruleva T.	
DEVELOPMENT OF NATIONAL EDUCATION IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: BASIC POINTS OF ACCELERATION...	244
6. Grachova J.	
THE CONTEMPORARY STATEHOOD OF NAXI PEOPLE.....	245
7. Lazareva T.	
THE PROBLEM OF TERRORISM IN THE XINJIANG UYGUR AUTONOMOUS REGION	246
8. Bazhenova E.	
THE ROLE OF XINJIANG IN THE DEVELOPMENT OF SILK ROAD ECONOMIC BELT	247
9. Sazonov S.	
DIVERSIFICATION OF INVESTMENT IN TRANSPORT COMPLEX AS A NEW MODEL OF STIMULATING ECONOMIC GROWTH	247

10. Mokretskiy A.	
THE COURSE ON THE PARTNERSHIP NETWORK ESTABLISHMENT OR EXPANSION OF THE CIRCLE OF FRIENDS BY BEIJING IN THE NEW ENVIRONMENT.....	248
11. Rumyantsev E.	
FOREIGN POLICY PROPAGANDA AND CHINESE SOFT POWER	248
12. Zhuravleva E.	
THE SYSTEM OF "SOFT POWER" WITH CHINESE CHARACTERISTICS AND ITS PECULIARITIES	249
13. Merculov K.	
SOME PARTICULARITIES AND PROSPECTS OF THE RUSSIAN-CHINESE RELATIONSHIP IN THE CONTEXT OF THE PROBLEMS OF GENESIS OF THE NEW WORLD ORDER.....	249
14. Balakin V.	
JAPANESE EXPERTS ON THE STRATEGY OF CHINESE LEADERSHIP TO CONDUCT CHINESE ARMED FORCES.....	250
15. Kartunova A.	
DEVELOPMENT AND APPROVAL OF PARTY POLICY, STRATEGY AND TACTICS BY THE MEETING OF THE POLITICAL BUREAU OF THE CPC CENTRAL COMMITTEE IN LOCHUAN (AUGUST 1937) FOR THE PERIOD OF THE ANTI-JAPANESE WAR.....	251
16. Anisimtsev N.	
BEGINNINGS, STRUCTURE AND TENDENCIES OF DEVELOPMENT OF CIVIL LAW SYSTEM OF PRC AT PRESENT STAGE.....	251
17. Bazina O.	
REFORM OF EXECUTIVE AUTHORITY PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA	252

18. Troshchinskiy P.	
PARTICULARITIES OF THE CHINA'S POLICY IN LEGISLATION IN 2015	252
19. Zakharova V.	
ABOUT SOME ASPECTS OF THE STAGE OF INITIATION OF CRIMINAL CASE IN CHINA AND RUSSIA	253
20. Sokolova N.	
FUNDAMENTAL PRINCIPLES OF THE CIVIL PROCEDURE LAW OF CHINA	253

1. Borodich V.

Ph.D. (Law)

Center of Political Studies and Prognoses Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences 8 (916) 750-38-69
E-mail: borodich@rambler.ru

CHINA'S POLITICAL DEVELOPMENT IN THE ERA OF XI JINPING

Abstract: After XYIII CPC Party Congress party leaders form their own idea about the main directions of political development. This performance is due to China's need for the development and implementation of a new development strategy, which would correspond to the nature and complexity of the internal problems and, at the same time, gaining as a result of China's reform and opening up the power, making it the second most influential nation in the world.

The main direction of China's development of modern domestic legal determined development policy management, a key role in which is played by the ruling Communist Party, while reducing the shadow contour of the authorities due to the rise of the role of law in the administration of the country and the campaign against corruption.

Key words: political change, political development, the shadow contour of the authorities, political organization, political self-organization, the system of political governance.

2. Vinogradov A.

Dr.Sc.

Head of the Center for Political Research and Forecast, Institute of Far Eastern Studies RAS, Professor People's Friendship University of Russia. *E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru*

TRANSFORMATION OF POLITICAL REGIME UNDER XI JINPING: INTERMEDIATE RESULTS

Annotation: Obtaining (Inheritance) the power of the 5th genera-

tion of Chinese leaders headed by Xi Jinping has damaged the order of political succession and presented a powerful challenge to the political mechanism formed in the course of reforms. The premature change of generations may result in emergence of the new challenges to the Chinese political system, including the ones from ideology. The perspectives of Chinese development model depends on the Xi Jinping's successful search of counter measures to the political challenges.

Key words. Political reform, Xi Jinping, anticorruption campaign in PRC, the 5th and the 6th generations of Chinese leaders, 19th Congress of CCP.

3. Gorbunova S.

Dr.Sc., Center of Political Studies and Prognoses Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences

E-mail: sagorbunova@mail.ru

THE BUDDHIST'S LOOK AT THE CONTEMPORARY TERRORISM

Abstract: The followers of different World religions condemn terrorism in the name of Islamic extremism. Their position is clear and clear – the religious believers can't take part in the terrorist acts and must deny any form of violence. The paper compares Chinese (Xuecheng) and Tibet (Dalai Lama) religious leaders attitude to the problem of terrorism blessed by religion.

Key words: Chinese Buddhism, Islam, contemporary terrorism.

4. Afonina L.

Center of Political Studies and Prognoses Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences.

E-mail: valium.l@gmail.com

THE FIFTH GENERATION OF PRC LEADERS AND CHINESE BELIEVERS: CONFLICT OF INTERESTS OR SEARCHING THE WAY FOR DEVELOPMENT?

Abstract: The last few years have been marked with the growth of manifold conflicts between the PRC regional authorities and Chinese religious communities, especially those of world religions. Clashes of interests between the government and believers often come into conflict with such significant notions of the public rhetoric as ‘social harmony’ and ‘social stability’ and point out the inefficiency of the existing system of administration over religious communities. At the same time, there has been a noticeable softening in the CPC’s attitude to traditional religious movements, as the authorities believe them to have the least potential for political opposition influence. New opportunities have been given for the development of folk beliefs, which were earlier ignored but are identified now with a ‘non-material cultural heritage’ of the Chinese civilization. What consequences this situation will have is still a question. An analysis of the developments leads to the conclusion that the problems involved in the religious sphere tend to be reconsidered and attempts are made to find ways of their solution in the ruling regime’s effort to retain power.

Key words: Xi Jinping, Zhejiang, Christianity, folk religions, Huizu, Islam, Buddhism, Dalai Lama

5. Guruleva T.

Dr.Sc., Center of Political Studies and Prognoses Institute of Far Eastern Studies, RAS, Military University of the Ministry of Defense of the RF, *E-mail:* gurulevatatiana@mail.ru

DEVELOPMENT OF NATIONAL EDUCATION IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: BASIC POINTS OF ACCELERATION

The summary: The article consists the major problems of national education in the People's Republic of China. It describes basic points of its development acceleration: leading ideology, principles, purpose and ideological basis. The leading ideology of acceleration of national education's development is presented by theoretical ideas of the Chinese heads of different generations, solutions the 18th congress of the

Central Committee of the CPC and the 2, 3, 4th Plenums of the Central Committee of the CPC of the 18th convocation. Ideas of a guarantee of the right of ethnic minorities and the population of national areas on education, increases of scientific and cultural level of the population of ethnic minorities, broadcasts of the Chinese traditional culture from generation to generation, developments of key values of socialism, consolidation of national unity and social stability act as the leading ideas. The main points of the realization of a national education are the strategy of "Four comprehensive aspects" and the idea of education of comprehensively developed persons, capable to fulfill the Chinese dream and achieve the goal "Two centuries". The basic principles of national education's development are: the principle of the leading role of the CPC, the principle of reduction of a difference in development, the principle of structure and quality observance, the principle of implementation of socially useful and special policy, the principle of education management according to the law. The main goal of national education in China consists in reduction of the difference in providing the main public educational services between national areas and other continental areas by 2020. An ideological basis of acceleration of national education's development in China is the idea of national unity strengthening of the country.

Key words: national education in the People's Republic of China, leading ideology of national education, principles and purpose of national education, ideological basis of national education.

6. Grachova J.

Postgraduate student, Center of Political Studies and Prognoses
Institute of Far
Eastern Studies Russian Academy of Sciences.

E-mail: link2k3@nm.ru/

THE CONTEMPORARY STATEHOOD OF NAXI PEOPLE

Abstract: In the last three decades, many factors have been having an impact on the lives of ethnic minorities of China and the

national policy played the most powerful role among them. "Cultural Revolution" caused irreparable damage to the culture of the Naxi people, but in the following decades, the situation of this minority and its traditional culture began to change for the better. This article is devoted to understanding the main trends in the life of the Tibeto-Burmese Naxi people in China in the XXI century, which, in turn, are the result of the national policy of Chinese government since the beginning of the Period of Reform and Opening.

Key words: Naxi, national policy of China, national minorities of China.

7. Lazareva T.

Ph.D., Center of Political Studies and Prognoses Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences.

E-mail.ru: taharitonova@yandex.ru

THE PROBLEM OF TERRORISM IN THE XINJIANG UYGUR AUTONOMOUS REGION

Abstract: In recent years in Xinjiang Uygur Autonomous region increased significantly the number of terrorist acts, which resulted in numerous victims. Terrorist attacks are accompanied by arson, murder, destruction of administrative buildings, attacking the police. Committed terrorist acts mainly instigated and carried out by a terrorist group «Islamic movement of East Turkestan». The situation is aggravated by the General situation in the world where terrorism is the norm. Is "bow" Xinjiang separatists with internationally banned terrorist organizations such as «al Qaeda», etc.

Keywords: terrorist acts, the Xinjiang Uygur Autonomous region, Islamic movement of East Turkestan", the Uyghurs, religion, ethnic relations, the Han, the resettlement of Han Chinese in Xinjiang.

8. Bazhenova E.

Ph.D., Center of Political Studies and Prognoses Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences.

E-mail: bazhenova-elena@yandex.ru

THE ROLE OF XINJIANG IN THE DEVELOPMENT OF SILK ROAD ECONOMIC BELT

Abstract: The role of Xinjiang in the development of the Great Silk Road is important since because of its geographical position it becomes the main link in making infrastructure of trade and economic relations of China with countries of Europe and Western Asia which secure necessary communications between China and its many partners. Realization of this project will promote economic development of the Western China and especially Xinjiang. It will help to diminish social and economic differentiation between developed eastern regions and backward western areas of China in future.

Key words: economic belt, Silk Road, main link, infrastructure

9. Sazonov S.

Ph.D., leading researcher IFES RAS E-mail: *sazonovch@mail.ru*

DIVERSIFICATION OF INVESTMENT IN TRANSPORT COMPLEX AS A NEW MODEL OF STIMULATING ECONOMIC GROWTH

Abstract: Both the global financial crisis and the slowdown of GDP growth put address the question to the Chinese leadership how to minimize their negative impact on the economy of the country. In both cases, China's State Council has used a proven tool in the form of increased investment used to extend the infrastructure construction. These investments provide the creation of a multiplier effect in the related industries and increase the employment growth. Though it may seem paradoxical the measures used to prevent a possible slowdown of the economic growth may turn the complex into a «anti-crisis aide»

stimulating the development of national economy.

Keywords: financial crisis, GDP, investment, transport complex of the PRC, multiplier effect, national economy, private capital.

10. Mokretskiy A.

Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences. Contacts: 8-916-467-2705. *E-mail:* 88am@mail.ru

THE COURSE ON THE PARTNERSHIP NETWORK ESTABLISHMENT OR EXPANSION OF THE CIRCLE OF FRIENDS BY BEIJING IN THE NEW ENVIRONMENT

Summary: The cornerstone of Beijing's foreign policy remained the principle of "three noes", including non-adherence to the union. After the XVIII Congress of the CPC in the Chinese lexicon appears a new term – the creation of partnerships network. In the future, it gets the name of partnership diplomacy (*jieban waijiao*) by expanding the circle of friends. The author tries to give a new interpretation of this term in the report.

Key words: China, partnership diplomacy, non-adherence to the union, global network of partnership

11. Rumyantsev E.

Ph.D., Head, Center of Information, Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences.

E-mail: evgrum@yahoo.com

FOREIGN POLICY PROPAGANDA AND CHINESE SOFT POWER

Abstract: The article deals with problems of the Chinese soft power, including propaganda, Confucius Institutes and promotion of the Chinese culture abroad. The author believes that such a promotion is first of all the promotion of the Chinese ideology. As part of these efforts the Chinese culture and ideology are actively promoted in Russia. It is pointed out in the article that while the Chinese culture is go-

ing global and this process is construed by the Chinese officialdom as a conclusive evidence of the open and inclusive character of the modern Chinese society, inside China efforts are stepped up in order to curb Western influences including those of western holidays and Christianity as a whole.

Key words: propaganda, Confucius Institutes, promotion of Chinese Culture, Sinologists.

12. Zhuravleva E.

People's Friendship University of Russia, Department of International Relations.

THE SYSTEM OF "SOFT POWER" WITH CHINESE CHARACTERISTICS AND ITS PECULIARITIES

Abstract: There is no unified approach to the concept of "soft power" in modern science. So the author of the article made an effort to systematize previously proposed concepts and to structure the mechanism of "soft power" of China. As a result, the study identifies the key components of the system of "soft power" and its instruments, the objectives of "soft power" and the obstacles standing in the way of its implementation, as well as provides a definition of "soft power" with Chinese characteristics.

Keywords: soft power, China's foreign policy, economic model, Confucius Institutes.

13. Merculov K.

Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences.

SOME PARTICULARITIES AND PROSPECTS OF THE RUSSIAN-CHINESE RELATIONSHIP IN THE CONTEXT OF THE PROBLEMS OF GENESIS OF THE NEW WORLD ORDER

Abstract: The article studies some modern phenomena and processes and the prospective tendencies of the genesis and the evolution of the international relations of the new type (the IRNT) between

Russia and China in the context of the problems of the current globalization and with the prospect to the potential formation of the new optimum (in the meaning “more just, rational, harmonious, ideal, perfect, etc.”) world order (the NOWO). The unique complex of the bilateral and the multilateral treaties on the SSIR with the participation of Russia, China, India and other truly progressive geocenters may come to life as the practical outcome of the above mentioned phenomena, processes and tendencies.

Key words: the Russian-Chinese (special) relationship, the geocenters of power, the new world order, globalization, good neighborhood.

14. Balakin V.

Ph.D., Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences.

E-mail: prof_bvi@mail.ru

JAPANESE EXPERTS ON THE STRATEGY OF CHINESE LEADERSHIP TO CONDUCT CHINESE ARMED FORCES

Abstract: For Peoples Republic of China (PRC) Chinese armed forces are the most impotent guarantee to preserve existing system of state power. World's growing economic instability forces Chinese political elites to tack permanently and look for different variants to keep own narrow interests. In reality the only real power in China capable for becoming over the serious rule skirmish has remained armed forces. Precisely through it can be explained the recent activity of PRC chairman Xi Jinping orientated on forming an effective system of political risks management in which frames must be constructed to adopt firm vertical of control over the whole high armed forces commanders and which has been sawn fore the mechanism of personal responsibility before the chief commander. The main one between those mechanisms again becomes old good principal of personal devotion.

Key words: armed forces of PRC, improving of management, po-

litical strategy, PRC leadership, principle of personal devotion.

15. Kartunova A.

Dr.Sc., Center of Political Studies and Prognoses Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences.

E-mail: a.kartunova@gmail.com

DEVELOPMENT AND APPROVAL OF PARTY POLICY, STRATEGY AND TACTICS BY THE MEETING OF THE POLITICAL BUREAU OF THE CPC CENTRAL COMMITTEE IN LOCHUAN (AUGUST 1937) FOR THE PERIOD OF THE ANTI-JAPANESE WAR

Abstract: This report considers the decisions of enlarged meeting of the CPC CC Politbureau in Lochuan (22–25 August, 1937), that determined the CPC police, strategy and tactics for the whole period of Antijapanese War. The author proposes a new approach for assessment of the compromises struck at the Conference and historical importance of the taken decisions.

Key words: CPC, Kuomintang, discussion, United front, independence, policy, tactics, partisan war.

16. Anisimtsev N.

PhD, senior research fellow of the center of studies on contemporary history of China and Russia-China relations, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences. *E-mail: nickans1@mail.ru*

BEGINNINGS, STRUCTURE AND TENDENCIES OF DEVELOPMENT OF CIVIL LAW SYSTEM OF PRC AT PRESENT STAGE

Abstract: Civil legal system China has a tradition, stretching back into antiquity of this country, but modern civil law in fact is born in the period after 1978. Key sections – general principles, individual rights, family law, inheritance law, property law, law of obligations (General principles), contract law, tort liability. The main trends of

development: the merging of civil and commercial law, codification and de-codification, the convergence of the continental legal system and common law, strengthening the rights of an individual.

Key words: civil law, modernization, general provisions of civil law, commercial law, real rights law.

17. Bazina O.

Ph.D., Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs.

REFORM OF EXECUTIVE AUTHORITY PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Abstract: Research is devoted to the reform of the executive authorities of the People's Republic - the State Council of the People's Republic of China. The stages of the reforms that were carried out for a long time in the period from 1988 and continuing to the present. Analyzed goals of reform, at every stage of the reform of the executive branch. Particular attention is paid to the structure of the State Council.

Keywords: executive authorities of the People's Republic of China's State Council, the reform of the executive authorities, the Prime Minister, the Ministry, the State Council structure.

18. Troshchinskiy P.

Ph.D., Center of Political Studies and Prognoses Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences

E-mail: troshc@mail.ru

PARTICULARITIES OF THE CHINA'S POLICY IN LEGISLATION IN 2015

Abstract: The article investigates the China's policy in legislation in 2015. We analyze the content of laws adopted by Parliament "Counterterrorism Law of the People's Republic of China", "Anti-domestic Violence Law of the People's Republic of China", "National

Security Law of the People's Republic of China", amendments to the Criminal Code and other acts of law-making. It is noted the nature of modern challenges and threats, faced by the Chinese state in recent years, and the reaction to them by the representative authorities of China.

Key words: legal system, legislation, law of China, state security, terrorism, extremism, domestic violence, legal liability

19. Zakharova V.

Moscow University of the Ministry of Interior Affairs

E-mail: vika1690@mail.ru

ABOUT SOME ASPECTS OF THE STAGE OF INITIATION OF CRIMINAL CASE IN CHINA AND RUSSIA

Abstract: The article presents a comparative legal analysis of the institute of initiation of the criminal proceedings in the People's Republic of China and the Russian Federation. The author highlighted special features of the reasons and grounds for criminal prosecution in both jurisdictions, as well as some positive influence of philosophical and ethical concepts: Legalism and Confucianism on the institution of a criminal case in the People Republic of China. The author invited to consider the positive aspects highlighted as improving the experience of the criminal procedure legislation of Russia.

Key words: initiation of the criminal proceedings, the registration of the crime, reasons and grounds for a criminal investigation, the Public Security Organs of China, the People's Procuratorate of China, the People's Court, the application of a citizen of the crime, the applicant, full confession, legalism traditions, Confucian ideas.

20. Sokolova N.

Diplomatic academy of the Ministry of Foreign affairs of Russian Federation

E-mail: ninasokol125@yandex.ru

FUNDAMENTAL PRINCIPLES OF THE CIVIL PROCEDURE

LAW OF CHINA

Abstract: the article is devoted to the research of the basic principles of the civil procedure law of China, the disclosure of the main principles' content and its' functions within the civil procedure legal regulation. Principles of the civil procedure law are its essential grounds, which penetrate the civil procedure's area of law. Learning of its specific features will enable the reader to gain a fundamental understanding of some specificities of the legal institutions fixed in the Code of civil procedure and to reveal the distinguished features of the civil law conduction.

Key words: law of China, civil procedure, judicial procedure, civil law, principles of civil procedure, procedural rights, legal regulation, specific features of Chinese law regulation.

Для заметок

For Notes

Корректор *Байкова В.А.*
ИДВ РАН

Подписано к печати 14.11.2016 г.
Печ.л. 16,0. Тираж — 135 экз. Заказ №
Печатно-множительная лаборатория
Института Дальнего Востока РАН.
Москва, 117997, Нахимовский пр-т, 32.
www.ifes-ras.ru